

НИКОЛАЙ ДВОРЦОВ:

*Ж*изнь
и творчество
писателя
в воспоминаниях,
статьях
и документах

Управление Алтайского края по культуре и архивному делу
Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова

НИКОЛАЙ ДВОРЦОВ:

*Ж*ИЗНЬ
и творчество
писателя
В ВОСПОМИНАНИЯХ,
СТАТЬЯХ
и документах

Барнаул 2018

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

*Книга издана на средства краевого бюджета
по результатам краевого конкурса
на издание литературных произведений*

Гущина, Т. Н.

Д – 245 Николай Дворцов: жизнь и творчество писателя в воспоминаниях, статьях и документах / сост. Т. Н. Гущина ; Упр. Алт. края по культуре и арх. делу, Алт. краев.универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова. – Барнаул; Кемерово: Технопринт, 2018. - 296 с., ил. – (Победители краевого конкурса на издание литературных произведений).

ISBN 978-5-85905-528-9

Издание посвящено судьбе одного из самых известных и популярных писателей Алтайского края, члена Союза писателей СССР, заслуженного работника культуры РСФСР Николая Григорьевича Дворцова (1917-1985), творческая и общественная деятельность которого оставила глубокий след в истории культуры Алтая.

Книга основана на архивных материалах, интервью писателя, статьях и заметках, а так же на воспоминаниях близких и коллег Н. Г. Дворцова.

Адресована книга широкому кругу читателей, интересующихся историей литературы Алтайского края.

ISBN 978-5-85905-528-9

ББК 83.3(2Рос-4Алт)-8

© Т. Н. Гущина, 2018

© КГБУ «Алтайская краевая универсальная
научная библиотека им. В. Я. Шишкова», 2018

Татьяна Гущина

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

*Отрада и печаль – противоположные чувства –
сопутствовали автору на протяжении всего
повествования.*

*Отрадно было оживать в памяти давнее...
Печаль же рождалась от сознания того, что
все это было, да быльем поросло...*

Н. Дворцов «Святая простота, или
телега семейной жизни»

Более тридцати лет назад, когда я занималась подготовкой посмертного издания «Человек большого сердца», ко мне обратились с просьбой сделать обзор творчества Николая Дворцова.

Просил Владимир Сергеев, известный на Алтае поэт, папин хороший друг. Не дождавшись, он сам написал послесловие книги – тогда я так и не решилась взяться за эту работу. Слишком мало времени прошло – слишком сильна была боль от утраты.

В 2017 году исполнилось ровно сто лет со дня рождения отца. Время пришло. Я попыталась, как могла, охватить мысленным взором всю его жизнь и творческий путь.

В настоящем издании я с большим удовольствием представляю вашему вниманию творческий портрет моего отца, писателя Николая Дворцова.

Николай Григорьевич Дворцов родился 19 декабря 1917 года – ровесник молодого советского государства. Уже одна только его биография – голод, тяжелый труд, ранняя потеря отца, война, плен – судьба не одного человека, судьба поколения, судьба эпохи. Эти события не только сформировали личность будущего писателя – это был такой весомый и раскаленный материал для его книг! А что может лучше рассказать о писателе, чем его произведения?

Как-то, будучи старшеклассницей, я попросила: «Папа, расскажи про плен!» Так глупо и неуместно, будто просила сходить вместе на прогулку по Ленинскому, как мы часто делали. Он лаконично ответил: «Вся моя жизнь – в моих книгах. Читай!»

Читаю и по сей день... Погрузилась в его романы, повести, рассказы – уже как-то по-другому, не как раньше: на бегу, на скаку. И впервые по-настоящему увидела отца – писателя и человека. Как бы интересно мне было сейчас пообщаться с ним живым!

Осталось только это общение – через книги. И это немало.

Я постаралась, чтобы на страницах этого издания как можно больше говорил он сам: отрывками из своих произведений, выступлений, интервью, голосами своих персонажей.

В книгу вошли воспоминания современников отца, его друзей и учеников, родных.

Каждый из тех, кто писал об отце, его произведениях добавлял новую краску, новый штрих к образу писателя Николая Дворцова.

Моя главная задача была, прежде всего, в том, чтобы попытаться собрать все в единое целое и глубокий профессиональный анализ произведений писателя (этому посвящена глава «Любовь моя – литература»), и воспоминания близкого окружения (глава «Остановиться, оглянуться»), и, главное на мой взгляд, позволить Николаю Дворцову напрямую говорить с вами со страниц этого сборника.

Теперь, когда моя работа почти завершена, я прикрываю глаза...

Как яркие стеклышки в детском калейдоскопе, складываясь, образуют удивительной красоты узоры, так и мои мысли – одна к другой – рождают разные воспоминания. Они все прекрасны, потому что отец в них – здоровый, сильный, с его мудрыми глазами, с его заботой и любовью, с его стойкостью и слабостями. Поделюсь некоторыми из них.

Отец...

В памяти моей он всегда за письменным столом или с книгой в руках. Книги – как же он любил их! Эту любовь он смог вложить и в меня.

Помню мою первую встречу с литературой – это был сборник сказок и стихов Корнея Чуковского. Довольный отец принес его, видимо, только-только приобретя, в детский сад на Никитинской, когда к вечеру, после работы, пришел забрать меня. Помню, я тогда заявила:

«Папа, почему ты не милиционер? – Вовка все время за бант дергает». Но, когда толпа детей окружила нас с отцом, и все стали рассматривать красочное, богатое на картинки издание, я тут же позабыла все свои «претензии».

Я – старшеклассница. Отец внимательно отслеживает, что я читаю. А я, буквально, глотаю книгу за книгой: Толстой, Тургенев, Чехов, Роллан, Лондон...

Когда встал вопрос о выборе профессии, вуза, помню, мать и друзья семьи советовали идти в мединститут, только отец сказал: «Таня, ты же так любишь книжки!»

Поступаю в пединститут, на отделение русского языка и литературы.

Книги, книги, книги...

Ночь.

У отца в кабинете (это крошечный закуток) горит свет. Усталая мать спит- сестренки в качалках затихли. Моя кровать в стороне у печки. Это самый теплый уголок в квартире. Я на цыпочках крадусь в кабинет. Знаю, что нельзя. «Не лезьте к отцу – он работает», – наказ мамы. Но ведь она спит.

Отец за столом. Что-то, как всегда, пишет. Кабинет мне кажется волшебным! Огромный стол с множеством выдвижных ящичков. На нем – большая лампа с абажуром голубой ткани с загадочными фигурками. Тут же – толстые книги, письменный прибор: чернильница, несколько ручек с острыми перьями и хорошо заточенный простой карандаш. И, конечно, стопка чистой желтоватой бумаги.

К чему-то прикасаться в комнате отца нам, детям, не разрешают – запретная зона. Наверное, поэтому так тянет сюда.

«Тоха, ты почему не спишь? – отец улыбается, достает откуда-то (сказочник!) конфету. О! Шоколадная! А сам-то сосет дешевые леденцы, чтобы меньше курить. Гладит меня по голове: «Иди, иди спать». Я совершенно счастлива.

Это сейчас я понимаю, что после таких бессонных творческих ночей отец рано вставал и шел, как все, на работу. И так постоянно. Как у него хватало сил, физических и моральных? Такое упорство, стойкость, желание доказать себе и другим, что он чего-то стоит.

Мы с отцом едем в Тогул – не только в командировку, но еще и в гости к дяде Коле Чебаевскому. Поезд ночной. Плацкарт. Нам достаются верхние полки. Мне боязно – так высоко! Отец всю поездку следил, чтобы я не упала. Еще одна его бессонная ночь.

В Тогуле отца ждала работа, а меня – веселые дочки Чебаевских и маленькие детские открытия. А еще – невиданные в городе лакомства: лесные ягоды с парным молоком. Как было вкусно жить!

Весна. Улица Никитинская в районе храма Покрова – старая часть города. Деревянные дома, обязательные огороды, у кого-то по утрам кричали петухи. Даже -хорошо помню – гнали в конце дня стадо коров. Они казались сердитыми, усталыми, недовольными: того и гляди поднимут кого-нибудь из нас, ребятишек, на рога, забодают.

Шла весенняя обрезка деревьев. Я, девочка лет десяти, возвращаясь из школы, выбрала себе веточку тополя, принесла домой и поставила в темно-зеленую бутылку из-под лимонада.

Вскоре ветка дала корни.

Отец предложил мне: «Давай посадим ее. Ты будешь расти и тополек тоже. Так вместе и повзрослеете». И мы посадили веточку в палисаднике у деревянной лавочки. Веточка прижилась и через какое-то время превратилась в деревце: маленькое, но какое-то веселое и родное.

Время от времени я, уже повзрослев, приходила к нашему старому двухэтажному дому дореволюционной постройки, в палисадник, где моя тополиная веточка превратилась в высокий красавец-тополь.

И слышала это отцовское: «Ты будешь расти и тополек тоже...»

Отец напряженно и тяжело работал над романом «Море бьется о скалы» – о фашистском плене в далекой Норвегии.

В июле 1959 года любимая сестра отца тетя Паша (Прасковья, но

родные звали Праскуня), жившая в Луге, под Ленинградом, пригласила брата к себе – сменить обстановку, развеяться, отдохнуть и поработать. Да и повидаться, наконец-то.

Отец меня, 10-летнюю школьницу, взял с собой – показать Москву и Ленинград.

В столице первое чудо – вкуснящее, в шоколаде, с орехами, эскимо. В Барнауле и близко такого не было! Потом – огромный магазин «Детский мир» Сколько замечательных игрушек! Какие изумительные куклы! А красивые платица! Но отец целенаправленно вел в обувной отдел, где мне были куплены добротные коричневые туфли: чтоб и для школыгодились.

В Ленинграде нас встретил племянник отца Николай, сын тети Паши, и сразу повез в Лугу. Участок земли с садово-огородными посадками. Хороший деревянный дом с мезонином, где автономно расположился отец, чтоб никто не мешал работать.

Мешала только я, регулярно забегая к отцу в любое время. Как разряженная батарейка нуждается в подпитке, так и я всегда тянулась к отцу, наполняясь его заботой и любовью, чувствуя себя рядом с ним защищенной от всех детских невзгод.

Порой собирались родственники, их друзья. Хорошо помню частые беседы с очевидцами о блокаде Ленинграда, с обжигающими подробностями, которые память сохранила до сих пор.

В Луге отец вчерне завершил роман «Море бьется о скалы». Врезалась в память фраза отца, сказанная сестре: «Я все равно напишу эту книгу, пусть даже меня посадят». Ведь плен в те годы был закрытой темой, а бывшие военнопленные находились на учете в органах КГБ (отец – тоже).

Роман в 1961-м году вышел в свет и мгновенно обрел признание и любовь читателей.

Отец всячески поощрял наше общение с братьями меньшими, попадая в разное время в наш дом, они часто становились героями его рассказов.

Однажды вечером мама принесла какой-то ватный сверток. Там

оказался шарик – маленький, серый и жалкий. «Ежонок!» – удивился отец. Подруга мамы с семьей уезжали в другой город – нас попросили взять ежика.

Надо было его спасти! Главное – покормить. Но чем и как? «Все маленькие питаются молоком, – сказал отец. – Наверное, так мать-ежиха кормила бы малыша».

Налили в чашку молока. С пипеткой ничего не получилось – ежонку надо было открывать рот, но мордочка маленькая и скользкая, отец взял чайную ложку. Долго мы бились, пока ежонок, наконец, понял, что это такое: облизал сначала край ложки, а потом ткнулся своим крошечным пяточком в середину и выпил.

«Теперь – спать», – сказал отец. – «Маленькие после еды всегда спят».

Мы закутали ежонка в вату и положили в коробку из-под обуви. Так в нашей семье появился новый жилец: Кузька, Кузя.

У Кузи все было наоборот. Мы утром вставали, вечером ложились. А ежик утром ложился, а вечером вставал. Но это не мешало нам очень полюбить его.

С разрешения отца мы уже собирались вынести Кузю в палисадник – на прогулку.

Но... он исчез!

Сколько детских слез было пролито! Оказалось, что около входной двери нашей квартиры прогнила нижняя доска.

«Кузька вырвался на волю – ему там лучше», – успокаивал нас отец.

Потом он написал рассказ о нашем ежонке – «Всеночник».

Наконец-то издан роман «Море бьется о скалы», в который отцом было вложено столько душевных сил, мучительных воспоминаний, нервного и эмоционального напряжения. Словно он заново прошел все испытания, выпавшие на его долю, но при этом смог подняться над всем, чтобы уже с другой, более жизнеутверждающей позиции, рассказать читателям свою историю.

И вдруг – неожиданная радость! Как награда за труды и реши-

мость донести правду о замалчиваемой теме плена. Один из главных героев книги, военврач Николай Васильевич Садовников, жив! Заведует хирургическим отделением больницы в Джизаке. Не так уж и далеко от Алтая.

И вот июль 1962 года. Отец с матерью, я и корреспондент «Алтайской правды» Геннадий Осипов на перроне железнодорожного вокзала встречаем дорогого гостя.

Два Николая, верные товарищи и друзья, не виделись девятнадцать лет. Обнимаются, на глазах слезы. Мы тоже шмыгаем носами, вытираем глаза.

Дома ждет обед, отдых, бесконечные воспоминания.

Нам, детям, в радость такая веселая суматоха. Наша семья моментально тоже оказались в центре внимания – постоянные телефонные звонки, от журналистов отбоя нет, и даже на телевидении сделали небольшой сюжет о встрече писателя и его героя. Там мелькали и мы с сестрами - три девчонки стали почти звездами в кругу ровесников.

Эти дни пребывания Садовникова в Барнауле, беседы о войне и плене, часто в нашем присутствии, незаметно наполняли нашу жизнь какими-то новыми смыслами. Воспоминания Николая Васильевича и отца о лагере в Лаксевоге, яркие подробности, не вошедшие в книгу; рассказы Садовникова о других лагерях, где ему пришлось работать и бороться, заставляли задуматься о вечном, добре и зле, мире и войне, отваге и подлости, жестокости и милосердии.

Николай Васильевич уехал, но осталась его фотография: мужественное, даже суровое лицо, очки в роговой оправе. И надпись: «Дворцову Николаю Григорьевичу – товарищу и другу в память о бергенской неволе и несгибаемой воле в ней, от Садовникова Николая Васильевича».

Вспомнила этот эпизод, и захотелось заново перечитать, переосмыслить роман отца «Море бьется о скалы».

Думал ли он тогда, что ему еще придется побывать в тех местах? На холодных берегах Норвегии... Отец вернулся тогда, в 1967, из туристической поездки – помолодевший, оживленный, с подарками для нас.

Всю ночь, закрывшись в ванной комнате, мы с ним печатали фотографии: вот он, рядом – руководитель группы Сафронов Виталий Александрович, а вот это – знаменитая Мария Эстрем, «русская мама»,

спасшая жизни стольких русских военнопленных, а здесь стоит на возвышенности небольшой светлый домик композитора Эдварда Грига, почти полностью окруженный водой фиордов.

Процесс священнодействия, а по-другому процесс печатания фотографий в те времена и не назовешь, сопровождался яркими красочными комментариями папы. Отец бережно работал (со стороны – прямо-таки хирург во время операции) пинцетом, как положено. Справочник «В помощь фотолюбителю» был всегда под рукой – и он строго следовал его указаниям. Отец все делал основательно, скрупулезно – его стиль.

Как хорошо, что я не ушла тогда спать – та чудесная бессонная ночь до сих пор со мной. И перед глазами – сохнувшие на бельевой веревке пленки вперемежку с фотографиями, ванночки с волшебными смесями, оживленный отец с пинцетом в руках что-то рассказывает мне о Норвегии.

С покупкой осенью 1963-го года сада на Кордоне жизнь в нашей семье изменилась коренным образом. Озабоченные родители постоянно говорили о необходимости построить на участке новый крепкий дом (доставшееся от прежних хозяев фанерное сооружение, оказывается, протекало не только по периметру, но по всему потолку).

Отец сделал, как мог, небольшой чертеж будущего домика – вполне симпатичного. Казалось, воплотить задуманное в жизнь, будет не так уж и сложно (дед мой Григорий был столяром). Но когда весной принялся за работу, оказалось, что по наследству умение ладить с инструментом не передается: порезался ножовкой, молотком поотбивал пальцы, сгорел, конечно, на солнце – плечи, уши и нос все время шелушились!

Несмотря на все трудности, к концу осени строительство было завершено.

Удивительно, но он до сих пор жив и верно служит нам – этот крепкий деревянный домик с оцинкованной крышей.

Есть заядлые охотники и рыболовы. Отец же был заядлым садоводом. Интересно, что у него все росло как на дрожжах, все было отборным: малина, смородина, яблоки. И даже огород: помидоры,

редиска, огурцы (причем рассаду выращивал сам). Мать только удивлялась – легкая рука!

Но я думаю, все дело в любви, в особой энергетике любви. Он страстно тянулся к природе, тонко чувствовал ее и бережно относился к любой былинке – для него это были живые существа и, значит, друзья.

Позднее появилась прекрасная небольшая книга «Друзья жданные и нежданные», в которой с удивительной художественной точностью переданы повадки и характеры скворцов, воробьев, трясогузок и других наших «соседей» по даче.

Но самая большая его страсть – цветы. Все лето они радовали нас: нежные нарциссы и стройные тюльпаны, оранжевые лилии и ароматные флоксы самых разных оттенков. И, конечно, целая плантация аристократичных пионов: белые, розовые и бордовые. Глаз не отвести!

Когда шумели майские грозы, на мой день рождения отец всегда привозил из нашего сада охапку душистой сирени. Навсегда со мной эта дорогая картинка, этот стоп-кадр: весенняя гроза и промокший, оживленный отец в дверях с ароматным сиреневым букетом.

Неужели все это было? Прошло более тридцати лет... Мой папа...

Как много сохранила память таких вот эпизодов, ярких картинок из детства, невольных наблюдений моих и размышлений! Свой рассказ об отце заканчиваю со смесью радости, ностальгической грусти и глубокой благодарности.

Много труда, терпения и энтузиазма понадобилось мне, для того чтобы довести задуманное до конца. И для меня бесконечно важно и ценно, что помогали в этом люди, которые жили рядом, хорошо знали Николая Дворцова как человека и писателя (а это слито воедино) – Марк Юдалевич, Георгий Кондаков, Владимир Сергеев...

Я выражаю глубокую признательность сотрудникам Государственного архива Алтайского края, Государственного краеведческого музея, Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая.

Спасибо Елене Николаевне Ишутиной, Елене Владимировне Огневой и Игорю Алексеевичу Короткову – за творческую и организационную поддержку проекта.

Особую благодарность выражаю коллективу Алтайской краевой универсальной научной библиотеке им. В. Я. Шишкова за помощь в подготовке настоящего издания.

Ну а теперь, позвольте передать слово Николаю Григорьевичу...

«Портрет Николая Дворцова»

Алексей Бородин (заслуженный художник России)

СЛОВО – ДВОРЦОВУ

*Выступления, статьи,
отзывы читателей*

О ВРЕМЕНИ, О ЖИЗНИ, О СЕБЕ

(из радиопередачи Э. Свиридовой, 1967)

С самого детства я любил литературу.

Рос в семье не совсем крестьянской – отец у меня был столяром; так, попутно, занимался и сельским хозяйством. Человек он был для своего времени оригинальный. Хотя бы тем, что он ни одного дня не ходил в школу. Тем не менее он читал, очень любил художественную литературу. У нас была библиотека, в этой библиотеке – и Лев Толстой, и Пушкин, и Жюль Верн.

Первое художественное произведение, которое я прочитал, – была повесть Бичер Стоу «Хижина дяди Тома». Тогда я учился во втором классе. Кстати, когда пошел в школу, я уже писал и читал.

Выучил меня этому отец. У него своя метода была. Он мне задавал в день букву. Вот дает букву А. «Это, чтобы ты не забыл, арбуз». И вот я две страницы писал букву «А» прописную и заглавную. Так за месяц с лишним я изучил всю азбуку и стал читать. А где-то во втором классе я уже читал матери роман «Хижина дяди Тома». Когда мы дошли до того места, где Том был убит ножом (его, раба, вот-вот должны были опустить на свободу) я плакал здорово, мать тоже плакала.

Затем я очень увлекся Жюль Верном. Когда мне отец объяснил, что все это фантазия, и объяснил, что такое слово «фантазия», я был страшно разочарован.

Вот так я с детства читал, а потом начал пробовать писать. Сначала стихами, а в техникуме – уже рассказы. На первом курсе института у меня был опубликован рассказ «Бельчик». Потом второй – «Дошкольники».

Хотелось как-то передать свои впечатления.

[Про «Море бьется о скалы»]

В основе этого произведения действительные факты, написано о том, что я сам пережил – не столько видел, сколько пережил.

Я поначалу написал первую книгу – «Дороги в горах». Было очень много писем. Когда в Новосибирске вышла первая книжка (первая часть) романа «Дороги в горах», то просто поток писем пошел – читатели спрашивали: вышла ли вторая книжка, если не вышла, то когда она выйдет. И что это такое за манера у писателей: напишут одну книжку, а другую задерживают. Нам нужно знать, что стало с героями...

И казалось, более естественно было бы, если бы я взялся за вторую книгу романа «Дороги в горах». Я же взялся за «Море бьется о скалы» – почувствовал: настало время, надо мне написать эту вещь, иначе я никуда дальше не двинусь, пока не освобожусь от нее.

А потом уже дописал последнюю часть романа «Дороги в горах», и в таком виде он был издан в Москве в издательстве «Советская Россия».

Мало сделал и не очень здорово сделал. Пятьдесят лет – это где-то впереди вырисовывается финиш.

...У меня задуманы две вещи.

На наше поколение выпали тяжелые годы. Я родился в 1917-м году в Поволжье. Времена были трудные. В 1931-м году Поволжье пострадало от большой засухи. Недавно закончилась гражданская война, с бандитизмом еще не было покончено. Нелегко проходила в деревне – это не секрет – коллективизация. Ну, как люди столетия жили одним укладом, и вдруг повернуть по-другому жизнь крестьянскую! Это проходило трудно.

Но, когда я сейчас начинаю раздумывать, – а ведь это хорошо, когда трудно было в молодости. Потом эта трудность оборачивается даже каким-то счастьем. Эти трудности – они закаляют человека, обогащают его опытом большим. Так что нашей молодежи не следует бояться трудностей, а, может, даже идти на эти трудности, чтобы обогатить свою душу, познать жизнь.

Повидал я много – а теперь это обернулось каким-то багажом опыта, знаний. Такого своеобразного багажа, которого у других нет.

Вот мне и захотелось показать представителя своего поколения. Конечно, передать этому представителю многое из того, что я повидал и пережил. Показать эту жизнь. Сейчас, с высоты пятидесяти лет, многое понимаешь совсем по-иному, чем, допустим, понимает наша молодежь. Я назвал это произведение «Конец и начало». Это кусок жизни. Мне хочется написать о жизни, о преемственности жизни. Но как это получится – я еще не знаю. Написано, правда, порядочно, но еще все впереди...

А параллельно – небольшая повесть. Я ее назвал «Непутевые».

Кстати, у нее есть такая интересная предыстория.

Как-то я лежал в больнице, в палате у нас были ребята сельские

– молодые веселые ребята. Вот один рассказывает: у нас, говорит, парень в совхозе – очень такой настырный парень, все ему надо, другой бы и не полез, а он обязательно лезет.

Еще мальчишкой он думал изобрести парашют – сделал из зонтика, спрыгнул с крыши, ногу себе повредил. А совсем недавно, работая электромонтером, достал какой-то моторчик чешский – малогабаритный, но очень сильный. И соорудил потихоньку от людей у себя в сарае вертолет. И вот при испытании этого вертолета упал, разбился – не насмерть – и оказался в больнице. И когда врач – уже подлечили его хорошо – идет с обходом: «Ну, как ты чувствуешь себя? Теперь ты знаешь, как это – летать?» А он прищурился: «А все равно я его доделаю!»

Вот это страшно мне понравилось. Постоянный поиск. Эти люди не погрязают в обывательской тине.

Меня заинтересовали эти люди, и я хочу написать небольшую повесть и назвать «Непутевые». В кавычках, конечно. [29]

БИТЬ ТОЧНО, ПРИЦЕЛЬНО!

(Отрывок из выступления)

Алтай, как и вся Сибирь, справедливо считается землей талантливой, литературной. Задолго до революции здесь многообещающе вспыхивали огоньки таланта, но беспросветная нужда, откровенный деспотизм, невежество не давали разгореться этим огонькам, гасили их в самом начале.

Так, в 29 лет погас, скитаясь по ночлежным домам Петербурга, барнаулец Иван Кущевский, автор романа-хроники «Николай Негреев», опубликованного в некрасовских «Отечественных записках».

Не суждено было развиваться в полную силу таланту Ивана Тачалова, тоже барнаульца, названному А.М. Горьким «человеком страшной жизни».

В революцию и первые годы советской власти на Алтайской земле начинали литературную деятельность Афанасий Коптелов, Михаил Бубеннов, Илья Мухачев, Глеб Пушкарев.

Неповторимая природа Алтая и своеобразный, мужественный уклад жизни его народов привлекали внимание Вячеслава Шишкова, Анны Караваевой, Алексея Новикова-Прибоя, Владимира Бахметьева, Виллиса Лациса. Каждый из них отдал какую-то долю своей жизни и творчества Алтаю.

Однако широкое литературное освоение Алтая началось двадцать лет назад, когда создано было краевое книжное издательство и когда родился первый номер альманаха «Алтай».

Все познается в сравнении. Если даже бегло просмотреть сорок четыре книги альманаха, вышедшие за двадцать минувших лет, то можно наглядно убедиться, как рождалась, росла, мужала алтайская литература. Робкие неуверенные рассказы, очерки в первых номерах постепенно уступают место повестям, романам, поэмам, пьесам. Заметно растет композиционное мастерство, сочнее, колоритнее становится язык, рельефней и глубже обрисовываются образы. Произведения привлекают внимание читателей, критики, переступают границы края.

В пятидесятых годах московский журнал «Октябрь» печатает сти-

хи ныне покойного Ивана Фролова, «Сибирские огни» – поэму Марка Юдалевича об Алтайском горном инженерере Иване Ползунове, роман «Конструкторы» Николая Павлова, стихи Константина Козлова, Михаила Длуговского и др.

В последние годы Алтай бурно развивается, и писатели с первых шагов своего творчества, улавливая пульс жизни, не стоят в стороне от больших народных событий.

Александр Баздырев показывает, как с ростом городского жилищного строительства наступает конец нахаловкам. Это глубоко типичное явление. Под мощным напором нового рушатся не только гнилые, одряхлевшие избышки, землянки, но рушится старый обывательский уклад жизни, психология частника с извечным стремлением выгадать, обмануть, нажиться.

Николай Павлов, работая на заводе конструктором, любовно рисует в своих повестях, романах техническую интеллигенцию, передовых рабочих, пытается раскрыть их внутренний мир, патриотические помыслы и устремления.

Иван Кожевников и Лев Квин первыми заговорили в своих произведениях об освоении целинных и залежных земель. Они, как и подобает писателям, показывали, как это большое событие влияет на судьбы людей, их психологию, как закаляет, изменяет характеры.

И даже тот из писателей, кто брался за разработку исторической темы – отечественную, гражданскую войны или даже уходил в своем поиске вглубь времен – старался не отрываться от современности. Он рассматривал исторические факты с позиций сегодняшнего дня. И старался показать людей с чистой и сильной душой, борцов за справедливость, за счастье народное...

Есть такое выражение: «чуть-чуть». В искусстве это «чуть-чуть» имеет огромное, а может быть, даже решающее значение. «Чуть-чуть» – это тот самый барьер, за которым начинается большое искусство, и переступить который не каждому удастся в силу недостаточного мастерства или недостаточной настойчивости, а иногда того и другого вместе.

Известно, как много бились над пресловутым «чуть-чуть» такие большие мастера кисти и слова как Репин, Суриков, Чехов, Бунин и многие другие. Бьется-бьется, найдет – и все в картине или литера-

турном произведении встанет на место, озаренное тем самым желаемым светом, заиграет, впечатляя и даже потрясая.

Думается, нам тогда не хватало да зачастую не хватает и теперь этого «чуть-чуть». Именно поэтому, кажется, произведения алтайских писателей не попадают в самый первый, самый боевой эшелон литературы, когда герои, подобно Павке Корчагину или Чапаеву, становятся на каждый день друзьями, советчиками, наставниками многомиллионного читателя, с этими же целями уходят за рубежи родины.

У писателей Алтая большое преимущество – обилие жизненного материала для изучения своих героев и конкретной обстановки, в которой они действуют. Нет необходимости отправляться в дальнее путешествие. Герои наших произведений с нами, мы проникаемся их помыслами и устремлениями, дышим одним воздухом.

Однако обладание большим жизненным материалом – вещь сама по себе прекрасная – не может заменить литературного мастерства – совершенного владения композицией, языком, обрисовкой образов. И даже наоборот, обилие жизненного материала, наблюдений иногда наваливается так, что автору никак не удается справиться с этим обилием. Не умея отделить зерен от мякины, он валит все в кучу, отчего нарушается стройность построения, образы, расплываясь, теряют четкость, а произведение пухнет в объеме, хорошее тонет, пропадает.

В настоящее время в писательской организации краевого центра двенадцать членов Союза. Столько же в Горно-Алтайской автономной области, большинство из которых работает на родном языке. Двадцать четыре официально признанных писателя. Много это или нет? Если сравнивать с количеством населения края, с его обширной территорией, которая не уступает многим европейским странам, кажется, что немного. Но все обернется другой стороной, если вспомнить, что в начале пятидесятых годов на Алтае только два человека обладали писательскими билетами. Два и двадцать четыре! Это ли не свидетельство постоянного внимания правительства к развитию и подъему культуры народа, не результат постоянной заботы о воспитании творческих кадров.

В прошлом юбилейном году в члены Союза писателей были приняты Георгий Егоров, Иван Кудинов, Виктор Попов. Совсем недавно

писательская организация единодушно рекомендовала в члены Союза Петра Бородкина, заведующего архивным отделом Крайисполкома, автора исторических рассказов о Барнауле, большого количества исторических очерков, созданных на основе документальных фактов.

Известные писатели С.П. Залыгин и А.Д. Салынский в своих рекомендациях отмечают, что в П.А. Бородкине художник счастливо сочетается с историком, дополняя друг друга, и что у Бородкина своя тема, герои его книг – истинно русские люди, с чистой душой и устремлениями, свободолюбивые, честные.

Писатели старшего поколения свое мировоззрение, свою преданность родине, народу закалили в огне Великой Отечественной войны. И теперь, занимаясь литературным творчеством, они перо стараются приравнять к штыку.

Соблюдают точный прицел в своих произведениях такие писатели как Иван Кудинов, Виктор Попов, Николай Чебаевский, Виктор Сидоров. [1]

РАБОЧИЙ СТОЛ ПИСАТЕЛЯ

(Телепередача, 25 марта 1965 года)

Ведущий в кадре (В.С. Сидоров, прозаик, член Союза писателей России):

Товарищи, в передачах, которые мы объединили рубрикой «Рабочий стол писателя», вы познакомитесь с творчеством алтайских литераторов. При этом, главное слово мы представляем самим писателям.

Как рождается замысел произведения, как пишется книга, созревают образы, как и в чем проявляется творческая индивидуальность писателя, – вот круг вопросов, которые интересуют каждого читателя. Да и просто жизнь писателя с ее встречами, неожиданностями, находками и трудностями представляет несомненный интерес.

Сегодня у нас в студии Николай Григорьевич Дворцов, автор широко известных книг «Дороги в горах» и «Море бьется о скал».

Может быть, вы помните одну из наших передач 1962 года, в которой мы рассказывали о встрече писателя с героем своей книги «Море бьется о скалы»?

Вот эта пленка.

За кадром ведущий:

Нельзя без волнения смотреть на встречу друзей, переживших страшный ад фашистского концлагеря в Норвегии. Их не сломали ни голод, ни побои, ни постоянный страх смерти. Они не только выжили, но и боролись.

Николай Васильевич Садовников, врач-хирург, живущий сейчас в Джизаке, прочел книгу и поспешил в Барнаул. Им было что вспомнить в эти радостные дни задушевных бесед.

В кадре ведущий и Н.Г. Дворцов.

Да, эта встреча была волнующей и для меня, и, несомненно, для Николая Васильевича Садовникова.

Роман «Море бьется о скалы» написан на основе личных впечатлений, т.е. в нем описано то, что я видел лично и что сам пережил. Материалом я располагал огромным, замысел произведения появился давно, сразу после окончания Великой Отечественной войны. Однако, потребовалось много лет на то, чтобы этот огромный ворох

материала переплавить в соответствии со своим замыслом. Да и сам замысел в процессе его вынашивания несколько раз менялся, усовершенствовался.

Поначалу была мысль – написать документальную вещь, т.е. описать все досконально так, как происходило в действительности в лагере военнопленных в городе Бергене. Но потом мне пришлось отказаться от такого замысла – связывал он меня.

После пришла мысль написать роман – художественное произведение, в котором я имел право создавать собирательные образы, обобщать и додумывать.

Однако наряду с такими обобщенными образами в романе есть образы, взятые непосредственно из жизни. Доктор Садовников, Васек Хорошаев, комендант лагеря Керн – это не плод фантазии автора. Они были в действительности, а доктор Садовников есть и теперь. Он живет и трудится в Узбекистане, в городе Джизаке.

В августе 1962 года Садовников приезжал ко мне в гости, а летом прошлого года я был у него.

Рассказ о посещении Садовникова (*фильм, запись*).

Да, вот вы еще раз устроили мне встречу с Николаем Васильевичем Садовниковым. И главное – все неожиданно. Вот недавно я слушал по радио концерт. Конферансье говорил: «У нас в студии неожиданно оказался писатель-юморист такой-то, но так как он не может читать свои произведения, то у нас в студии неожиданно оказались артисты такие-то...».

Нечто подобное произошло, кажется, и у нас – тоже все неожиданно.

Вы заметили в начальных кадрах кинофильма, при встрече с Садовниковым пожилого человека? Это мой старший брат Петр Григорьевич. Случилось так – приехал Садовников и приехал он из нашего родного села в Саратовской области. Не виделись мы с ним с 1946 года. После такой длительной разлуки было, конечно, много разговоров. Я, конечно, усердно расспрашивал о людях, известных мне с детства. Он охотно удовлетворял мое любопытство.

Судьба одного человека взволновала меня, заставила о многом задуматься. Назовем этого человека просто Тимкой. Так вот этот Тимка воспитывался в детском доме. Был комсомольцем, активно уча-

ствовал в проведении сплошной коллективизации, после работал в МТС. Вообще был парень, как говорят, рубаха: веселый, общительный, неприменный участник художественной самодеятельности.

Во время войны Тимка попал в плен и пошел в услужение к врагам. Причем, услуживал не так просто ради баланды, а с большим пристрастием, зверски издевался над своими односельчанами, всячески старался уничтожить их, чтобы избавиться от свидетелей.

Осенью этого же года я заболел и лежал в краевой больнице вот здесь рядом с телестудией. Среди больных был один пожилой человек, рабочий совхоза. Жизнь старика была большой и сложной. Ни за что он был посажен в 1936 году, а в 1942 – попал в плен под Харьковом.

Рассказ старика (*запись*).

Рассказ брата и больного старика как-то сплелись воедино, и у меня появилась мысль – показать судьбы двух человек: одного честного, простого, он бесхитростно любит Родину, народ. Он и в наших лагерях побывал, и в фашистских, но остался верным себе, народу, Родине. Этому доброму, честному человеку противостоит шкурник и трус. Ради спасения своей жизни он идет на предательство и вообще он делает только то, что ему выгодно. Он берет от людей все, а сам ничего им не дает.

Так появился замысел повести «Двое в палате». В ней я старался не только показать предателя, но проследить его судьбу на протяжении двадцати с лишним лет.

Сейчас эта повесть закончена.

В.С. Сидоров:

Николай Григорьевич, Вы были делегатом второго съезда писателей Российской Федерации. Не могли бы Вы поделиться своими впечатлениями о съезде.

Н.Г. Дворцов:

Мне кажется – вряд ли будет целесообразным, если я начну подробно день за днем рассказывать о работе второго съезда писателей России. Ведь материалы съезда и вступительное слово Михаила Шолохова, и большой отчетный доклад председателя Правления Леонида Соболева, и выступления всех делегатов – подробно передавались и по радио, и публиковались в еженедельнике «Литературная Россия», «Литературной газете».

Съезд закончил свою работу седьмого марта. После того прошло уже больше полмесяца. Мне кажется – телезрители, интересующиеся литературой, а таких, я уверен, – подавляющее большинство, успели подробно ознакомиться с материалами съезда. И какой смысл все это еще раз повторять?

Мне думается, лучше будет, если я расскажу о своих личных впечатлениях о съезде писателей.

В.С. Сидоров:

Да, мне тоже кажется, что так будет интересней. Расскажите о том главном впечатлении, которое Вы получили от съезда и которые, так сказать, привезли с собой для последующей работы.

Н.Г. Дворцов:

Главное впечатление, которое осталось у меня от работы съезда – это единодушие, сплоченность писателей различных национальностей и различных по своим творческим возможностям в решении стоящих перед ними задач.

Леонид Соболев в своем докладе, мне кажется, точными и емкими словами охарактеризовал художественную литературу. Он говорит: «Как бы в заботе о своем бессмертии, человеческий гений создал в веках явление поразительное: граничащий с реальностью мир образов – литературу. Неподкупный судья и суровая совесть человечества, свидетель зарождения его светлых надежд и свершения или гибели их – она в неугасающей памяти хранит чувства и мысли давно исчезнувших поколений, непрерывно впитывая в себя мысли и чувства новых».

Но это только одна, так сказать, определительная сторона художественной литературы вообще. А у советской литературы, советских писателей свои более целеустремленные задачи – ковать новое сознание людей, воспитывать в читателе преданность Родине, народу. Это огромная и ответственная задача.

В городе Горьком много лет живет писатель Николай Кочин. Старшее поколение знает его по очень популярным в тридцатые годы произведениям «Девки» и «Парни».

В своем выступлении на съезде Николай Кочин, мне думается, удачно сказал о том главном в работе советского писателя. Он говорил:

«Мы затрагиваем в своих книгах очень много тем – и бытовых,

и хозяйственных, и научных, и политических, и военных, и морально-этических и т.п. Но дело в том, что нужно создавать образ нашего времени. У нас выходит много книг. В каждой книге пять – шесть положительных героев. Каждый год читатель получает несколько сот положительных героев. Но где тот герой, о котором спорит наш читатель, как спорили о Базарове, Чапаеве, Корчагине, где герой, которого цитируют, анализируют критики и читатели, который является выразителем нашего жизнепонимания и жизнеощущения? В наших книгах герой часто выглядит духовно ниже и бледнее граждан страны. Масштабность героев книг уменьшается».

Так вот это, пожалуй, главная цель, к которой была устремлена вся работа съезда.

Ведь получается странная до некоторой степени вещь. Раньше писатели создавали такие образы, которые являлись, так сказать, правофланговыми. На них, эти образы, читатель равнялся в своей жизни, эти герои являлись как бы эталоном для проверки чувств, мыслей, стремлений.

Теперь же зачастую все выглядит наоборот – мы, писатели, не только не можем создать образы, которые стали бы маяками для читателей, но никак не можем дотянуть их до уровня нашего передового современника. Сплошь и рядом герои книг оказываются духовно беднее, приземленнее тех людей, которые окружают нас и с которых мы создаем свои образы.

Я, пожалуй, тут не открываю вам ничего нового. Все, о чем я говорю, мы чувствовали, понимали и раньше. Но на съезде это получило особую остроту, приобрело для каждого из нас насущную необходимость.

В.С. Сидоров:

Николай Григорьевич, все, что Вы здесь рассказываете, это, так сказать, в официальном плане. А вот в неофициальном?.. У Вас были, очевидно, интересные встречи, знакомства? Расскажите?

Н.Г. Дворцов:

Личное общение писателю нужно, пожалуй, больше, чем кому-либо другому. Особенно оно важно тем, кто живет вдали от крупных литературных центров, таких, как Москва, Ленинград, Горький, Свердловск, Новосибирск.

Важно уже то, что на съезде смогли встретиться писатели Сибири и Дальнего Востока – от Свердловска до Магадана. Тут – и встречи со старыми друзьями, и новые интересные знакомства. Мы и сидели все вместе – «Сибирь и Дальний Восток».

Съезд работал пять дней. За это время мы так осмелели, что без зазрения совести начали нарушать указанные нам географические границы: знакомства пошли вдаль и вширь. Лично мне, например, было очень приятно познакомиться с Сергеем Сергеевичем Смирновым, автором популярной книги «Брестская крепость» – она представлена на соискание Ленинской премии. Я глубоко уважаю Сергея Сергеевича Смирнова за тот огромный многолетний труд, сделанный им по разыскиванию безвестных героев Великой Отечественной войны, восстановлению в правах их доброго имени.

В.С. Сидоров:

Николай Григорьевич, все, что Вы рассказываете, – любопытно, но мы еще не дошли до главного. Ведь наша сегодняшняя передача называется «Рабочий стол писателя». Хотелось бы услышать о всем том, что предшествует появлению книги на полках магазина, то есть, как создается книга?

Н.Г. Дворцов:

Вопрос кажется на первый взгляд простым и в то же время он очень сложный. Дело в том, что работа писателя – его повседневная жизнь. О повседневной жизни рассказывать значительно труднее, чем об отдельном каком-нибудь значительном событии.

В.С. Сидоров:

Это так, конечно, но у каждого писателя своя лаборатория, свой метод работы. И я думаю, телезрителям небезынтересно узнать, как работаете Вы?

Н.Г. Дворцов:

Лаборатория есть. Она, конечно, никак не похожа на лабораторию физика или, допустим, химика. Главным оборудованием писательской лаборатории являются книги, ну, бумага еще, авторучки, может быть, пишущая машинка.

И метод работы, несомненно, у каждого писателя свой. Он вырабатывается в зависимости от характера писателя, его темперамента, психологии, навыков и привычек.

Привычки имеют огромное значение. Не зря А.С. Пушкин говорил о привычках, что они свыше нам даны. Привычки так укореняются в человеке, что потом их очень трудно изжить.

Литературным творчеством я начал заниматься вскоре после окончания войны. Жилищные условия были трудными. Мы с семьей ютились в одной маленькой комнатке. К тому же я работал тогда на радио. Литературному творчеству оставалась только ночь. Придешь с работы, отдохнешь, а потом ждешь, когда все уснут. Успокоятся – и тут начинается мое царство.

Теперь условия изменились. Теперь у меня и днем есть время, есть и отдельная комната для работы, а работаю временами ночью, хотя всячески стараюсь отучить себя от этих ночных бдений. Вот какова сила привычки!

В.С. Сидоров:

– Значит, вы и теперь работаете ночами?

Н.Г. Дворцов:

– Нет, только иногда. Дело идет к старости. Приходится заботиться о своем здоровье. Ночная работа создает, если выразиться языком космонавтов, перегрузки. Поэтому я стараюсь работать с утра. С утра – так часов до трех. После этого перехожу на чтение рукописей, если они есть, чтение литературы.

Труд писателя, как всякий творческий труд, – вечные поиски лучшего, неповторимого. Сами понимаете, что поиск всегда сопряжен с трудностями, иногда – муками. Зато удачная находка доставляет большую радость. Поэтому кто-то из писателей назвал свой труд «сладкой каторгой». И действительно – каторга, подслащенная радостью удач.

В.С. Сидоров:

– Николай Григорьевич, хочется узнать как-то подробней весь творческий процесс. С чего начинается работа над книгой?

Н.Г. Дворцов:

– Я смотрю, вы дотошный человек. Лезете в самые дебри. Что же, постараюсь, насколько могу, ваше любопытство удовлетворю.

Отправным материалом, почвой для творчества является жизнь, наблюдения автора. И чем богаче жизненные наблюдения писателя, чем больше его жизненный опыт, тем, конечно, у писателя, больше

возможностей для создания интересного произведения. И, наоборот, если писатель беден наблюдениями, плохо знает жизнь, то произведение, как правило, оказывается бесцветным, иногда фальшивым, хотя автор сам по себе может быть способным.

Вот мы с вами пришли к выводу, что наличие жизненного материала – первое, необходимое условие для сохранения произведения.

Однако жизненные наблюдения – это еще далеко не произведение, а только тот материал, из которого автор должен построить свое «здание». Встречаются люди, которые и видели много, и сами много пережили, а произведения создать не могут, хотя и пытаются это сделать. Дело, очевидно, в способностях и умении. В каждом творческом деле важны способность и мастерство. И в литературе без них никак не обойтись.

В.С. Сидоров:

– Николай Григорьевич, вот мы с вами остановились на том, что автор имеет материал для произведения. А дальше что? Как дальше идет творческий процесс?

Н.Г. Дворцов:

– Творческий процесс всегда сугубо индивидуален, каждый делает по-своему, и я могу говорить об общих положениях или в лучшем случае, как делаю я.

В.С. Сидоров:

– Расскажите лучше, как делаете вы?

Н.Г. Дворцов:

– Хорошо, постараюсь рассказать, как делаю я. До этого мы говорили о жизненных наблюдениях – ни слова о замысле. А замысел автора – это основа основ. Замысел – тот проект, по которому строится «здание». Замысел, как правило, долго вынашивается. Автор мысленно представляет себе своих героев – их внешность, характеры, мысленно заставляет их думать, говорить. И все это, конечно, исходя из своих наблюдений, на основе того жизненного материала, который он накопил.

В.С. Сидоров:

– Николай Григорьевич, вот интересно, приступая к работе над любопытной по замыслу книгой «Двое в палате», вы что, составили предварительно подробный план, все расписали в нем?

Н.Г. Дворцов:

– План, конечно, был, но только не на бумаге, а в голове.

Я старался тщательно все продумать, все взвесить. Раньше я пытался составлять план на бумаге, но потом отказался. Дело в том, что в процессе работы план непременно ломается, герои часто начинают вести себя не по плану.

Я же говорил, что у каждого писателя свой метод работы. Одни, как я знаю, пишут произведение вчерне, а потом тщательно отработывают. Я стараюсь писать так, чтобы потом было как можно меньше доработок. Такой метод, конечно, сказывается на темпах, снижает их. Но поделаться я с собой ничего не могу. Если меня не устраивает фраза, не могу перейти к следующей. Также происходит и с главами. Если чувствую, что она не получилась – не перейду к следующей.

Для проверки самого себя мне очень помогает магнитофон. Читаю главу на магнитофон и потом, как бы со стороны, слушаю ее.

В.С. Сидоров:

– Николай Григорьевич, я немало и читал, и слышал о записных книжках писателей. Вы пользуетесь записными книжками?

Н.Г. Дворцов:

– Да, конечно, пользуюсь. И нельзя ими не пользоваться. Записная книжка – все равно, что шкатулка для драгоценностей.

В.С. Сидоров:

– Вопросов, Николай Григорьевич, много. Работа писателя всегда интересна. Но надо оставить кое-что и для следующих встреч.

Спасибо вам за беседу, желаем добрых успехов в работе, новых встреч с читателями. [2]

НОВАЯ КНИГА «ДОРОГИ В ГОРАХ»

(Радиопередача, 1959 г.)

Встречаясь с авторами книг, читатели обычно задают массу вопросов, и среди них традиционный – как создавалось произведение. Много ли в романе, повести или рассказе взято из жизни или все придумано?

Признаться откровенно, этот вопрос напоминает мне самую жизнь, которая, кажется, очень проста и в то же время очень сложна.

В январе этого года новосибирское книжное издательство выпустило мой роман «Дороги в горах». Работал я над ним более трех лет. После опубликования двух частей в альманахе «Алтай» читатели высказывали немало замечаний. Учтя их, я многое изменил, исправил, добавил.

Роман посвящен молодым людям, только что окончившим десятилетку. В центре – образы Клавы Арбаевой, Игоря Гвоздина, Кольки Белендина, Нины Грачёвой.

По-разному складываются их судьбы. Клава, мать которой много лет заведует молочно-товарной фермой, бесповоротно решила поступать в сельскохозяйственный институт, чтобы стать зоотехником и вернуться в родной колхоз, сделать то, что не смогла сделать опытная, но малограмотная мать.

Колька Белендин еще в школе пристрастился к сложным сельскохозяйственным машинам. Получив аттестат зрелости, он поступает в училище механизации.

А вот Игорь Гвоздин вышел за порог школы без определенных устремлений. Ему хочется стать то археологом, то киноартистом. Потом, чтобы быть вместе с Клавой, он едет сдавать экзамены в сельскохозяйственный институт. Случилось, что Игорь, благодаря связям отца, оказался зачислен в институт, а Клава – нет, хотя вступительные экзамены она сдала лучше. Девушка возвращается домой. Игорь остается в городе. Его мучает совесть, но все-таки он продолжает учиться.

В характере Игоря много противоречивого и непоследовательного. Благородные порывы в нем соседствуют с нерешительностью, трусостью и даже шкурничеством. Это результат того, что характер

Игоря формируется под воздействием противоречивых влияний – школы, нашей действительности, с одной стороны, и родителей с мещанско-обывательским мировоззрением, с другой стороны.

Характер Клавы складывается под влиянием простых, честных тружеников. Марфе Сидоровне очень хочется осуществить свою мечту – выучить дочь на зоотехника. Но когда Клава, поступив на ферму, испугалась трудностей и не пошла на дойку коров, мать сурово говорит: «Запорхала как птичка. Не годится так, дочка, нет! Взясась за дело, как бы трудно ни было – делай. Пойдем на ферму!»

Теперь мне хочется раскрыть начальный вопрос – рассказать, как создавалось произведение.

Я очень люблю Горный Алтай. Для меня поездка в горы – все равно, что встреча с хорошим, задушевым другом. Чудесны природа и люди Горного Алтая. Там в горах, как-то особенно бросается в глаза все радостное, новое, принесенное советской властью. И рядом с этим новым, иногда воровски таится старое, и при удобном случае подает свой голос. Опытная телятница, например, может искренне верить в то, что болезнь ее телят – результат нерасположения к ней злого бога преисподней Эрлика.

В 1954-1955 годах я много ездил по Горному Алтаю. Бывал в совхозах, колхозах, далеких животноводческих стоянках. Среди животноводов встречались девушки, окончившие десятилетку. Но такое бывало редко. Чаще вчерашние десятиклассники, не пройдя по конкурсу в институт, уезжали в город, устраивались в различные конторы или просто отсиживались дома.

Как-то старик-колхозник заметил: «Вот умрем – некому будет седло починить, табуретку сделать. Теперешняя молодежь боится белые ручки запачкать, поэтому ничего не умеет».

Вот эти наблюдения и побудили меня написать роман. Постепенно в голове складывался сюжет, образы. Но когда сел за стол – работалось трудно. Вскоре убедился – не хватает знания обстановки, в которой живут и действуют герои произведения. Пришлось опять браться за чемодан и ехать в горы к своим героям.

Это еще раз убедило меня в том, что художественное произведение можно создавать только в тесном общении с жизнью, народом. Жизнь дает писателю тот материал, из которого он строит свое произведение. Жизнью это произведение и проверяется. [3]

О РОМАНЕ «Море бьется о скалы»

(Радиопередача, 1961 г.)

Совсем недавно, каких-то полторы недели назад пришли ко мне домой двое, как мне показалось, молодожены. Он молчал, она же, волнуясь и смущаясь, сказала:

– Вот мы слышали по радио главу из вашей книги. Там Степан Енин. Мой папа тоже Степан Енин. Он пропал без вести...

Она смотрела с надеждой, а я объяснил принципы, по которым создается художественное произведение. Говорил о типизации, вымысле и тому подобном. Получилось, кажется, не очень убедительно.

Молодые люди ушли разочарованные, и я не мог больше работать.

Шестнадцать лет прошло после окончания войны. Шестнадцать лет – это почти семь тысяч дней и ночей. И все это время матери, жены, дети живут мучительной надеждой узнать судьбу близких и дорогих им людей.

И еще я подумал: «Вряд ли в Европе найдется страна, в которой не было бы могил пропавших без вести советских людей. Есть они и в Италии, и в Норвегии, в Финляндии и Франции, в Австрии и Голландии, а сколько жизней сгорело в печах крематориев.

Неописуемо тяжкие испытания выпали на долю советских людей в годы Великой Отечественной войны, но самая страшная, мучительная участь досталась тем, кто оказался в фашистской неволе, за колючей проволокой концлагерей.

Такую участь пришлось испытать и мне. Это случилось в мае 1942 года при неудачной операции наших войск на Харьковском направлении. А четыре месяца спустя, пройдя несколько пересыльных лагерей в Германии, я уже был в Норвегии, на окраине Бергена, крупнейшего порта.

Страна прославленных фиордов встретила советских людей не приветливо. Дул пронизывающий до костей ветер, с грохотом, напоминающим артиллерийскую канонаду, море билось о скалы и нескончаемо шли дожди. Толстыми, как возжи, струями они лили без остановки по пять-десять суток.

Лагерь военнопленных, находившийся в яме, служившей до этого свалкой городских отбросов, залило водой. Дождь без всякого труда проникал сквозь крыши в бараки, растекался ручьями по нарам и полу. Света, печей и бани не было.

Голодом, изощренными издевательствами гитлеровцы старались вытравить из советских военнопленных все человеческое, сломить их волю, низвести до уровня животных.

Уже с первых дней начались побеги, но все они кончались крахом. Не зная местности, норвежского языка, люди, вырвавшиеся за колючую проволоку, неизменно попадали в лапы фашистов, их приводили в лагерь и расстреливали перед строем.

Обстановка казалась безвыходной. Родина была далеко, где-то за морями. Да и что там, на родине, – никто толком не знал. А здесь – дождь, голод, вши, порки, расстрелы.

По вечерам можно было слышать, как на нарах тихо и печально переговаривались: «Видать крышка нам всем. Завезли на погибель. Никому не вырваться».

Теперь, когда я вспоминаю то тяжелое время, перед глазами обязательно встает образ врача Николая Васильевича Садовникова, уроженца Саратовской области, окончившего Саратовский медицинский институт.

Немцы разрешили открыть в лагере ревир – нечто отдаленно напоминающее лазарет. Лекарств, конечно, никаких не было, была большая комната с нарами в три яруса, и был наш врач, человек неистощимого оптимизма, неистощимой стойкости и глубокой веры в силу русского народа, в силу советского строя.

Как немецкая пропаганда ни болтала о своих успехах на фронтах, Садовников ни на секунду не терял веры в разгром фашизма. Эту веру он умел вдохнуть и в других.

Известно, что землячество на чужбине – большая сила. Мы же с Садовниковым оказались уроженцами одной области, во время учебы жили в одном городе.

Помню, как пришел я впервые в ревир с разбитым пальцем. Садовников оказал мне помощь, а потом спросил:

– Что скис? Откуда?

Я сказал.

– Земляк! Вот черт!.. Не часто тут такое бывает!..

Вскоре пленных стали гонять на работу. Основная масса использовалась на строительстве базы для подводных лодок, отдельными небольшими группами пленные работали на вальцверке (прокатном заводе), в военном порту и т.д. На строительстве базы кроме советских военнопленных работали по мобилизации норвежцы, датчане, голландцы, чехи.

К этому времени Садовников создал группу надежных людей. Среди них были Аббакумов, Якушев, Кисилев, Хорошаев, Завьялов, Ивашков и другие. Это была уже подпольная группа, которая в адских условиях плена решила продолжать борьбу.

Первая и главная задача – установить связь с норвежскими коммунистами.

Это нужно было для того, чтобы систематически получать правдивую информацию о положении на фронтах и чтобы договориться о совместных действиях.

Горячие симпатии норвежцев помогли нам найти коммунистов. Я, например, познакомился с Людвигом Людвигсенем, участником конгресса Коминтерна в Москве. Хорошие связи установились на вальцверке. Вскоре мы получили «привет» от Нурвальда Квале, помощника начальника штаба партизанского отряда. Лагерь готовился к восстанию.

Летом 1943 года подпольную группу постиг первый удар – гестаповцы схватили Садовникова. Все мы знали, что от гестаповцев, этих черных мастеров смерти, живыми не уходят, и все мы с болью скорбели о гибели нашего мужественного друга.

Но борьба продолжалась. Место Садовникова занял капитан Якушев. В день Великого Октября над железобетонной крышей базы взвился красный флаг, а еще через несколько дней у причальной стены взорвался и затонул пароход. В апреле 1944 года гестаповцы схватили Якушева, Киселева, Гришина, Чкалова, Турко, Хорошаева. 10 ноября их расстреляли за городом. На маленьком, ничем не отмеченном могильном холмике каждое утро появлялись букеты свежих цветов. Взбешенные фашисты затапывали их, а утром на могиле снова алели цветы...

В это трудное время подпольную организацию возглавил Сергей

Аббакумов. Каждую ночь лагерь ждал сигнал к восстанию. Борьба продолжалась до тех пор, пока желанная победа не распахнула ворота лагеря.

С помощью норвежских товарищей мы установили на могиле расстрелянных скромный памятник. Под пятиконечной звездой фамилии погибших и лаконичные слова: «Мать-Родина о вас не забудет».

Майским солнечным утром мы скорбим над могилой друзей. Вспоминаем Садовникова. «Где нашел он свой последний приют?»

Наверное, там, над могилой у меня появилась мысль – написать о нашей борьбе. С годами эта мысль крепла, стала необходимостью. Мне казалось, не написав книги, я не выполню главного в своей жизни.

Но как писать? Можно следовать за фактами, то есть создавать документальное произведение, а можно эту борьбу обобщить, типизировать. Я решил идти по последнему пути – создавать художественное произведение, но за художественными образами стояли живые и мертвые узники лагеря. Непосредственно из жизни в роман вошли, пожалуй, только трое – Садовников, Аббакумов и Васёк Хорошаев, родом из Карасукского района Новосибирской области.

Однако, у Садовникова я изменил имя и отчество, у Аббакумова изменены имя и несколько фамилия. Я счел нужным сделать это потому, что действия героев романа не всегда соответствовали действиям прототипов. Так, например, в романе показано, что после окончания войны Садовников возвращается к товарищам. В действительности этого не было. Судьба Садовникова осталась для нас неизвестной. Мы считали его погибшим.

Когда книга была написана и находилась в производстве, «Комсомольская правда» от 22 июня этого года опубликовала статью «Близ Бергена». В ней рассказывается о деятельности нашей подпольной организации.

Аббакумов прислал бесценную историческую фотографию, – говорится в статье, – на нее нельзя смотреть без волнения. В низине, скудно поросшей дерном и редкими деревцами, вокруг могилы под скупым северным солнцем сурово стоят русские и норвежцы».

Вот эта фотография. В центре группы – Нурвальд Квале, справа – его сестра, которая связывала нас с партизанским отрядом. Вокруг – двадцать пять членов подпольной организации.

В статье сообщается о том, что Анастас Иванович Микоян при визите в Норвегию, «склонясь над могилой, возложил большой венок с алой лентой».

А совсем недавно, 26 ноября, «Комсомольская правда» опубликовала еще одну статью – «Страна фиордов помнит героев». В ней сообщается о том, что в Норвегии издана книга воспоминаний борцов Соппротивления. Среди них – воспоминания Нурвальда Квале.

Он пишет: «Мы установили контакт с русскими военнопленными. Мы помогли им пищей, одеждой, сообщали новости. Они говорили, что немцы, угрожая расстрелом, тянут их в фашистскую армию. Наш долг был защитить русских – замечательных союзников, испытанных воинов, превосходных ребят. Они организовались в группы по пятьдесят человек. К группам прикрепили норвежских переводчиков, чтобы русские могли сражаться вместе с нами. Восемьсот узников дали на это согласие. Каждую неделю они спрашивали, когда начнем».

А еще в этой статье сообщалось о том, что наш замечательный друг, мужественный доктор Садовников жив, он заведует хирургическим отделением больницы в городе Джизаке Самаркандской области.

Оказывается, от нас его увезли тогда в город Лиллехаммер. Там он долгое время сидел в карцере. Фашисты намеревались отправить его на медленную гибель в норвежское Заполярье, но при содействии коллеги-врача он угодил в рабочую команду, а в последние дни бежал, уведя с собой сорок девять товарищей.

Вчера я получил письмо от Садовникова. Николай Васильевич писал с перерывами на протяжении нескольких дней, письмо получилось большим и взволнованным. Садовников подробно рассказывает о своих мытарствах после того, как его забрали от нас, спрашивает о судьбе некоторых товарищей.

В конверте оказалась фотография с трогательной для меня надписью.

Статья в «Комсомольской правде» и письмо Садовникова взволновали меня. Перечитывая их, я все чаще думаю о встрече с друзьями. Она непременно состоится. А это неизбежно приведет к тому, что я вернусь к роману. Вернусь для того, чтобы наполнить его новыми фактами, сделать ярче, убедительней. [4]

ПАРАЛЛЕЛИ И МЕРИДИАНЫ

(Фрагменты из телепередачи, 1967 год)

Нас – двадцать семь. Для двадцати шести Норвегия – просто Скандинавская страна. И только у меня цель несколько иная. Меня тянет в Норвегию желание посмотреть, как и что изменилось после нас, познать то, чего раньше не было или осталось незамеченным. Да и память сердца не дает мне покоя. Она, несомненно, не последняя причина давно желанной поездки...

Двадцать два года назад от сокрушающего удара Советской Армии в сердце Германии распахнулись ворота фашистского лагеря в местечке Лаксевог, что на окраине норвежского города Бергена. Не всем посчастливилось дожждаться освобождения – десятки и сотни наших ребят, стойких и мужественных, погибли от голода, побоев, пуль. Оставляя их на чужбине, мы поставили им памятник, на котором выбили слова: «Мать Родина вас не забудет». Мы посадили цветы...

Шли годы... Они не могли стереть прошлого. Сердце помнило и звало в Норвегию. Хотелось побывать на могилах друзей, повидаться с норвежцами, которые, делясь последним, спасали нас от голодной смерти, рука об руку с нами шли к трудной победе.

... Мысли снова (в который раз!) обращаются к Бергену. По мне в Тронхейм можно бы и не ездить. Сразу – в Берген. И не два дня, а с неделю побыть. Не спе5ша походить, пристально взглядываясь в прошлое. Прошлое забывать нельзя. Каким бы оно ни было, его надо помнить. Забудешь прошлое – не поймешь глубоко настоящего.

... И вот 13 июня.

Солнце скатилось за горы. Море темнеет, окутывается сизой дымкой, сквозь которую вдали проступают зеленые холмы. Сначала расплывчато, потом все четче и четче. На склонах белеют спичечными коробками дома.

Товарищи спрашивают, Берген это или нет, а я сам не знаю. Как ни стараюсь, взгляд не находит ничего знакомого. А корабль, чуждый моему волнению и нетерпению, идет не спеша, плавно разворачивается...

Когда сошли на берег – в глаза бросились очертания одной из гор. Да это же Флейен! Где-то у подножья был наш лагерь. Я видел эту гору тысячу раз, если не больше. Да, да, без всякого преувеличения!

Ведь два с половиной года – это около тысячи дней... Но где, с какой стороны был лагерь?

Едем городом. И опять – ничего знакомого. Не то, что совсем, нет, мелькнет что-то и скроется в тумане прошлого. Вот справа внизу между деревьями замелькали белые обелиски кладбища, показалось белое здание. Думаю о том, что немецкая «фабрик» на которой делались железобетонные балки-перекрытия, вплотную примыкала к кладбищу.

На той «фабрик» я работал больше года, и Свен Твед Кнудсен там работал бетонщиком. Оттуда, с «фабрик», гестаповцы забрали шестерых наших ребят...

– Николай Григорьевич, вас тут спрашивали, – говорит Софья Михайловна, когда в сумерках я возвращаюсь в гостиницу. – Приезжал норвежец... У меня записана его фамилия и телефон. Да, Кэре Грюн его фамилия. Он сказал, что приедет завтра в шесть часов, и тогда вы отправитесь в Лаксевог.

А кто же такой Кэре Грюн? Среди моих друзей такого не было.

... Кэре Грюн оказался точным. Этот сухой, подтянутый норвежец – секретарь бергенского отделения Общества норвежско-советской дружбы. Пожимая мою руку, он говорит:

– Нурвальд Кваль от Свен Твед Кнудсен...

Дальше я не понял, что он сказал. Смотрю на Софью Михайловну (гида – Т.Г.).

– Они умерли.

Меня будто в грудь ударили, даже в глазах потемнело. С губ невольно срывается нелепое в данном случае: «Не может быть».

– Да, умерли. В прошлом году, Вы немного не успели.

В растерянности думаю о том, что двадцать два года – немалый срок. А война, похоже, не прошла бесследно и для норвежцев.

Едем в Лаксевог... За мостом сразу начинается узнавание. Прошлое встает, раздвинув все: новые постройки, деревья, множество цветов.

– Где-то здесь была школа. Ее разбомбили союзники. Погибло много детей.

– Да, да... – подтверждает Грюн. – Вот большое здание, это новая школа. Она стоит на том месте. А вот памятник жертвам воздушных бомбежек.

Идем несколько минут в молчании. Справа, внизу, открывается яма – место наших страданий и борьбы, гибели и побед. А теперь – чистое овальное поле, дорожки.

– Кэре, что здесь теперь? Стадион?

– Да, стадион.

Стою в задумчивости. Одна за другой вспоминаются картины лагерной жизни. Вот там были ворота. Около них лежали тела наших товарищей. Их расстреляли за порчу шлангов. Резали для подметок вконец изорвавшейся обуви.

А где дом, из которого нам махала девушка? Его, кажется, нет? На его месте – другой. Да его перекрасили! Был красным, стал желтым. А вон белый дом. Он стоял над самой проволокой. Его здорово потрепало при одной из бомбежек.

Плывут воспоминания, плывут... И нет им конца...

Тела наших братьев зарывали в болотистой низине далеко за городом. Теперь город, расступившись, обошел кладбище и ушел дальше.

Частокол деревянной оградки, небольшой обелиск, квадратные бетонные плиты среди коротко подстриженной зелени. Обелиск тот самый, который мы двадцать два года назад ставили своими руками. Я написал текст, художник Александр Царев перенес его на ватман, потом отправились в мастерскую по изготовлению памятников. С разрешения хозяина норвежцы-мастера сделали обелиск в неурочное время.

Садим у подножья обелиска розы и гвоздики. Хожу в раздумье среди бетонных плит. Как много знакомых имен. Вот Жорка Тихонов, мой однопольчанин. Как он рвался на волю...

Вечером в квартире Кэре Грюна – встреча. Приходит Оддрюн, сестра Нурвальда Каля. Оддрюн мы хорошо знали во время войны. Работая на строительстве базы, она связывала нас с братом, заместителем командира партизанского отряда, и теперь мы сразу узнали друг друга.

Жена Свена Кнудсена подает мне маленькую фотографию. Я смотрю на нее: Свен с маленькой дочкой, которая теперь уже замужем, мо товарищ Иван Сучков и еще... Кто же еще?

– Николай, это ты?

– Я?

– Да, да! Ты.

Смотрю еще внимательней. В самом деле, кажется, я. С трудом вспоминаю, как сфотографировались дома у Свена и скоро уехали на родину.

На встречу приехала за шестьдесят километров Мария Эстрем, прозванная «Русской мамой». Мария Эстрем и ее теперь покойный муж-кузнец много делали во время войны по организации помощи русским военнопленным.

Наше правительство наградило супругов орденами Отечественной войны Первой степени. Мария Эстрем написала книгу, которая переиздавалась у нас под названием «Дневник Русской мамы». Мария Эстрем, побывав в Москве, Ленинграде, в Крыму, восторженно говорит о Советском Союзе, о доброте и гостеприимстве наших людей.

Я дарю доброй старушке экземпляр «Море бьется о скалы», она подписывает мне свой «Дневник».

Встреча заканчивается за полночь. Назавтра отправляемся на вокзал, чтобы доехать до Осло, а оттуда самолетом – домой. Все поговаривают о том, что в гостях хорошо, а дома лучше. [5]

О КНИГАХ И О СЕБЕ

(Интервью в газете «Алтайская правда» 8 декабря 1964 год)

– *Какие произведения советских писателей, опубликованные в последние годы, стали, на ваш взгляд, наиболее интересным явлением в литературе? И почему?*

– В последние два года издано немало интересных произведений. Наиболее значительным из них считаю роман старейшего сибирского писателя Афанасия Коптелова «Большой зачин», опубликованный в свое время в журнале «Сибирские огни» и в роман-газете. Созданию этого произведения предшествовала большая исследовательская работа, на основе которой А. Л. Коптелову удалось написать правдивый, впечатляющий образ Владимира Ильича Ленина, показать его жизнь и деятельность во время ссыльного пребывания в селе Шушенском. Большая и ответственная работа ценна еще и тем, что этот период жизни вождя до сих пор оставался малоизученными совсем не отображенным в художественной литературе.

«На Иртыше» Сергея Залыгина» («Новый мир», 1964, №2) – книга, которая заставила меня волноваться и думать. Процесс коллективизации в Сибири, допущенные при этом ошибки не находили до сих пор осмысленного и яркого показа в литературе. Произведение, прежде всего, интересно образом Андрея Чаузова. В противовес солженицынскому Ивану Денисовичу Чаузов прям в поступках, стоек, деятелен, глубокими корнями связан с землей и жизнью.

– *Какие черты, с вашей точки зрения, характерны для молодого современника, героя нашего времени?*

В молодости приходилось слышать: «Теперешняя молодежь вона какая!.. А вот мы, наше поколение...»

Теперь я тоже иногда ловлю себя на такой мысли. И тут же иронически улыбаюсь. Улыбаюсь потому, что такое, пожалуй, закономерно, это закон жизни: сын не может плестись след в след за отцом. Нет! У него молодость, энергия, любознательность, и потому он смело рвется вперед, ищет, открывает...

Осенью 1940 года меня призвали в армию. Помню, как нам, новобранцам, скомандовали: «У кого высшее или среднее образова-

ние, два шага вперед!» Из двухсот человек вышли не больше десяти. А теперь, четверть века спустя, это соотношение во много раз изменилось. Образованность нынешнего поколения – это одно из важнейших, на мой взгляд, и характерных черточек.

Сегодняшний молодой человек знает электронику, кибернетику, рвется в космос, плодотворно трудится в искусстве, литературе. Но для этого нужны способности, воля, мужество. Правда, выход к намеченной цели не всегда бывает точным. Случаются отклонения и ошибки. Но мне кажется, что эта «болезнь» сопутствует любому росту, развитию, стремительному движению вперед.

– Кто из писателей-классиков оказал или в какой-то мере оказывает влияние на ваше творчество?

– Ближе всех, под рукой, на книжной полке у меня лежат тома произведений Льва Толстого и Теодора Драйзера.

– Над чем вы работаете? Ваши планы?

– Не знаю, как мне удастся, но каждым произведением я стараюсь бороться за человека, его моральную чистоту, честность, правдивость, мужество. С таких позиций пишу новую книгу – сборник из трех повестей, различных по сюжету и времени действия.

В дальнейшем намереваюсь создать роман о двух поколениях – отцах и детях.

ПАРТИЙНОСТЬ, ПРАВДИВОСТЬ, ГЛУБИНА – ГЛАВНОЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

(«Беседа за круглым столом». Телепередача, 15 июля 1968 г.
В сокращении)

И.С. Казанцев, главный редактор Алтайского книжного издательства:

– Хочется сказать о том, что сделано издательством за последние годы по выпуску художественной литературы, воспитывающей читателя в духе патриотизма, преданности родине.

Читателям уже хорошо известны такие книги, как «Дороги в горах» и «Море бьется о скалы» Николая Дворцова, «Солона ты, земля» Георгия Егорова, «Повесть о Красном Орленке» Виктора Сидорова и другие. В них ставятся важные проблемы, отображается героическое прошлое и настоящее трудящихся нашего края.

Большую работу по редактированию этих книг и их подготовке к печати проделали вы, Александр Сергеевич. Хотелось бы услышать, как вы работали с авторами названных произведений.

А.С. Тресков, старший редактор художественной литературы:

– Особенно много мне пришлось поработать над «Повестью о Красном Орленке» Виктора Сидорова. И в результате – книга, на которую получаем только положительные отзывы, и которая сейчас переиздается в Москве.

Н.Г. Дворцов, ответственный секретарь Краевой писательской организации:

– Все это верно. Но здесь необходимо подчеркнуть, что большую помощь писателю в создании хорошего произведения оказывают коллективные обсуждения рукописей, в которых участвуют как писатели, так и работники книжного издательства, и другие специалисты.

В.С. Сидоров, писатель:

– Сказанное Николаем Григорьевичем я бы хотел проиллюстрировать примером из собственной творческой практики. Большую помощь мне оказали товарищи, которые организовали коллективное обсуждение моей рукописи «Повесть о Красном Орленке». Было высказано много доброжелательных замечаний, по которым я дорабатывал повесть.

Н.Г. Дворцов:

– В письме Комитета по печати и Правления Союза писателей РСФСР содержится очень важное положение, которым необходимо руководствоваться нашей писательской организации. Вот оно: «Поскольку практика издания художественной литературы складывается при непосредственных, тесных контактах издательства с писательскими организациями, то и участие местных писательских организаций в работе редакционно-издательских советов должно быть более активным, а рекомендации на выпуск тех или иных произведений в свет – более ответственными».

А.С. Тресков:

– Нас, редакторов, радует и обнадеживает письмо Комитета по печати и Правления Союза писателей РСФСР. Оно нам поможет в работе: к нам, редакторам, будут поступать уже апробированные произведения, рассмотренные и одобренные писательской организацией. Это даст возможность выпускать книги более интересные, отвечающие высоким требованиям читателей.

И.С. Казанцев:

– В нашей беседе были названы отдельные книги, которые, по нашему мнению, заслуживают положительной оценки. В связи с этим мне хотелось бы сказать, что в формировании оценки той или иной книги имеет первостепенное значение мнение читателей. Наш читатель – лучший читатель в мире, от общения с которым писатель получает истинное наслаждение. Наш читатель – взыскательный судья, товарищ, помощник писателя. Он честно и похвалит автора за удачу, и отметит его недостатки, ошибки. На некоторые произведения к нам в издательство поступало много читательских отзывов.

Н.Г. Дворцов:

– Мне хочется сказать, какую неоценимую поддержку оказывают читатели своими письмами. Особенно это я испытал, когда вышел мой роман «Дороги в горах». Я получил много писем от выпускников средней школы, в которых они сообщали, что роман помог им выбрать правильный путь в жизни.

И.С. Казанцев:

– Мнения читателей определяют и продолжительность жизни книги. То произведение, которое встретило горячий прием читате-

лей, которое ярко, правдиво отображает нашу действительность, несет высокие нравственные идеалы – такое произведение переиздается, уходит далеко за пределы края, распространяется по всем уголкам нашей страны. Эта судьба выпала на долю таких писателей, как Николай Дворцов, Георгий Егоров, Виктор Сидоров и других.

Н.Г. Дворцов:

– Необходимо подчеркнуть, что успехи в создании произведений имеются не только у русских писателей, проживающих в нашем крае. У нас большой отряд алтайских писателей из Горно-Алтайской автономной области. У нас есть и немецкие писатели, живущие в Кулундинской степи.

И.С. Казанцев:

– Николай Григорьевич, я знаю, что вы уже давно работаете над новой повестью. Когда мы сможем получить от вас рукопись?

Н.Г. Дворцов:

– Думаю, что в этом году, возможно, к концу года.

А.С. Тресков:

– Мне бы очень хотелось, Николай Григорьевич, редактировать ваше новое произведение: ведь у нас с вами уже есть опыт совместной работы. И как будущему редактору мне хочется познакомиться хотя бы с небольшим отрывком из вашей новой повести.

Н.Г. Дворцов:

– Ну что ж, можно прочесть отрывок из повести. Но лучше это сделает артист.

Приглашенный артист читает отрывок из повести Н. Дворцова

И.С. Казанцев:

– Мы, издательские работники, очень рады, что скоро получим от наших писателей новые произведения и сможем их выпустить. Приятно отметить, что не только старые, опытные писатели работают над новыми произведениями, но и молодые.

Николай Григорьевич, хотелось бы услышать от вас, какую работу ведет писательская организация с молодыми прозаиками, поэтами.

Н.Г. Дворцов:

– С молодыми писателями мы проводим и индивидуальную работу, и коллективную. Личные беседы с молодежью приносят несомненную пользу. Что касается коллективной работы, то она главным

образом заключается в том, что мы коллективно обсуждаем рукописи молодых авторов. Кроме того, на собраниях литературного актива обсуждаем различные вопросы литературной жизни, творческие проблемы. Все это способствует творческому росту молодых.

И.С. Казанцев:

– Хотелось бы к этому добавить, что значительную помощь молодым авторам оказывает и наше издательство. Оно стремится к тому, чтобы произведение молодого автора было ясным, четким по идейному содержанию. Правда, делать это нелегко, но всегда приятно, когда работаешь со способным молодым литератором.

Н.Г. Дворцов:

– Да, это верно. В работе с молодыми авторами немало трудностей. Приходится иногда сталкиваться с такими рукописями, в которых авторская позиция расплывчата, мысли выражаются сумбурно, путано, содержание мелко и банально. Особенно это относится к молодым поэтам. Все эти недостатки мы разъясняем молодежи, предъявляем к ним высокие требования.

А.С. Тресков:

– Мне не раз приходилось принимать участие в обсуждении рукописей молодых писателей, и я полностью разделяю ваше мнение, Николай Григорьевич. Хотелось бы сказать, что необходимо обратить самое серьезное внимание не только на оценку того или иного произведения молодого автора, но и на то, чтобы усилить воспитательную работу с творческой молодежью.

И.С. Казанцев:

– Да, это верно. Только это поможет молодым писателям правдиво, глубоко, ярко показать нашу современную действительность.

Н.Г. Дворцов:

– Это относится не только к молодым, но и к писателям старшего поколения. Правдивость, идейная выдержанность, принципиальность – все эти качества должны определять и определяют творчество каждого писателя.

И.С. Казанцев:

– К этому я хотел бы добавить: эти же качества должны лежать и лежат в основе работы и каждого редактора, помощника и друга писателя. [6]

ПИСАТЕЛЬ. ТРУД. ВРЕМЯ

(Интервью в газете «Молодежь Алтая», 19 декабря 1967 год)

– Прежде всего, Николай Григорьевич, от имени всех читателей сердечно поздравляю Вас с пятидесятилетием.

Внутренний мир писателя, книги которого любят и знают, всегда интересен. Скажите, что ощущает писатель в дни своего юбилея?

– Отчасти, наверное, желание разменять свои пятьдесят на тридцать или двадцать пять. К сожалению, годы идут только в одну сторону. Молодежи жизнь представляется чуть ли не бесконечной, а на самом деле она пролетает весьма и весьма стремительно.

Главное в жизни – труд. Нередко люди в преклонном возрасте, оглядываясь назад, сетуют на то, что мало сделано.

Человек должен смолоду научиться ценить время. Поэтому особенно важно как можно раньше найти свое призвание, обрести самостоятельность. Жизненный опыт подсказывает, что, только найдя свое место в строю, человек становится целеустремленным. И делать это нужно как можно быстрее.

У нас часто поощрительно, чуть не с восторгом, говорят о человеке, который переменял добрый десяток профессий. Конечно, хорошо многое увидеть, испытать, но порой смотришь – у человека уже пробивается седина, а он еще ищет, к чему приложить силы. А силы частично растрочены, да и времени осталось не так уж много.

– Какие качества Вы особенно цените в людях?

– Любовь к труду. Считаю, что умственный труд должен сочетаться с физическим. Физический труд – залог бодрости, здоровья, удивительного настроения. Человек с рождения создан для физического труда. Не надо об этом забывать. Односторонность всегда обедняет.

Итак, труд. Все остальное приложится.

Я считаю, что от любимого дела человека может оторвать только война.

И мне кажется, что это одна из основных причин, почему трудовые люди так ненавидят войну.

Я ценю самостоятельность, независимость мышления и поступ-

ков. Не секрет, что в жизни бывают такие обстоятельства, которые толкают человека, особенно молодого, на ординарные, стандартные решения. Но каждый становится личностью, лишь сумев противопоставить этому свою индивидуальность.

– *Николай Григорьевич, когда у Вас впервые появился интерес к писательской работе?*

– Точной даты, отвечая на подобный вопрос, наверное, ни один литератор назвать не смог бы.

В детстве я жил в Саратовской области, в глухой деревне Куриловке, где вряд ли кто представлял, что такое литературный труд. Тем не менее, первый, кто помог мне на литературном пути, – мой отец, столяр, ни одного дня не ходивший в школу.

Был он незауряден. Сужу об этом не только потому, что отец сам выучился грамоте, много читал, и в доме его было немало книг, но еще и потому, что к отцу ходили за советом односельчане. Падет, к примеру, у кого лошадь (о лошади в те времена горевали, как о человеке, ведь она была кормилицей) – бедняк появляется у нас в избе, и долго они с отцом судят и рядят, как жить дальше.

Отец увлекался Львом Толстым. Кстати, Толстой и мой любимый писатель. У отца я учился мыслям, размышлениям о жизни. Сейчас я понимаю, что это и есть основа писательского дела.

Мой первый рассказ «Бельчик» был опубликован в саратовской пионерской газете. К этому времени я окончил строительный техникум и занимался на отделении языка и литературы учительского института.

Первые же мои попытки писать относятся ко времени учебы во втором классе школы первой ступени. Но это был жанр, с которым я никогда не выступал в печати – стихи.

– *Что Вы считаете главным для писателя?*

– Искренность. Художественное произведение – исповедь автора. Скажу больше. Мне кажется, по книгам я могу определить характер ее создателя.

Еще – жизненный опыт. Писателю он важнее, чем людям многих других профессий. Смолоду порой пугают трудности, а позже с благодарностью вспоминаешь именно о них. Они, как точильный камень, шлифуют, заостряют характер. И в жизни, и в писательском труде ува-

жающий себя художник должен выбирать трудные пути.

– Николай Григорьевич, поделитесь, пожалуйста, вашими планами, замыслами.

Хочу написать философскую повесть «Конец и начало» – о жизни, ее вечном движении, о преемственности поколений. Это первое.

В нынешнем году я побывал в Норвегии. Кто знает мой роман «Море бьется о скалы», поймет, что связано у меня с этой страной. Я написал записки о Норвегии, стараясь сравнить сегодняшние впечатления с тем, что я видел в стране фиордов 1945 года.

Но возник и более глубокий замысел: написать о людях, которые после войны по тем или иным причинам не вернулись на свою родину. Это разные люди, убежденные враги и просто слабые духом. Хочется показать, как жизнь на чужбине обернулась для них жестокой и безысходной трагедией. Родилось и название повести – «На чужбине». Но, чтобы собрать необходимый материал, предполагаю еще раз побывать в Норвегии. Это второе.

И еще: мне по душе люди, которых называют с легкой иронией, но симпатией «непутевые». Об этих «непутевых» стоит подумать.

И последнее. Идолами литераторов сейчас стали физики, биологи. А меня тянет к хирургам. Может быть, потому, что мой друг по подпольной борьбе в фашистском плену Садовников – хирург. И наша первая послевоенная встреча с ним произошла в операционной, так как день моего приезда совпал с его операционным днем. У меня нет еще определенного замысла, сюжета, но есть тяга к этим людям.

*Беседовал Б. М. Юдалевич, кандидат филологических наук,
литературный критик*

ЖИЗНЬ, КАК УЧИТЕЛЬ...

(Интервью в газете «Алтайская правда», 12 мая 1973 год)

Романы писателя Николая Дворцова «Дороги в горах», «Море бьется о скалы», повести «Мы живем на Алтае», «Наше счастье», «Двое в палате», «Два дня и три ночи» выдержали много изданий. Однако каждый писатель живет книгами не только вышедшими, но и еще ненаписанными... Об этом и говорит Н. Г. Дворцов в интервью, которое мы предлагаем нашим читателям.

– Николай Григорьевич, традиционный вопрос. Над чем Вы сейчас работаете?

– Совсем недавно я закончил пьесу «Дважды жить не дано». Главный герой пьесы – Платон Спиридонович Афанасьенко. Жизнелюб, неутомимый труженик, работающий над выведением новых сортов фруктовых деревьев в условиях нашей Сибири. Сталкиваясь с людьми, которые не верят в его дело, а порой и мешают, он своим каждодневным кропотливым трудом, всей жизнью убеждает, что человек способен победить суровые климатические условия и вырастить новые фруктовые сады. Прообразом Платона Спиридоновича в жизни был академик М. А. Лисавенко.

– Нашим читателям знакома книга «Человек большого сердца» о жизни и деятельности М. А. Лисавенко. Что побудило Вас вернуться к этой теме?

– Названная книга издавалась как очерковая, поэтому она не в полной мере осветила все аспекты жизни академика. Работая над архивными материалами, я нашел много неизвестного из его жизни, а впоследствии подробнее ознакомился с профессиональной деятельностью Лисавенко как селекционера. Драматичность жизненных ситуаций побудила меня написать пьесу. Разумеется, трудно писать первую пьесу, поскольку специфика драматургии существенно отличается от художественной прозы. Работал долго. Что получилось – оценит зритель.

Параллельно с пьесой я работал над романом «Верблюды в чигире». В основе его – жизнь крестьян Поволжья в период становления Советской власти в 20-х годах. Не сразу, с трудом происходит ломка старых, патриархальных устоев крестьянского быта. В решающей

борьбе старого и нового мира новое побеждает.

– *Что Вы считаете главным в работе писателя?*

– Прежде всего писателю необходимо чувство достоверности, причастности ко времени, в котором он живет. Надо любить жизнь, как она есть – со всеми ее радостями и горестями, а для этого необходимо быть честным, трудолюбивым, настойчивым. Надо стремиться чувствовать ее всей душой, следовать за ней повсюду, осмысливать все ее проявления, мерить ею свои дела и поступки – ибо она, как учитель, всегда правее нас. Талант и жизненный опыт никакое воображение не в силах заменить. В процессе работы над своими книгами мне приходилось по нескольку раз возвращаться на места, где я собирал материал. Как можно представить себе, к примеру, чалдонский диалект, ни разу его не слыхав? Этого не придумать. А услышишь однажды – можно импровизировать на его основе сколько угодно. Стало быть, художественный вымысел должен дополнять конкретную жизненную обстановку, а не являться в творчество писателя первоосновой.

– *Много ли Вы получаете писем от читателей?*

– Особенно от учеников и студентов. Спрашивают, как сложилась дальнейшая судьба героев книги «Дороги в горах», просят книги для школьных музеев, приглашают на школьные, студенческие вечера. Книгу у нас любят. Я бывал в Норвегии и видел, что там отдают предпочтение детективам. Серьезные книги там не особенно популярны, у нас же книги читают с большим интересом. Неприятно сознавать, что порой книги становятся деталью интерьера. Кое-кто ценит их не за содержание, а за переплет, «встречает по одежке». Есть и такие, кто считает, что модно иметь в домашней библиотеке Хемингуэя и Мартти Ларни, Беранже и Бернса, Агату Кристи и Василия Шукшина, зная о них понаслышке. Книгу надо ценить по тем человеческим качествам, которые особенно близки читателю. Что касается меня, я теперь читаю требовательнее. Книги взрослеют вместе со мной. По нескольку раз возвращаюсь к Шолохову. Из поэтов люблю Егора Исаева, Василия Федорова.

– *Сколько времени в день Вы отводите творчеству? Ваше любимое время работы?*

– Говорят, писатель работает весь день, а записывать любит ночью. Раньше, когда был помоложе, я тоже следовал этому правилу.

Теперь же в основном пишу днем, по шесть-восемь часов.

– *Николай Григорьевич, как Вы относитесь к тоске иных авто-
ров-горожан о деревне?*

– Да, к сожалению, такие произведения еще встречаются. Жалеть о петухах, которые не поют в городе?.. Это легко поправимо, электрички ходят регулярно в сторону многих сел, можно поехать и послушать петухов. Хуже, когда начинают просить прощения у старой деревни. Мы, люди старшего поколения, помним ту деревню по закопченным сырým стенам, соломенным крышам, по постоянной нехватке хлеба. Пора понять, что на смену кособоким халупам пришли новые светлые дома. Даже коров на фермах давно уже доят электричеством.

– *Существует ли периферийная литература как таковая? Некоторые читатели все-таки считают, что расстояние от столицы – показатель творческих возможностей литератора...*

– Достаточно сказать, что на периферии в свое время работали такие известные писатели, как В. Лацис, Л. Мартынов, А. Караваева, Г. Марков, Е. Евтушенко и многие другие. В наше время только в Новосибирске 40 членов Союза писателей РСФСР, среди которых кавалер ордена Ленина А. Коптелов. Их перу принадлежат многие известные произведения. У нас на Алтае работают 30 профессиональных литераторов, членов Союза писателей РСФСР. Литература стала всесоюзной.

– *Находите ли Вы теперешние методы работы с литературной молодежью успешными?*

– По-моему, следует более серьезно относиться к начинающим. Акселерация – не только физиологическое явление, но и духовное. Молодежь растет с каждым годом заметнее и настойчивее. Естественно, не всегда зрело мастерство начинающих, но легко определить творческое искание, решение новых проблем, поставленных жизнью. Молодежь – это саженцы, с ними необходимо обращаться бережно. Надо помогать им активнее вторгаться в жизнь, накапливать жизненный опыт и только потом братья за перо.

Беседовал Н. С. Байбуза, поэт, член Союза писателей России

ГЛАВНАЯ ТЕМА

(Интервью в газете «Алтайская правда», 17 декабря 1977 год)

– Николай Григорьевич, в своих книгах Вы познакомили читателей с людьми разных судеб, рассказали об интересных событиях. Как Вы сами определяете для себя главную тему творчества?

– Мне думается, что в первую очередь – это столкновение двух начал. Это и столкновение двух взглядов на мир, как, например, в повести «Двое в палате», двух идеологий в романе «Море бьется о скалы». Это и столкновение двух характеров. Словом, та диалектика жизни, которая всегда интересна неожиданными коллизиями, а порой неожиданными открытиями.

Нельзя совершенно категорично все разделить на черное и белое. Бывает, что человек раскрывается только на крутом повороте. Дело литератора – показать глубину происходящего явления. Насколько удалось мне это в своих книгах, судить читателям.

– Творчество любого писателя в определенной мере отражает его личный опыт...

– Я не знаю, как можно писать, не пользуясь своим опытом, своими переживаниями. Любой писатель в творчестве исходит из пережитого.

В этом году вышла моя книга «Река времен». Она открывается повестью «Святая простота, или Телега семейной жизни», я позволю себе процитировать ее начало: «Отрада и печаль – противоположные чувства – сопутствовали автору на протяжении всего повествования.

Отраднo было оживлять в памяти давнее, снова и по-новому общаться с людьми, прослеживать их взаимоотношения, обращая внимание на то, что раньше казалось малозначащим или вовсе проходило мимо.

Печаль же рождалась от сознания того, что все это было, да быльем поросло, прошло и кануло в бездонное небытие.

Впрочем, так ли уж без остатка все кануло?

Возможно, многое из того, что кажется нам умершим, имеет глубинную, неприметную, на первый взгляд, связь с жизнью, продолжится в ней?..».

Или возьмем, к примеру, «Дороги в горах». Само время требовало обращения к этой теме – связь школы с жизнью, с производством. Я много ездил по Горному Алтаю, встречался с людьми, наблюдал их жизнь. Поэтому роман можно рассматривать как социальный заказ.

Неплохой школой познания послужила для меня работа корреспондентом краевого радио, заместителем редактора, ответственным секретарем «Молодежки», работа в «Учительской газете». Частые поездки, встречи, впечатления потом очень пригодились.

– *Особое место в Вашем творчестве занимает военная тема...*

– Война была огромным испытанием для всех советских людей. Одни мужественно сражались на фронтах, другие самоотверженно работали в тылу.

Но были люди, которые в силу обстоятельств оказались во власти врага, за колючей проволокой. В плену тоже не прекращалась борьба. Автоматам, насилию, жестокости врага советские люди противопоставили сплоченность, любовь к Родине, ненависть к захватчикам. Борьба была настолько самоотверженной, что мне просто нельзя было не рассказать об этом. Так родился роман «Море бьется о скалы». Эпиграфом к нему я взял слова Ю. Фучика «Герой – это человек, который в решительный момент делает то, что нужно делать в интересах человеческого общества» и Н. Островского «Мужество рождается в борьбе».

– *Николай Григорьевич, Ваше детство прошло в степном Заволжье, в небольшом хуторке. И как все начинается с детства, тогда же, очевидно, зародилась любовь к книге, определилась Ваша дальнейшая судьба?*

– Над этим я уже задумывался. Во многом «повинен» отец. Он хотя и не учился ни одного дня в школе, столярничал, но читал, увлекался Львом Толстым. Меня он учил по своей системе: в день – по букве. В нашем доме были книги Л. Толстого, А. Пушкина, Н. Некрасова, Ж. Верна. Мама любила, чтобы ей читали вслух. У меня и первые-то рассказы «Бельчик» (это еще когда учился в Саратовском учительском институте) и «Дошкольники» – рассказы, навеянные воспоминаниями о детстве.

– *Мы уже говорили о романе «Море бьется о скалы». Его герои – В. Хорошаев, М. Киселев, врач Олег Петрович Садовников (с ним Вы после выхода книги встретились) – все это реальные люди. Но*

были ли в Вашей жизни встречи с людьми, чья жизнь заслуживает того, чтобы написать о ней, но Вам до сих пор этого не удалось?

– Сейчас подумая...Академик Михаил Афанасьевич Лисавенко! И хотя я о нем писал, и другие тоже, но считаю, что об этом человеке еще многое можно рассказать. О его последователях, например. В институте садоводства Сибири работают опытные специалисты, продолжающие дело этого прекрасного энтузиаста.

Есть у меня очерк «Суть», посвященный Герою Социалистического Труда секретарю Шипуновского райкома партии Василию Тимофеевичу Христенко. Хотелось бы и о нем рассказать побольше, поглубже.

– Оба эти человека связаны с землей, с ее проблемами. Любовь к ней, видимо, можно объяснить и Вашу новую повесть «Друзья жданные и нежданные»?

– Любовь к природе – это у меня еще с крестьянского детства. С годами накопилось много впечатлений, наблюдений, и они вылились в книгу.

Эта моя повесть. В первую очередь, адресуется молодым читателям. Хотелось бы, чтобы книга приобщила их к природе, научила постигать ее великие тайны.

– Николай Григорьевич, мы знаем Вас и как редактора альманаха «Алтай», которому Вы отдали немало времени. Вот Вы сейчас сказали о молодых читателях, а хотелось бы узнать мнение о молодых авторах, с произведениями которых приходится работать.

– Я бы сказал, что альманах – хорошая школа для молодых, через него все наши писатели прошли. В альманахе есть специальная рубрика «Творчество молодых». А один из номеров – второй в нынешнем году – полностью составлен из произведений молодых авторов.

В общем, наша пишущая молодежь верно понимает ответственность, которую берет на себя, приступая к литературной работе. Но большое значение для писателя имеет знание жизни, людей, о которых пишешь. Здесь кому-то из молодых не хватает опыта, культуры, мастерства.

Наша жизнь – в постоянном движении, и она нередко сама подсказывает, что важно сейчас, а что отмирает. Нужно только уметь понимать это...

*Беседовала Л. Кошкарева, корреспондент газеты
«Алтайская правда»*

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Письма и отзывы читателей на книгу «Дороги в горах»:

Дорогая редакция!

Мы любим читать книги. Нам очень понравилась книга Николая Дворцова «Дороги в горах». Автор правдиво написал о том, какие пути в жизни выбрали себе выпускники Шебавинской средней школы.

Читая книгу, мы как бы жили с героями одной жизнью. Нас интересует дальнейшая их судьба. Поступит ли Клава Арбатова в институт? Как сложатся судьбы Игоря Гвоздина, Николая Белендина, Нины Грачевой, Зины и Федора Балушевых, молодой доярки Эркелей.

Выйдет ли колхоз «Кызыл Черю» в передовые? И т.д.

Мы очень хотим приобрести первую и вторую книги, в двух экземплярах. Напишите, где мы можем купить эти книги. Или вы можете нам выслать их наложенным платежом?

Мы знаем, что к вам в редакцию приходят тысячи писем и вам некогда. Но убедительно просим ответить на наше письмо о книге Николая Дворцова «Дороги в горах».

Ошуркова Лида, Марухина Галя [7]

Дорогая редакция!

Мне очень понравилась книга Николая Дворцова «Дороги в горах» – и содержанием, и темой.

Тем более, что я в этом году окончил десять классов и пытался поступить в Челябинский пединститут, но не прошел по конкурсу (как и героиня романа Клава).

Теперь я работаю в РТС слесарем. Я не унываю – на следующий год я обязательно поступлю.

Очень понравился образ Николая Белендина.

Больше бы таких книг, которые помогают молодым людям найти свою дорогу в жизни.

Очень хочется узнать, вышла ли вторая книга Николая Дворцова.

С уважением, Семенов Вениамин.

18 апреля 1959 г. [8]

Дорогая редакция! Я прочитал замечательную книгу Николая Дворцова «Дороги в горах». Она правдиво описывает жизнь разных советских людей.

МОЛОДЕЖЬ найдет в книге ответ на свой вечный вопрос: «Что такое любовь?»

ЖЕНЩИНЫ СЕМЕЙНЫЕ – увидят, как можно и нужно строить семью; и поймут, что ведущей в семье является женщина.

МАТЕРЯМ отвечу словами книги: «Татьяна Власьевна думала о том, что весна бывает у каждого человека. Приходит и уходит, чтобы никогда не вернуться. Поэтому ее надо беречь, дорожить ею. А вот Нина не бережет свою весну. Она, конечно, хватится, да поздно будет. Придет грустная осень, полная мучительных раздумий и сожалений...

Как же увести свою дочь с опасной тропинки?».

Больше бы таких книг.

Алексей Проханов
14.07.1959 г. [9]

Дорогая редакция! Я окончила в этом году, т.е. в 1959-м, 10-ый класс. В честь окончания средней школы мне подарили роман Николая Дворцова «Дороги в горах».

Мне очень понравилась эта книга, так как моя судьба подобна судьбе Клавы Арбатовой.

Я после школьной скамьи осталась в своем совхозе. Сначала работала, где придется. Но после прочтения книги Николая Дворцова, я твердо решила идти на ферму дояркой. Мне, как и Клаве, придется преодолеть трудности, но без труда не выловишь и рыбку из пруда.

У меня тоже, как и у Клавы есть мечта – учиться. И – стать зоотехником.

Спасибо Николаю Григорьевичу Дворцову за эту книгу.

Сообщите, пожалуйста, под каким заглавием будет вторая книга и когда.

Тысченко Лидия [10]

Уважаемый Николай Григорьевич!

Обращаемся к Вам с большой просьбой. На свои сбережения мы с женой создали в деревне Ржавке (Могилевская обл., Славгородский р-н, БССР) сельскую библиотеку для наших земляков-хлеборобов.

В ней сейчас более 15000 экземпляров книг. Одновременно мы собираем для нее некоторые произведения с автографами писателей. Среди таких произведений хочется, Николай Григорьевич, иметь и Вашу замечательную книгу «Дороги в горах».

Генерал-майор авиации запаса Яков Иванович Драйчук
г. Люберцы, Московская обл. [11]

Письма и отзывы читателей на книгу «Море бьется о скалы»:

Дорогой Николай Григорьевич! Прочитал «Море бьется о скалы»- правдивая и очень нужная книга.

Я сам участник Великой Отечественной войны.

В декабре 1943-го года, находясь в десанте в Крыму, в бою был ранен и схвачен в плен.

В плену находился в Северной Норвегии. Мы, военнопленные, тяжело работали – пробивали тоннель через каменную гору для железнодорожной линии, которая должна была соединить Северную Норвегию со Швецией.

Весь ужас и кошмар, который творился в вашем лагере, был характерен и для нашего.

Ваша книга «Море бьется о скалы»- это единственная книга о норвежских лагерях военнопленных. Другой литературы я не знаю и не читал.

Очень хочу иметь Вашу книгу.

С уважением Яркинд Юзий Семенович
Украина, г. Харьков [12]

Уважаемый Николай Григорьевич!

Как-то из статьи А. Головина «В гостях у героя книги» («Медицинская газета», 1962 год, 25 декабря) мне стало известно, что доктор

Н.В. Садовников является прототипом главного героя Вашей книги «Море бьется о скалы»).

Я с Николаем Васильевичем хорошо знаком по лагерю для военнопленных, находящемуся в Норвегии, в городе Лилехаммере в период оккупации.

Хочу поделиться фактами, которыми располагаю, о враче Н.В. Садовникове.

Весной 1942 года немецкие оккупанты погрузили, вернее, закупили нас в трюмы двух пароходов для отправки на тяжелые работы в Северную Норвегию – около трехсот человек.

Это были полуживые люди из лагеря смерти, находящегося в Польше (остров Мазовецкий). В этом лагере фашисты загубили голодной смертью десятки тысяч русских военнопленных. О мужестве, смелости и несгибаемой их воле

Можно было бы написать не один том.

Везли нас морем около двух недель. Неоднократно подвергались воздушной бомбардировке англичан. Мы были заперты в трюме парохода, как в сундуке. В случае потопления парохода спасения не было – мы были бы заживо погребены в морской пучине.

По приезде на материк, второго парохода с военнопленными, идущего за нами, не оказалось. В результате бомбардировки около Нарвика он затонул.

Нас привезли в центральный северный пересыльный лагерь в городе Альту.

Нас, около ста человек, отправили на остров Хасвик, где под прикладами фашистов, по пояс в воде, копали траншеи, кололи камень, строили укрепления.

Из ста человек осталась половина. Мы не могли не только работать, но и двигаться без поддержки друг друга. Настолько были истощены. Я весил около двадцати семи килограммов при росте сто шестьдесят шесть сантиметров.

Вот таких нас весной 1943 года фашисты вывезли в южную Норвегию, в город Лилехаммер. В нашем лагере было два блока: терапевтический (откуда выписывали в рабочую зону) и рядом – туберкулезный (обнесенный колючей проволокой, изолированный от внешнего мира).

В туберкулезном блоке доживали последние дни больные – их вычеркнули из списка живых, морили голодом, чтобы быстрее избавиться от них. Доступ к несчастным медработников из терапевтического блока был категорически запрещен.

В этот блок смерти бросили и нас – дистрофиков, не годных для работы.

Но... осенним днем 1943 года у нас появился мужчина в белом халате, среднего роста, худощавый. За очками в роговой оправе светились глаза человека сильной воли и решимости.

«Я – доктор Садовников из терапевтического блока, – сказал он. – Хочу вас вырвать из объятий смерти».

И он всех нас (около пятидесяти человек) перевел в терапевтический блок – буквально, вытащил из пропасти. Целыми днями прослушивал нас, делал рентген – все мы оказались со здоровыми легкими.

Надо было видеть, как Николай Васильевич радовался за наши спасенные жизни! Пожалуй, больше, чем мы сами. Потом он приложил много труда и энергии, чтобы нас выходить. Зимой 1943 года мы почувствовали силу и здоровье, и были выписаны в рабочую зону.

Александр Короткевич [13]

Уважаемый Николай Григорьевич!

Мы приходили к вам домой по поводу романа «Море бьется о скалы».

Нас интересует Степан Енин, хотя вы сказали, что эта фамилия вымышленная. А вот 22 декабря 1961 года по телевидению показывали портрет вашего героя Садовникова. Значит, это подлинный герой?

Помогите нам, пожалуйста, Николай Григорьевич!

Может, вы слышали о нем (Степане Енине) от очевидцев? Моя супруга Людмила Степановна Енина воспитывалась в детском доме. Знает об отце только то, что во время войны он был радистом, затем, раненый, попал в госпиталь. И на этом все кончается – не было больше никаких известий.

Николай Григорьевич, ответьте, пожалуйста, от кого вы слышали эту фамилию? [14]

Уважаемый Николай Григорьевич!

Прочитав «Море бьется о скалы», в образе Федора Бойкова мы нашли сходство с нашим отцом Федором Семеновичем Бойковым – в судьбе и характере.

Он ушел на войну в 1941-м году из города Джамбула. Мать помнит, что письма не приходили уже в 1943-м году, последнее письмо пришло из-под Киева.

А в 1944-м году военкомат города Джамбула выдал матери извещение о том, что Бойков Федор Семенович пропал без вести.

Прошло уже более двадцати пяти лет с тех пор, как не стало нашего отца – мы о нем абсолютно ничего не знаем.

Мы, его дети, давно выросли.

Просим вас, пожалуйста, опишите, кто такой герой Федор Бойков по вашему роману.

Может, это наш отец? Многое в образе сходится. Откуда вы взяли факты о Федоре Бойкове?

Дети Бойкова: Бойков Юрий Федорович,
Бойков Борис Федорович,
Бойкова-Плешкова Раиса Федоровна,
Бойкова-Куркина Галина Федоровна.

Наша мать: Бойкова-Обжорина Клавдия Григорьевна [15]

Уважаемый Николай Григорьевич!

Я прочитал вашу замечательную книгу «Море бьется о скалы».

В предисловии книги, где вы вспоминали друзей, меня привлекла фамилия Якушев.

У меня в 1943-м году без вести пропал брат Якушев Николай (1924-го года рождения).

Может быть, между вами был разговор, откуда он родом, есть ли родные, откуда он призывался?

С уважением Якушева-Жарова

Горьковская обл., г. Городец [16]

Николай Григорьевич!

Прочитал вашу очень сильную книгу «Море бьется о скалы».

Читая, я представлял моего отца Тамбовцева Степана Федоровича, пропавшего без вести в годы войны.

Не исключена возможность, что вы могли его встретить. Судя по некоторым строкам романа, в начале войны вы были там, где и он.

Отец 1914-го года рождения. Кадровый офицер. До призыва в Красную Армию работал преподавателем в Новосибирской области. До войны служил на восточных границах СССР, где-то в Даурии, затем был переброшен на запад на станцию Каменец-Подольск. Последнее время был в танковых войсках в должности старшего политрука.

По рассказам матери, пропал без вести где-то под Киевом.

С уважением Тамбовцев Геннадий Степанович, 1964-й год
Татарский район, НСО, п\я, ст. Тобгулда [17]

***Письма от Сергея Белоконева, бывшего военнопленного
в Лаксегове (под Бергенем)***

Уважаемый друг!

Русская поговорка не зря гласит, что дружба познаются в беде.

Мы с Вами работали на большом строительстве Норвегии, под Бергенем.

Меня Вы должны помнить. Я работал у мастера-норвега под навесом на прессах. Мастеру дали кличку «козел» (по-норвежски «итебоки»).

После победы в мае 1945-го года я был назначен командиром роты по формированию к отправке узников фашизма на свою Родину. Вас я хорошо помню: среднего роста, брюнет, на лице веснушки, по профессии учитель.

В этом году я получил письмо от главного героя Вашей повести – доктора Николая Васильевича Садовникова. Во втором письме я его просил, чтобы он прислал журнал и Ваш адрес. Ответ пока не последовал, поэтому я решил разыскать Вас через адресное бюро.

Я демобилизовался с военным госпиталем в 1945 году. Работаю в научно-исследовательском институте по бурению нефтяных и газовых скважин.

С дружеским приветом
Сергей Ильич Белоконев
9.11.62 год, г. Грозный [18]

Дорогой друг Николай Григорьевич!

Нами пройден тернистый путь, путь далеко от нашей Родины. Мы вместе преодолели все трудности и лишения, голод, холод, избиение, страх расстрелов. Смерть смотрела нам в глаза, но мы не потеряли честь советского воина.

Жду дружескую весточку как от родного брата, который воспитывался без отца, как и я.

Сергей Белоконев
г. Грозный, 1963-й год [19]

Уважаемый друг Николай Григорьевич!

Моя рукопись пускай находится у вас как документальное подтверждение вашего романа «Море бьется о скалы», в котором вы осветите лагерную истину. Я обязательно вышлю материал дней через 10-15.

Плен сказывается на моем здоровье, шесть лет являюсь инвалидом третьей группы. Болею желудком, нервной системой.

Желательно, чтобы вы приехали ко мне, пригласим Садовникова и ряд друзей из лагеря. Я располагаю большим материалом для вашего творчества. Телеграмм и писем у меня скопилось порядочно.

Пробыли мы с вами в неволе – за нашу советскую страну,

Совесь и честь мы не теряли, хотя находились в плену.

Мужество, воля нас сохранила, верных стране сыновей.

Гестаповских пыток мы не боялись, и даже – концлагерей.

Сергей Белоконев
г. Грозный, 1963-й год [20]

**Письма Алексея Бородина, земляка, друга,
заслуженного художника России:**

Здравствуй, Николай!

Время промчалось, ты вернулся, как изо сна, к барнаульской жизни, и теперь, вспоминая и перебирая все, приводишь свои мысли в порядок.

Прошли годы, но твой цельный характер остался, ты и теперь передо мной стоишь только таким, каким я тебя знал в те далекие наши годы. Твоя манера говорить, держать голову и даже сидеть – все это твое, и только в глазах и голосе есть что-то новое и затаенное, чего раньше не замечал, да это и не случайно.

Я прочитал твою первую книгу и буду ждать вторую часть романа. Мне хочется узнать, как их встретит (твоих героев) жизнь, что уготовила каждому родина.

Судьба каждого (не только Степана) меня будет волновать.

Роман хороший, люди все живые, и убеждают своей простотой, обычностью, а, главное, их поступки очень правдивы, нет «героических подвигов». Все просто, убедительно.

И еще мне очень нравится, как ты сумел построить события лагерной жизни – таким образом, что все идет своим чередом, изо дня в день, как бы однообразно. Но не потерял интерес к людям, и они стали к концу еще содержательней, ярче.

Мне кажется, это большое достижение у тебя.

Характеры, образы, мысли, действия – вот что ощущаешь в романе, нет этих пустых и ненужных отступлений (воды). Лепи их дальше так же объемно и красочно.

Буду ждать второй части романа. [21]

...Пишу картины, работаю над собой и много отдаю времени общественным делам. Видимо, мы с тобой так скроены, что без этого наша жизнь немыслима.

Жизнь кипит, и я снова молод, как и был всегда.

Как твои дела? Что происходит со Степаном? Как он живет и где

он теперь (куда ты его отправил)?

Думаю, что роман заканчиваешь и можешь меня обрадовать новыми творениями. Ведь от тебя многое ожидать можно.

Пиши. Меньше трать время на другие дела (суету). Ты так много отдал на алтарь отечества – теперь выложи все!

Мы ждем.

Желаю здоровья и творческих мук.

Твой Алексей [22]

Дорогой Николай, здравствуй!

Разбирал свои рисунки и увидел тебя (в набросках) и опять вспомнил нашу встречу, чудный миг общения с тобой.

И вот моему Николаю – шестьдесят!?

Книгоноша бегал по избам, предлагал крестьянам-землякам книжки, учился, работал, испытал войну и плен; возвращение на родину и и опять работал, не зная покоя.

И вот шестьдесят!

Твой отчет за прожитые годы и богат и весом. И жил ты, Коля, не напрасно. И мы, твои друзья, гордимся своим земляком с Собачьего колонка Куриловки.

Прекрасная жизнь, полная драматических событий, и ничто тебя не согнуло. И сердце твоё, щедрое и ласковое, слышит, как растет трава, и дарит оно людям радость бытия, согретое твоим взглядом.

Доброе и щедрое сердце!

Не торная дорога тебе досталась, и не искал ты легкой жизни, а шел через все завалы бурелома к заветной цели – большой жизни писателя-человека.

И если оглядеть с высоты шестидесятилетия годы, полные труда и лишений, то увидим добрый след, проложенный тобой в нашей советской литературе.

Низкий тебе поклон отдают твои читатели и мы, твои читатели-земляки!

И не скудеет твой талант с годами, а, наоборот, крепнет. И радостно мне от сознания твоей силы и мудрости. И всему этому тебя

научила сама жизнь, какая тебе досталась.

Обнимаю, твой Алексей.

10 декабря 1977 года

Волгоград [23]

Стихи и Поздравления:

Пятьдесят – это все же печальная дата:
Как ни сдобен и щедр юбилейный пирог,
Это старость уже, не спеша, воровато
Все ж вступила одною ногой на порог.

Пятьдесят – это очень жестокая дата:
Сквозь торжественный шум, сквозь приветственный жар
Все, что в жизни не смоги не сделал когда-то,
Видит взглядом и сердцем своим юбиляр.

Пятьдесят – это крепкая, прочная дата:
Кто б ты ни был, а стой до конца на посту,
Ты теперь не отличен ничем от солдата,
У которого каждый патрон на счету.

Владимир Сергеев

(Поэтическая рубрика в газете «Алтайская правда»,
12 января 1974. № 10)

Мы живем на Алтае

«Мы живем на Алтае»,
Мастерим не за страх.
И не косвенно знаем
Про «Дороги в горах».

Было их – и немало –
На нелегком пути.
«Море бьется о скалы» –
Словно сердце в груди.

Сердце... Часто, некстати
Защемит... И тогда...
Если «Двое в палате»-
То еще не беда.
 Перебьешься – и канет
 Тот «Опасный шаг».
 И опять, как в тумане,
 Ты летаешь в мечтах.

Все мы люди, конечно.
И известно давно
(Эта истина вечна):
«Дважды жить не дано».
 Но врывается жадная
 До всего молодежь,
 «Друзья жданные и нежданные» –
 И опять ты живешь.

И, как прежде, до темени
Ты выходишь на бой.
И несет «Река времени»
Нас по жизни с тобой.

А. Зубин, мастер моторного завода [24]

Дорогой Николай!

На твоём персональном счетчике времени – 60...

Дунайские тропинки, сельские стежки-дорожки Тебе стали тесны. Ты вышел на Большак, которым шел упорно, стремясь к цели. На многие нужные вопросы Ты ответил «Дорогами в горах», «Рекой времени»...

Провожая на Большак, зашивая гроши в подкладку пиджачка, надо полагать, Мать прошептала Тебе: «Не остуди свое сердце, сынок».

«Однодунаец» от души желает Тебе доброго устойчивого здоровья, новых творческих задумок и их воплощения.

Твой «на всю оставшуюся жизнь» Петр
Декабрь 1977-й год
г. Куйбышев, Куропатов П. Н. [25]

Дорогой Николай Григорьевич!

Горячо поздравляем Вас со знаменательным юбилеем, 60-летием со дня рождения!

Ровесник Великого Октября, Вы вместе с революцией мужали, крепили и росли.

Ваше творчество неразрывно связано с трудовыми и боевыми подвигами советского народа – народа победителя и творца. В своих произведениях Вы отражаете мысли и чаяния народа.

Благодарные читатели ждут от Вас новых книг, статей, выступлений.

Ваши читатели:

рабочие, ИТР, служащие Павловского ремзавода [26]

Поздравительная телеграмма от Первого секретаря Правления ССП (Союза советских писателей):

ДОРОГОЙ НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШЛЮ ИСКРЕННИЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ВАШИМ СЛАВНЫМ ЮБИЛЕЕМ ТЧК ВАША ТАЛАНТЛИВАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ РАБОТА ПО ПРАВУ ЗАСЛУЖИЛА ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ ЧИТАТЕЛЕЙ КРИТИКИ ШИРОКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ТЧК РАД ПРИСОЕДИНИТЬ СВОЙ ГОЛОС К ПОЖЕЛАНИЯМ ДОБРОГО ЗДОРОВЬЯ СЧАСТЬЯ НОВЫХ ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ КОТОРЫЕ СЕГОДНЯ ИДУТ К ВАМ СО ВСЕХ СТОРОН ТЧК ВАШ ГЕОРГИЙ МАРКОВ [27]

«Портрет Николая Дворцова»
Алексей Бородин (заслуженный художник России)

ЛЮБОВЬ МОЯ, ЛИТЕРАТУРА

Рецензии, обзоры, статьи

Марк Юдалевич,

поэт, прозаик, драматург, член Союза писателей России

(Публ. по книге: Дворцов Н. Г. Дороги в горах. Опасный шаг. Двое в палате. Родная семья., 1967)

СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

Судьбы людские необыкновенны. Мы привыкли к этой фразе. Часто забываем о том, что стоит за ней.

Живут рядом люди. День проводят на работе. По вечерам включают телевизор или идут в кино, расставляют шахматы или стучат по столу костяшками домино, читают книги или сидят с друзьями за уставленным снедью столом.

И порой кажется – все в них обыденно, банально. А взглянешь пристальнее, заинтересуешься чьей-либо жизнью, и поразит она неординарностью, своеобычностью.

Живет в Барнауле писатель Николай Дворцов. Издает свои книги. Активно участвует в общественной работе. Был делегатом II съезда писателей России. Сейчас он избран ответственным секретарем Алтайской краевой писательской организация, депутатом горсовета.

И, кажется, всегда по утрам он садился за письменный стол против занявшего всю стену стеллажа с книгами, неохотно отвечал на телефонные звонки, коротко и весомо выступал на совещаниях, сердитыми пометками испещрял рукописи молодых писателей. А в свободное время самозабвенно копался в своем саду.

Но взглянем пристальней, и первоначальный смысл обретет эта фраза: «Судьбы людские необыкновенны».

Дворцов родился в декабре 1917 года в селе Куриловке Саратовской области. Детство его прошло на небольшом хуторе, где зимними вечерами накрепко запирали дворы и скотные пригоны, потому что прямо на хутор заходили голодные завывающие волки.

Вряд ли в Куриловке был хотя бы один человек, имеющий представление о том, что такое литературный труд. И все-таки в писательской судьбе Николая Дворцова немалую роль играл его отец. Столяр, ни одного дня не ходивший в школу, этот человек самостоятельно научился грамоте, много читал, составил домашнюю библиотеку.

Крестьяне нередко приходили к нему потолковать о жизни, посоветоваться в случае какой беды. Отец разговаривал с ними, как бы размышляя вслух, мудро и неторопливо. И Николай с детства любил этот раздумчивый подход к жизненным явлениям и событиям, это стремление вникнуть в их суть, предвидеть их близкие и далекие последствия. А ни в этом ли одна из самых существенных сторон литературной работы?

Двенадцати лет Николаи Дворцов лишился отца, не по книгам узнав, что такое нужда и недоедание.

Окончив школу крестьянской молодежи, поступил в строительный техникум. Материальные трудности заставили прервать учебу. Некоторое время работал техником-нивелировщиком. Закончил вечерний рабфак. Поступил в учительский институт.

Здесь на отделении литературы и языка впервые просыпается желание писать. Первый рассказ Дворцова «Бельчик» был опубликован в областной пионерской газете. В 1940 году появился второй рассказ в альманахе «Литературный Саратов».

По окончании института работает учителем в сельской школе. Война делает учителя солдатом. Он участвует в боях против немецко-фашистских захватчиков, проявляя мужество и стойкость.

В мае 1942 года после неудавшегося наступления наших войск на Харьков Николай Дворцов испытал не только горечь поражения, но и ужасы фашистского плена. Три года пробыл он в гитлеровских лагерях смерти, из них два с половиной в оккупированной Норвегии на берегу зеленого, вечно гремящего моря.

Врач Садовников сколачивает в лагере подпольную организацию. Рискуя жизнью, подпольщики связываются с норвежскими патриотами, добывают оружие, готовят восстание.

Восстанию не суждено было вспыхнуть. Фашисты схватили Садовникова, а некоторое время спустя расстреляли шестерых подпольщиков.

Участником подполья был и Николай Дворцов. Смерть ходила совсем рядом.

Победа над фашизмом принесла долгожданную свободу, возвратила Родину. Но жизнь не сразу вошла в колею. Война разрушила семью. Из Саратова Николай Григорьевич перебрался в Барнаул. Здесь жили его мать и брат.

В Барнауле он устроился на скромную работу в краевое управление сберкасс. И с еще большей силой проснулась старая страсть. Хотелось писать.

Вечерами допоздна сидит начинающий над своей первой повестью. И здесь его подстерегает неудача. Повесть, как это часто бывает с первыми крупными вещами, оказалась слабой, не увидела света.

Нелегко молодому литератору перенести поражение. Особенно, если он не так уж и молод. Стукнуло тридцать. И почти ничего не напечатано. И не устают напоминать о том, что Лермонтов в двадцать шесть...

Для многих такая неудача становится роковой. Николай Дворцов взялся за новое произведение. И опять бессонные ночи, опять мужественный непрекращающийся поиск.

И вот первый успех. Повесть «Мы живем на Алтае» публикуется сначала в молодежной газете, потом выходит в свет отдельным изданием.

Николай Григорьевич переходит на журналистскую работу в редакцию краевого радио, а позже в молодежную газету.

За первой повестью следует вторая – «Наше счастье». Николай Дворцов становится членом Союза писателей.

Внимание читателей завоевывают все новые и новые его книги. Сборники рассказов «Дружба» и «Родная семья», повесть «Пуговицы». Первый большой успех приносит роман «Дороги в горах». Этот роман издавался не только в Барнауле, но и в Новосибирске, в Москве.

Окрепнув, обретя литературное умение, Дворцов обращается к самым трагическим годам своей жизни. Тяжелы, подчас гнетущи воспоминания. Но он должен написать об этом. Должен – за всех погибших и за всех вырвавшихся из этого лагеря смерти. За всех! От имени и по поручению.

Так родился роман «Море бьется о скалы». Произведение выдержало редкий для областного издания трехсоттысячный тираж. Удача дала не только новых читателей, но и принесла еще одну ни с чем не сравнимую радость. Объявился Садовников. Оказывается, руководитель подполья остался жив. Фашисты не знали о его роли в лагере. Лишь догадывались, что он причастен к подготовке восстания. Врача отправили в лагерь еще более сурового режима.

Прочитав «Море бьется о скалы», доктор Садовников написал Дворцову. Позже испытанные совместной борьбой друзья встретились в Барнауле.

Этой же теме Николай Дворцов посвятил еще одно произведение – повесть «Двое в палате». Недавно в печати появилась его новая повесть «Опасный шаг».

Произведения писателя никогда не бывают равноценными. Годы оттачивают литературное мастерство, формируют вкус, повышают эстетические критерии. Но и у мастеров, наряду с точными попаданиями, случаются промахи, наряду с парением – падение.

Однако у настоящих писателей есть другая более или менее постоянная величина, как бы стоящая за скобками и возводящая в степень все создаваемое ими. Это пафос, которым проникнуты страницы книг, это сумма идей, моральные ценности, наиболее дорогие автору.

Различны герои произведений Николая Дворцова. Далеки друг от друга события, описываемые в разных его книгах. Всякий раз остро чувствуются в них приметы времени. И все же резко выступает одна тема.

Чистота, бесхитростная доверчивость сталкиваются с эгоцентризмом, жадностью, корыстным криводушием. Писатель не лакирует, не упрощает эту борьбу. Подчас она бывает суровой и нелегкой. Но книги его оставляют ощущение ясности, степной широты и по-весеннему высокого неба.

От суровых испытаний не застрахованы не только взрослые, но и дети. Незамутненно спокоен, светел мир маленького Васи Твердых. Есть школа, с неловким, как медвежонок, мечтательным Левой, отзывчивой умницей Светой, строгой, но правильной Глафирой Павловной. Есть мама, самая славная, умная и красивая. Есть поселок над Катунью с домами под белыми кудлатыми шапками снега, со зверофермой, где обитают важные хитроватые лисицы и юркие соболя. Есть живущий своей особой жизнью, занесенный искристым, слепящей белизны снегом бор.

Ив этот добрый, надежный мир врывается настоящая недетская беда. Мать Васи Валентина подружилась с шофером Яковом. Безобманная детская чуткость помогает мальчику за красивой внешностью, улыбочивостью Якова распознать его мелкую душонку. Но что

сделаешь, если мама не понимает этого! Если даже кражу, совершенную Яковом, она приписывает Васе. Остается только сбежать из дому, скрыться в весеннем бору, не сдав даже последнего экзамена по арифметике.

Может быть, и неправильно поступил Вася. Во всяком случае, строгая учительница осудила его поступок. Но сын помог матери понять ее ошибку, распознать Якова.

Пронеслась над маленькой семьей грозная буря, чистота и доверчивость столкнулись с эгоизмом и мелкой хитростью. И, несмотря на свою открытость, на кажущуюся беззащитность, Вася и Валентина вышли победителями из этого поединка.

Сложнее борьба в романе «Дороги в горах». Сельские ребята, окончившие среднюю школу, ищут свой путь. Непросто решить это уравнение со многими неизвестными.

Дочь доярки Клава Арбаева мечтает стать зоотехником. Но она не проходит по конкурсу в институт. Игорь Гвоздин подает заявление в то же учебное заведение из-за Клавы. Он вырос в городе, на селе живет всего один год и равнодушен к сельскохозяйственному труду. Однако стараниями отца Игорь становится студентом. Коля Белендин идет работать на комбайн, а Нина Грачева предпочитает сидеть на иждивении своих родителей.

В школе все было понятно, и учителя не раз говорили о прямых открытых дорогах. А в действительности... Отец Игоря настолько хитер, что даже от единственного сына скрывает свои намерения. Мать глупа и претенциозна. Отец Нины Грачевой словно оброс скорлупой, оглох сердцем. Даже мать Клавы в трудную минуту жалеет дочь ненужной жалостью, убеждает ее пойти шелестеть бумажками в контору районного потребительского союза. А здесь ловко жонглирует высокими словами Федор Балушев. На словах он рвется на передний край, на линию огня. Но как прослышал, что его хотят направить на животноводческую ферму, сразу оказался трусом и симулянтом.

На ферму идет Клава. Крепко испытывает ее жизнь – и нелегким трудом, и лютой сибирской стужей. Клава выдерживает испытания. За ней тянется и Игорь Гвоздин, который искренне любит девушку. Снова чистота помыслов торжествует над себялюбием и своекорыстием.

И вот еще одно произведение Николая Дворцова, где излюбленный автором конфликт приобрел иной масштаб и смысл. Мораль советского общества столкнулась с человеконенавистнической философией гитлеровских завоевателей.

В адские условия поставлены герои романа «Море бьется о скалы». С немецкой методичностью гитлеровцы строят в лагере свой «идеальный порядок». Каторжный труд, голод, издевательства, побои. Жизнь пленного ценится ниже пачки сигарет, пайки хлеба.

И все-таки люди не сломлены. Пусть от худобы обвисла кожа и даже безусые юноши похожи на стариков. Пусть потемнели, глубоко запали глаза, но в глубине глазниц горят они жарким огнем. Лишь немногих отщепенцев голод и смертельная опасность толкнули на измену Родине.

– Это не люди, а мусор, – говорит о них учитель Степан Енин – центральный герой романа. – В мирной жизни они терялись среди настоящих людей и сами порой казались настоящими. А как война вспыхнула – всплыли навозом.

Сам Степан рассудителен и нетороплив. Он твердо помнит народную мудрость – живой смерти не ищет. Но это не мешает ему вступить в подпольную организацию, которую создает доктор Садовников (Садовников фигурирует в романе под своим именем). Именно Степан, по заданию этого бесстрашного человека, связывается с норвежцами, приносит в лагерь вести о том, что Сталинград не пал, «непобедимые» гитлеровские войска разбиты, Паулюс сдался.

Руководители подполья назначают Степана командиром взвода. Он готовит свой взвод к восстанию.

Когда фашисты схватили Садовникова, Степан продолжает борьбу. Вместе с Никифором Бакумовым они решают устроить «салют» в день рождения фюрера. Пленным удастся взорвать баржу с боеприпасами.

Воины остаются непокоренными. И фашисты почти ежедневно убеждаются в этом. Денщик Аркадий, раболепно чистивший сапоги немецкому коменданту, вдруг бросает две гранаты в офицерский вагон. Оказывается, он не только чистил сапоги, но, по заданию подпольщиков, добывал и прятал оружие. Вошедший в доверие к немцам переводчик Федор Бойков убивает и ранит четырех гестаповцев.

«Конец войны!

Степан целует Бакумова и всех, кто попадает под руку. У Бакумова по черным щекам катятся слезы. Не замечая их, Никифор говорит:

– Выстояли, друзья!

– Выстояли, – повторяет Степан».

Это свет выстоял против тьмы, человеколюбие против людоедства.

В повести «Двое в палате» Николай Дворцов возвращается к той же теме в новом, более глубоком философском осмыслении. Судьба сводит в больничной палате двух пожилых, много повидавших людей. Илья Рыбин не сразу узнает в своем соседе давнего знакомого Тимофея Козырева. Ведь сосед этот зовется теперь Сергеем Ивановичем Самохиным.

Козырев – это тот самый мусор, о котором презрительно говорит учитель Степан Енин. Жил среди настоящих людей и казался настоящим. Даже говорил громкие слова и занимал какую-то руководящую должность. А началась война – продался фашистам. Да еще и Рыбина тащил на эту дорожку. И не то важно, будет ли осужден за свои преступления Тимофей Козырев. Гораздо важнее, что случилось с ним. Этот человек отказался от своей жены, забыл родные места, друзей, товарищей. Потерял все человеческое, что в нем было. И, наконец, отказался от самого себя.

Не проходит даром, не прощается иудин грех!

Можно еще многое говорить о проблематике произведений Николая Дворцова. Писателя остро интересуют вопросы воспитания молодого поколения, отношения к труду, дружба, любовь, семья, армейская жизнь.

Но хочется сказать о Николае Дворцове как художнике. Дворцов не стал прозаиком этапных поисков, новаторских открытий. Но то, что им сделано, в основном сделано добротнo и по-своему.

Писатель постоянен в своей художественной манере. Ему есть чем поделиться с читателями, и он не торопится увлекать и поражать необычными событиями, коллизиями. Он беседует с читателем как человек уверенный, что его будут слушать.

Николай Дворцов любит обстоятельные и убедительные психо-

логические мотивировки. В сочетании с незаурядной наблюдательностью, точностью деталей, это делает его произведения достоверными.

Книги Николая Дворцова всегда познавательны. Но эта познавательность не бывает у него самоцелью.

В повести «Наше счастье» мы немало узнаем о совхозной звероферме, о повадках и разведении пушных зверей. Много познавательного несут в себе романы «Дороги в горах» и «Море бьется о скалы». Но все это не мешает развитию сюжета, наоборот, органически входит в сюжетную канву. Даже движет ее, помогает писателю правдиво воссоздать жизнь.

И еще одно качество, которое красит произведения Николая Дворцова. Это поэтическое ощущение родной природы. Писатель видит, как белым облаком опускается на поляну майская черемуха, слышит напоминающее звук басовых струн гитары жужжание золотистых лесных пчел и тонкое мелодичное позванивание невидимой синицы. Он слышит, как осенний ветер колышет лохматые костры берез, лапчатых кленов, трясуцих осин, сливает их в огромное пожарище, осыпая пламенеющие листья в траву, бурьянистую некоем.

Немалый путь прошел писатель Николай Дворцов. Общий тираж его произведений перевалил за миллион.

А на его столе – неоконченная рукопись: философская повесть «Конец и начало». Повесть о своем времени, вечном движении жизни, смене поколений.

В 1967 году Николай Григорьевич второй раз в жизни побывал в Норвегии. Теперь он был в стране фиордов в качестве туриста. Острым писательским зрением отмечал перемены, происшедшие там за двадцать два года. Появились норвежские записки. Возник и более глубокий замысел написать о трагедии немногих русских людей, которые по разным причинам – предательство, трусость, душевная слабость – оказались оторванными от родины. Повесть о трагедии отщепенцев будет называться «На чужбине».

Есть и другие новые замыслы, в будущем – новые работы.

Георгий Кондаков,

поэт, переводчик, литературовед, кандидат филологических наук
(Публ. по книге: Дворцов Н. Г. Река времени. Роман, повести, рассказы, 1977)

ПУТИ И СУДЬБЫ

К 60-летию со дня рождения Н. Г. Дворцова

С чего начинается писатель? С первого написанного в школьной тетрадке рассказа или с первой публикации очерка на газетных или журнальных страницах? Вопрос этот далеко не праздный, и в то же время на него нельзя ответить однозначно. Писатель порой начинается не с первых своих публикаций, а гораздо позднее. Пройдут годы, богаче станет жизненный и литературный опыт, и однажды пишущий почувствует, как «дышит почва и судьба». Вот в этот миг и рождается писатель со своим видением жизни, со своим выношенным в сердце словом.

Николай Григорьевич Дворцов – ровесник нашего государства. Детство писателя прошло в селе Куриловке Саратовской области. Учился в школе колхозной молодежи (ШКМ), а летом работал табельщиком в колхозной полевой бригаде. Учился, работал. В 1940 году закончил Саратовский учительский институт, преподавал в школе русский язык и литературу. Потом Великая Отечественная война.

В послевоенное время Н. Дворцов приезжает на Алтай, где и живет с 1947 года. Занимается журналистикой. Работает в краевом радиокомитете, в газете «Молодежь Алтая», корреспондентом «Учительской газеты». В биографии Н. Дворцова, типичной для человека нашей страны, отразились три важных момента: село, определившее интерес будущего писателя к деревенской теме, к ее сложным и подчас драматическим противоречиям, особенно в 30-е годы; школа и связанные с ней острые проблемы воспитания нового человека; Великая Отечественная война, оставившая тяжкий след в памяти всего советского народа и в памяти крестьянского паренька, ушедшего на фронт и испытавшего всю горечь фашистского концлагеря. Многие жизненные события, участником которых был сам писатель, и определили его дальнейшее творческое развитие.

Да, как писатель Н. Дворцов рос медленно. Судьба его не баловала легким успехом. В 1939 году в Саратовской областной пионерской газете появляется его первый рассказ, и только через четырнадцать лет – первый сборник «Мы живем на Алтае» (1953), включивший повесть того же названия и рассказы «Лисенок» и «Бельчик». Потом выходят книги «Наше счастье» (1954), «Дружба» (1955), «Родная семья» (1955), «Повести» (1956) и др.

Огромный жизненный материал, накопленный журналистом Н. Дворцовым, не укладывался в рамки газетных корреспонденций, статей и очерков. Вызревала насущная необходимость художественски осмыслить многочисленные факты. Этим можно объяснить появление дворцовских рассказов, повестей, романа «Дороги в горах» в 50-е годы.

Не все равноценно из того, что создано и издано литератором в эти годы, не все прошло испытания временем. Но очень важным было одно обстоятельство: живейшее участие писателя в жизни, активное вмешательство в нее, стремление сосредоточить внимание на проблемах формирования морали и нравственности советского человека. Проблемы нравственного становления, духовного роста подрастающего поколения были ведущими для Н. Дворцова в это время.

Другая очень важная черта писателя 50-х годов – это стремление изображать человека ищущего, раскрывать его характер через конфликты, взятые из самой жизни, стремление разобраться в человеке, в его делах и поступках, в его психологии. Характерным в этом отношении является роман «Дороги в горах», выдержавший несколько изданий в Барнауле, Новосибирске, Москве. Большая подготовительная работа была проделана писателем. Он изъездил Чуйский тракт, побывал во многих уголках Горного Алтая, встречался с чабанами, шоферами, учителями, алтайскими писателями. Собран был богатейший материал. Само название романа звучит символично: трудны дороги в горах, но пути нравственного поиска, пути становления человека сложнее, что показано на примере взаимоотношений молодых людей Клары Арбаевой и Игоря Гвоздина.

В этом романе прозвучали мотивы дружбы народов и нашла отражение тема алтайского народа. Н. Дворцов «Дорогами в горах» продолжил на новом этапе благородную традицию русской совет-

ской литературы, начатую в повестях и романах В. Шишкова, Вс. Иванова, А. Караваевой, П. Низового, В. Итина, А. Коптелова и других художников слова. Таким образом, Н. Дворцов к решению актуальных проблем современной деревни, нравственных конфликтов и противоречий подходит с позиций социалистического реализма.

Жизнь алтайского народа изображается писателем и в последующих произведениях: в повестях «Нужны энтузиасты», «Двое в палате», в драме «Дважды жить не дано» и некоторых других. Н. Дворцов показывает то новое, что рождается в горах Алтая. Например, председатель колхоза «Кызыл черю» Кириш Антуракович в дворцовой пьесе загорается идеей страстного садовода-испытателя Платона Афанасенко вырастить на горных склонах фруктовый сад.

Книга – это не только отражение жизни, изображение и показ характера человека, его психологии, но это и поиск самого себя, поиск индивидуального «я». Личность писателя преломляется в его произведениях, где прямо и непосредственно, а где косвенно и опосредованно.

Сборники рассказов и повестей, роман «Дороги в горах», изданные в 50-е годы, еще не давали возможности говорить о Н. Дворцове как сформировавшемся писателе, но уже в них ощущались нераскрытые возможности дворцовского дарования, уже в них пробивалась струя, которая давала основания ожидать от писателя новых интересных открытий.

В 60-годы и начале 70-х годов в советской литературе происходят значительные изменения, что в первую очередь отразилось на развитии деревенской прозы, в частности на творчестве писателей С. Залыгина, Ф. Абрамова, В. Шукшина, В. Белова, В. Астафьева.

Отвечая на вопрос, каковы в эти годы идейно-художественные поиски Н. Дворцова, мы должны вспомнить известную истину, что строительный материал писателя – слово. В слове и через слово выражается гражданская позиция автора, его симпатии и антипатии. Ф. Энгельс в одном из писем к немецкой писательнице М. Каутской, автору романа «Старые и новые», указывал, что тенденциозность литературного произведения должна вытекать из самой системы художественных образов: «...тенденция должна сама по себе вытекать из обстановки и действия, ее не следует особо подчеркивать, и писатель не обязан преподносить читателю в готовом виде будущее историческое разрешение изображаемых им общественных конфликтов».

Энгельсовские слова имеют прямое отношение к предмету нашего разговора. Тенденциозность, идейная направленность ранних очерков, рассказов, повестей Н. Дворцова выражалась порой схематично, прямо, открыто. Слово тут еще не стало союзником писателя, оно было написано Дворцовым, но не принадлежало ему как творческой индивидуальности; оно, слово, было еще слишком общим, безликим, оно не имело дворцовой меты. Вот один пример из давней повести «Наше счастье»: «Глафире Павловне на шестой десяток перевалило. Девятнадцати лет начала она учительствовать в глухой деревне, а потом переехала в только что организовавшийся зверосовхоз. Здесь взяла на воспитание осиротевшую семилетнюю девочку. Приемная дочь окончила институт, работает в совхозе старшим зоотехником, вышла замуж. Глафира Павловна стала бабушкой».

Информационность газетной статьи, усередненность стиля, отсутствие индивидуальной окраски – все это присуще приведенному отрывку. Тут еще не отразилось в слове писательское видение, нет дворцовой интонации, доверительной, человеческой интонации, которая появится в его книгах гораздо позднее. Приведу еще один пример из повести «Святая простота, или телега семейной жизни», входившей в сборник писателя «Августовские ночи» (1976): «Отрада и печаль – противоположные чувства – сопутствовали автору на протяжении всего повествования. Отрадно было оживлять в памяти давнее, снова и по-новому общаться с людьми, проследивать их взаимоотношения, обращая внимание на то, что раньше казалось малозначимым или вовсе проходило мимо. Печаль же рождалась от сознания того, что все это было, да быльем поросло, прошло и кануло в бездонное небытие. Впрочем, так ли уж, без остатка все кануло? Возможно, многое из того, что кажется умершим, имеет глубинную, неприметную на первый взгляд связь с жизнью, продолжается в ней?..».

Дворцовский слог лишен каких-либо красотостей. Он рассчитан на серьезный и толковый разговор с читателем. Отсюда теплая, доверительная интонация, не категоричная, как это было порой в ранних вещах, а вопросительная, обращенная и к читательскому сердцу, и к самому себе. Богаче стало слово, а отсюда и мысль, и чувство не столь категоричны и прямолинейны, они стали диалектичнее. Отрадно автору «оживлять в памяти давнее», но и печально от сознания,

что «все это было, да быльем поросло, прошло и кануло в бездонное небытие». Но автор не ставит точку на этом, он пытается снова соединить эти чувства отрады и печали мыслью, что прошедшее «имеет глубинную, неприметную на первый взгляд связь с жизнью, продолжается в ней». Но мысль эта опять же выражена не категорично, а в вопросительной форме.

Настоящий читательский успех выпал на долю романа Н. Дворцова «Море бьется о скалы», первые наброски которого были сделаны в 1947 году, в пятидесятые годы автор продолжает работу над своим произведением, и вот в 1961 году выходит первое издание этого романа. Книга переиздавалась четыре раза. Мне доводилось видеть эту книгу в городских и сельских библиотеках, ее вид свидетельствовал, что роман много и охотно читают люди разных возрастов.

А. Твардовский как-то написал: «Вся суть в одном-единственном завете: то, что скажу, до времени тая, я это знаю лучше всех на свете – живых и мертвых, – знаю только я. Сказать то слово никому другому я никогда бы ни за что не мог передоверить. Даже Льву Толстому – нельзя. Не скажет – пусть себе он бог. А я лишь смертный. За свое в ответе, я об одном при жизни хлопочу: о том, что знаю лучше всех на свете, сказать хочу. И так, как я хочу». Вот и в романе «Море бьется о скалы» Н. Дворцов говорит о самом сокровенном, пережитом, о военных годах, оставившим неизгладимый след в душе писателя. В новой книге Н. Дворцов подошел к своей теме, к своей судьбе, следовательно, к самому себе, к своему творческому «я».

В одной из аннотаций к роману прозвучала мысль, что в нем «просто и правдиво рассказывается» о мужестве, героизме советского человека, оказавшегося за колючей проволокой фашистского концлагеря. Мне кажется, что это «просто» к дворцовскому роману не подходит. Трудно, сложно, преодолевая сопротивление специфического жизненного материала и слова, писатель создает картину за картиной, показывает стойкость советских людей и там, в фашистских застенках; медленно, неторопливо разворачивается сюжет повествования.

Н. Дворцов в одном из своих предисловий к роману высказал очень важную мысль, помогающую понять идейный смысл этого произведения: «Прошлое всегда в сердце. Оно никогда не умрет. Не умрет потому, что плен для советских людей был не только му-

ченичеством, но и борьбой. Борьбой смертельной и неравной. Голоду, изощренным издевательствам, автоматам советские люди могли противопоставить только свое мужество, свою ненависть к врагу, свою любовь к Родине. Вот почему я считаю, что о борьбе советских людей в фашистских застенках должны знать все и особенно новое, молодое поколение».

Роман документален и автобиографичен, но это не означало, что писатель слепо следовал фактам: в его произведении есть и художественное обобщение, и творческий вымысел. Сам писатель отмечал: «Работая над книгой, мне пришлось заново пережить все пережитое. Роман написан на действительных фактах, однако персонажи его собирательные. Исключение составляют, пожалуй, Васек Хорошаев и врач Садовников. Но и здесь мне пришлось додумывать и обобщать (это и явилось причиной того, что я изменил имя и отчество Садовникова)».

Олег Петрович Садовников, военврач, является одним из главных героев романа. Ему, организатору подпольной группы, писатель посвящает задушевные строки.

Садовников, рискуя собственной жизнью, спасал жизнь товарищей по фашистской неволе. Вышла книга, и ее автор из очерка «Страна фиордов помнит героев» («Комсомольская правда», 1961, 26 ноября) узнал, что Николай Васильевич Садовников жив, заведует хирургическим отделением больницы в городе Джизаке Сырдарьинской области.

Предоставим слово автору романа «Море бьется о скалы». «Жив! Жив! Сейчас же в далекий Джизак полетело письмо. А летом мы встретились в Барнауле, встретились, спустя девятнадцать лет. Дни и ночи незаметно пролетали в беседах. Я узнал, что описанная мною борьба Садовникова является только частью той борьбы, которую он вел в других лагерях. И примечательно еще то, что в члены Коммунистической партии Николай Васильевич вступил пять лет назад. А там, в фашистском аду, этот неукротимый человек был беспартийным. Разве такое не говорит о том, что коммунистические идеи стали дыханием, жизнью советских людей? А фашисты тщились выжечь «большевистскую заразу». Нелепые и напрасные потуги!»

Словами Ю. Фучика («Герой – это человек, который в решительный момент делает то, что нужно делать в интересах человеческо-

го общества») и Н. Островского («Мужество рождается в борьбе»), взятыми в качестве эпиграфов к роману, и определяются основные мысли, волновавшие автора. Да, образы Олега Садовникова, Степана Енина, Федора Бойкова и других борцов за свободу утверждают идею: героизм и мужество проявляются и в том, что советский человек в нечеловеческих условиях остается человеком. Вот характерный диалог:

«– Мало мы сделали, – говорит Бакумов. – До обидного мало...

– Не согласен, – возражает Садовников. – Борьба, Никифор, это не только затопленный пароход или взрыв в порту. Выдержать все, не запачкать совести – разве не борьба? Тоже, брат...».

Роман «Море бьется о скалы» продолжает и интернациональную тему в творчестве Н. Дворцова. Дружба, братство, пролетарская солидарность – важный залог победы советского народа в битве с фашизмом. Это убедительно показано на образах норвежцев, помогавших русским бороться в неволе. Вот одна из сцен: «Уже на третий день после окончания войны Степан побывал у друга. Он живет в маленьком домике высоко на склоне горы. Тогда Людвиг первым делом показал Степану Ленина, пять томов в алом переплете. Обложка одной из книг поблекла и покоробилась. Людвиг объяснил, что в черные дни оккупации книги пришлось прятать. «Ленин вместе с нами уходил в подполье, вместе с нами боролся с фашизмом», – сказал Людвиг».

Или еще сцена:

«– Мама!.. Родная!..

Это Матвей пробивается к Матери русских. Седенькая старушка окружена плотной стеной людей. Она буквально завалена цветами. Из цветов видна зеленая шляпка да верхняя часть лица. Старушка растрогана до глубины своей доброй души. Она плачет и смеется сквозь слезы».

Вне всяких сомнений, новая книга Н. Дворцова, рассказывающая о мужестве и героизме советского человека в годы Великой Отечественной войны, стала художественным документом большой воспитательной силы, помогающим растить молодое поколение в духе преданности Родине, ее высоким идеалам.

В повести «Двое в палате» (1964–1965) Н. Дворцов продолжает разрабатывать мотивы, прозвучавшие довольно сильно и худо-

жественно убедительно в романе «Море бьется о скалы». Только действие нового произведения происходит в начале шестидесятых годов, а точнее в 1963 году. На первый план выдвигаются проблемы нравственные, которые решаются на образах людей, резко противоположных по своим взглядам на жизнь, на окружающий мир, на свой гражданский и человеческий долг перед страной, народом. Положительное начало повести, ее идейный нерв выражен через образ Ильи Рыбина, человека, прошедшего тяжкие испытания в годы Великой Отечественной войны, но сохранившего чувство собственного достоинства, оставшегося верным своему гражданскому долгу перед Родиной.

Писатель для более глубокого изображения и раскрытия характера Ильи Рыбина избрал интересный, прием: показывает события в двух временных плоскостях – в настоящем и прошедшем. Прием этот используется Н. Дворцовым и в других произведениях, например, в повести «Два дня и три ночи», но недостаточно естественно и органично, ибо прошлое оказалось более интересным, чем настоящее. Совсем иное дело в повести «Двое в палате». Здесь этот художественный прием оправдан и способствует объемному изображению человека.

Детство, юность, зрелость, военные и послевоенные годы Ильи Рыбина – все это в совокупности и позволяет нам понять, как и в каких условиях сформировались нравственные устои рабочего человека. Любовь к труду, верность в дружбе, святое исполнение гражданского долга перед обществом и страной, совесть – эти качества родились не сами по себе, они следствие новых социалистических отношений между людьми.

Точно и поэтично описывает Н. Дворцов состояние маленького Илюшки, когда он наблюдал за работой отца: «Илюшка не видит, что он там взял, но с первого движения отца сразу узнает – шерхебель. По голосу узнает. Он у шерхебеля грубый и злой, будто Копаев Полкан гавкает.

Отец подвигается по верстаку, и стружки падают в угол. Но радости мало от них – толстые, грубые из-под шерхебеля стружки и почему-то не такие запашистые. Вот у рубанка – иное дело: кольцами свиваются, их можно на руки нанизывать, на шею нацепить. А самый наилучший, конечно, фуганок. Он приступает к делу последним, по-

сле шерхебеля и рубанка все выравнивает. Неторопливо так и важно скользит. Вжик. Вжи-и-к... И стружки выбрасывает. Тонкие, как курительная бумага. И духовитые – страсть! Илюшка закопается в них, насытно тянет в себя смолеватый воздух и думает о лесе». Вот тут, в столярке, и осознал впервые подросток, что труд человека красив и прекрасен, что он – главное мерило человеческой ценности, он нравственная основа человеческого поведения.

Есть путь, и есть перепутье. Трудный путь и трудная судьба выпали на долю Ильи Рыбина. Но горькие испытания не сломили его, он честно выполнял и выполняет свой долг перед Родиной, он остался человеком. Кривые тропки и перепутья Тимофея Козырева привели его пусть не к физической, но к моральной и нравственной гибели.

Н. Дворцов любит гетевское высказывание: «Кто забывает прошлое, тот не имеет будущего». Исследуя характер и причины нравственного падения предателя Тимофея Козырева, писатель подчеркивает и утверждает мысль, что всем тем, кто людей «предавал и мучил, кровь лил невинную», никогда не будет прощенья. Чтобы строить настоящее и будущее, мы должны помнить не только то, что было прекрасным в прошлом, но и факты предательства и нравственного падения отщепенцев, о которых нам и сейчас еще напоминают статьи, публикующиеся в периодической печати. Н. Дворцов своими книгами «Море бьется о скалы», «Двое в палате» призывает людей к бдительности.

Таким образом, тема Великой Отечественной войны в творчестве писателя-коммуниста Н. Дворцова занимает одно из главных мест. Писательская любовь, писательское уважение на стороне тех, кто мужественно и героически защищал свою Родину в смертельных боях с фашизмом, кто внес свой, пусть и скромный, вклад в дело победы над фашистскими захватчиками.

Н. Дворцов – интересный и своеобразный рассказчик. В его рассказах «Бурадан ачмалы», «Боль души», «Старый мерин, кумовья и художники» и некоторых других есть точное знание жизни и чувство духа современности, есть мудрая народная философия и доброе отношение к человеку, внешне неприметному, но богатому внутренне, есть своя, выношенная мысль и свое слово.

Отличный рассказ Н. Дворцова «Бурадан ачмалы» подкупает искренностью интонации, напевностью слова, а главное тем, что на его крошечной площади развернут перед читателем народный характер.

Горка Жигунов, любивший присловье «бурадан ачмалы», выписан писателем «с душевной теплотой: между писателем и его героем сердечная близость, что и выплескивается в слове: «Еще до войны жил в Приозерном Горка Жигунов, отчаянная голова, без вина хмельной, собою видный, белозубый, на дело и слово скорый. К тому же залихватский шофер и не менее залихватский баянист – козырь тогда немалый в глазах деревенских красавиц».

Читая рассказ Н. Дворцова «Бурадан ачмалы», я почему-то вспомнил прекрасную новеллу А. Толстого «Русский характер». Может быть, потому, что дворцовский Горка Жигунов горел в танке, как толстовский Егор Дремов? Больше-то вроде и ничего не напоминает нам А. Толстого. Но тут есть связь не внешняя, а внутренняя. Н. Дворцов так же, как А. Толстой, но по-своему рисует образ доброго и мужественного человека, воспекает красоту и силу русского характера.

Ничего не «навязывает» Н. Дворцов своему читателю, но писатель то с доброй усмешкой, то с горькой печалью и недоумением, но обязательно с любовью и душевной приязнью лепит характеры своих героев. Невольно ощущаешь, что писатель чувствует свою власть над словом и через него утверждает свои добрые идеалы. Рассказ у него складывается, как стихотворенье, где каждое слово и каждый оттенок интонации важен, поэтому его надо читать внимательно, неторопливо, вслушиваясь в звучание слова, улавливая переливы интонации.

Отлично выписан в рассказе «Старый мерин, кумовья и художники» образ замученной изнуряющей работой лошади, с юмором выведены кумовья (кум от совхоза и кум от художников), да и сами художники. С горьким упреком нарисован Пашка, гонявший на старом Рыжке в лес за дровами, Пашка, который «не какой-нибудь такой, чтобы от рук отбился», но он «бил лошадь палкой и клял на все корки». Рассказ многопланов, объемён во времени. Тут и народный взгляд на природу, на искусство, и воспоминание о прошедшей войне, и размышление о современной молодежи. Все это выражено не прямо, а через богатое народное слово, и эта многозначность, даже полифоничность лучших рассказов Н. Дворцова не может не радовать.

Чем богаче писательский опыт, тем труднее создается каждое новое произведение, ибо художник стремится избежать самоповто-

рения, открыть новые возможности слова, новые решения. Читатели, которые знали писателя Николая Дворцова как автора романов «Дороги в горах», «Море бьется о скалы», многих повестей, не могли предполагать, что прозаик выступит с книгой «Друзья жданные и нежданные» (1975), которая будет свидетельствовать о новых творческих возможностях прозаика.

Разумеется, между новым сборником рассказов и предшествующими книгами писателя есть внутренняя связь. Она, как мне кажется, проявляется в том, что и в новой работе Н. Дворцов опирается на факты, пережитые и прочувствованные им самим. Поэзия добывается из прозы жизни, из ее, казалось бы, самых будничных и заурядных явлений и событий.

Если говорить о литературных традициях, литературных предшественниках, то Н. Дворцов в своих новых рассказах о природе близок М. Пришвину, В. Бианки, К. Паустовскому, т. е. писателям, тонко чувствующим природу, умеющим ее живописать. Любой маленький рассказ Н. Дворцова – это своеобразное микроисследование природы, ее обитателей. Каждая деталь не плод фантазии, а результат чаще всего долгого и внимательного наблюдения и размышления.

Миниатюры Н. Дворцова можно с полным правом назвать невыдуманными рассказами. Автор не пытается приукрасить своего лирического героя, облачить его в романтическое платье. Правдивость, достоверность, подлинность переживания – черты многих новелл. Можно привести немало примеров, подтверждающих эти мысли. На мой взгляд, интересны и любопытны рассказы о жизни скворцов, о приключениях ежонка Кузьки, о премудрой вороне Саньке и др.

Наблюдательность – черта, необходимая не только естествоиспытателю, но и не в меньшей мере писателю. Вот этим качеством и жадным любопытством к жизни наших братьев меньших и продиктованы лучшие страницы новелл. Пристальное внимание к природе позволяет Н. Дворцову делать свои, пусть маленькие, но открытия, интересные и поучительные для читателя любого возраста.

Н. Дворцов использует разнообразную палитру изобразительно-выразительных средств: вводит в текст просторечие, некоторые сцены окрашены юмором, часто применяет иронию, сатирические краски, направленные против тех, кто хищнически относится к при-

роде, к ее обитателям (цикл «Природа, люди и варвары»), порой автор обращается к публицистике, ведет прямой разговор с читателем – все это делает его прозу жизненно убедительной и современной по звучанию.

В некоторых случаях писатель пишет романтически приподнято, и его проза звучит как лирические стихи, что даже подчеркнуто самой графикой, расположением строк. Вот запоминающиеся строки о скворцах:

Прилетят, принеся на крыльях Весну.
Весну – всем.
А любовь,
Веру,
Вдохновенье,
Надежду –
Это по выбору, кому что нужно.

Таким образом, в своих новеллах о природе писатель сумел в обыкновенном увидеть поэзию, из будничного и заурядного явления извлечь лирическую и эмоциональную ноту. Как раз это качество делает его прозу достоверной и поэтической.

Творчество Н. Дворцова разнообразно и тематически, и в жанровом отношении, и в самих способах и приемах изображения человека. Писателю, добившемуся наиболее значительных успехов в эпике, не противопоказаны и лирика, и драма. Зачастую лирическое и эпическое начала сплавлены в дворцовских произведениях в единое органическое целое. Такова, например, повесть «Святая простота, или телега семейной жизни», находящаяся в русле идейно-художественных исканий ее автора.

В литературе социалистического реализма в центре внимания – положительный герой. Вот и Н. Дворцов ценит в человеке активное, творческое начало. Это особенно хорошо видно по тем героям, которых вводит писатель в свои очерки и документальные произведения. И. В. Мичурин говорил: «...нужны талантливые, неутомимые, верные своему делу люди. Нужны энтузиасты. К таким людям я отношу прежде всего... М. А. Лисавенко – одного из самых серьезных селекционер-плодоводов Сибири, отлично понимающего дело». Именно М. А. Лисавенко, выдающийся алтайский садовод, лауреат Государ-

ственной премии СССР, Герой Социалистического Труда, академик, стал главным героем дворцовой документальной повести «Нужны энтузиасты». Писатель не сразу постиг характер и размах дел этого замечательного человека: «В первые встречи Михаил Афанасьевич напомнил мне айсберг: много его на виду, а еще больше скрыто от первого взгляда. Глубину его большой души мне и хотелось постичь». Это же творческое начало, государственное мышление привлекали писателя и в секретаре Шипуновского райкома КПСС Герое Социалистического Труда Василии Тимофеевиче Христенко, которому посвящен очерк «Суть» (1974). Следовательно, документальность – черта, характерная некоторым работам Н. Дворцова, свидетельствует о том, что и в этом вопросе писатель идет в русле исканий советской прозы.

Н. Дворцов не поддавался модным, порой модернистским изыскам, остался верным традициям русской классической и советской прозы, утверждающим сочетание ясности словесного рисунка с глубиной и значительностью идейного содержания. Характерно, что в самих произведениях много и с любовью говорится о русской и советской литературе, которая помогала воспитывать нового человека социализма. Это и Пушкин, и Л. Толстой, и Горький, и Шолохов...

Писатель Н. Дворцов не замыкается в мире только собственных литературных интересов. Он выступает как воспитатель молодых литераторов. В этом направлении им велась и ведется большая работа. Он оказывал творческую помощь молодым, когда работал ответственным секретарем Алтайской писательской организации (1967-1971), и теперь, когда редактирует альманах «Алтай».

За писательскую и активную общественную работу Н. Дворцов награжден орденом «Знак Почета», Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР. Н. Дворцов избирался кандидатом в члены Алтайского крайкома КПСС, членом правления Союза писателей РСФСР.

У писателя-коммуниста Николая Григорьевича Дворцова свой путь в литературу, своя судьба. Для него наступила пора зрелости – время исполнения задуманного и новых творческих замыслов. И мы вправе ожидать от него новых литературных произведений.

Иван Казанцев,

главный редактор Алтайского книжного издательства

(Публ. по книге: Дворцов Н. Г. Море бьется о скалы. Роман 1961)

О ТВОРЧЕСТВЕ Н.Г. ДВОРЦОВА

Имя алтайского писателя Николая Григорьевича Дворцова широко известно не только в крае, но и за его пределами. Популярность среди читателей он особенно завоевал своим романом «Дороги в горах». Об этом свидетельствуют многочисленные отзывы читателей.

Лида Ошуркова и Галя Марухина пишут: «Мы очень любим читать книги. Вчера мы кончили читать роман Николая Дворцова «Дороги в горах». Эта книга нам очень понравилась. Автор правдиво изобразил то, как выбрали жизненные пути выпускники средней школы. Читая эту книгу, мы как бы жили с героями одной жизнью».

Вот что говорит о романе Дворцова «Дороги в горах» Вениамин Семенов: «Я с большим интересом прочитал Вашу книгу. В 1959 году я окончил десять классов и пытался поступить в Челябинский педагогический институт, но не прошел по конкурсу. Теперь работаю в РТС слесарем. Я не унываю. На следующий год я обязательно поступлю... Больше бы таких книг, которые помогают молодым людям найти свою дорогу в жизни».

В заметке читателя «Характеры раскрываются в труде», опубликованной 20 декабря 1958 года в газете «Алтайская правда», М. Бакланов пишет: «... я с интересом прочитал роман Николая Дворцова «Дороги в горах». Думаю, что эта книга заслуживает внимания читателей. В ней описываются события, взятые непосредственно из кипучей жизни наших дней... Созданием образа Клавды Н. Дворцов попытался разрешить сложный вопрос, волнующий не только выпускников средних школ, но и наше общество... Автор подводит читателя к выводу: труд и учеба – таков наиболее верный путь воспитания нового человека... В целом книга мне понравилась. Книга хорошая, целеустремленная. Чувствуется, что писателю присуще острое чувство нового, умение просто и ярко рассказать о нашей жизни».

Любовь читателей к лучшим книгам Дворцова объясняется тем, что он тесно связал свое творчество с жизнью народа, он сам неразрывная часть этого народа.

Николай Григорьевич Дворцов родился 19 декабря 1917 года, в селе Куриловка, Новоузенского района, Саратовской области, в семье столяра. Ему рано пришлось столкнуться с трудностями. В 1929 году умер отец, и мальчик остался с престарелой матерью. После окончания школы крестьянской молодежи он поступил в строительный техникум, но в 1937 году из-за материальных затруднений был вынужден прервать учебу и пойти на работу в управление ирригации Саратовского областного земельного отдела техником-нивелировщиком.

Дворцова тянуло к знаниям. В 1938 году, окончив вечерний рабфак, он поступил в Саратовский учительский институт, на факультет языка и литературы. Здесь он пробует свои творческие силы, пишет детские рассказы. Один из них – «Бельчик» – в 1939 году был опубликован в областной пионерской газете. В 1940 году в альманахе «Литературный Саратов» был напечатан его рассказ «Дошкольники». Так начал Дворцов свой творческий путь.

В 1940 году Дворцов окончил институт и работал заведующим учебной частью средней школы села Царевщино. Вскоре он был призван в Советскую Армию.

В начале Великой Отечественной войны Дворцов в составе наших войск находился в Иране. В декабре 1941 года он участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками под Таганрогом.

В мае 1942 года, принимая участие в неудачной операции по освобождению Харькова от немецких оккупантов, Дворцов попал в плен. Лето 1942 года провел в пересыльных лагерях Польши, Германии, а в октябре его отправили в Норвегию, где он находился до конца войны.

Дворцов испытал зверство немецко-фашистских поработителей, покрывших захваченные территории лагерями смерти. Гитлеровцы морили советских воинов голодом, изнуряли каторжными работами. Враги пытались сломить волю советских бойцов. Но любовь к родине была беспредельна, вера в победу правого дела – неугасима. Это давало силы продолжать в нечеловеческих условиях борьбу с ненавистным врагом.

В лагере была организована подпольная группа, членом которой состоял и Дворцов. Она установила связь с норвежскими коммунистами и систематически получала от них правдивую информацию о

положении на фронтах. Лагерь готовился к восстанию. 10 ноября 1944 года шесть подпольщиков были схвачены и расстреляны фашистами. Но это не сломало волю советских людей. Борьба продолжалась.

После окончания Великой Отечественной войны Дворцов непродолжительное время служил в Советской Армии, затем работал гидротехником Гусевского торфопредприятия во Владимирской области.

В 1947 году Дворцов приехал в Барнаул, где в то время жили его мать и брат. Здесь он работал начальником оперативного отдела краевого управления сберкасс, затем корреспондентом комитета радио информации и заместителем редактора газеты «Сталинская смена» (ныне газета «Молодежь Алтай»).

Спустя многие годы Дворцов возвращается к литературному труду. В альманахе «Алтай», в местных краевых газетах, в новосибирском детском альманахе «Золотые искорки» печатаются его рассказы и очерки. В 1953 году выходит в свет его первая повесть «Мы живем на Алтае», выпущенная Алтайским книжным издательством.

В последующие годы появляется ряд новых книг Дворцова. В 1954 году была опубликована в Барнауле повесть «Наше счастье». В 1955 году напечатан в Горно-Алтайске очерк «В долине Урсула», написанный Дворцовым совместно с Алексеем Сотниковым. В 1955 году вышли в Барнауле две книги рассказов «Дружба» и «Родная семья». В 1956 году Дворцов издал в Барнауле книгу «Повести», в которую вошла основательно переработанная повесть «Наше счастье» и повесть «Пуговицы», включенная ранее в книгу «Дружба».

В 1958 году в Новосибирске была выпущена первая книга романа «Дороги в горах», переизданная затем в Барнауле в 1959 году.

В 1955 году Дворцов был принят в члены Союза советских писателей.

В 1957 году он вступил в члены Коммунистической партии Советского Союза. Писатель-коммунист отдает свои силы служению народу.

Большое внимание Дворцов уделяет воспитанию подрастающего поколения. И это не случайно, ибо писатель понимает, что наше будущее находится в руках молодежи.

В своей первой повести «Мы живем на Алтае» он рассказал о жизни алтайских ребят в период, когда в стране вскоре после окон-

чания Великой Отечественной войны развернулось строительство мощных гидроэлектростанций.

Герой повести Валерка, охваченный романтической мечтой, убегает на строительство Сталинградской ГЭС. Ему казалось, что его место только на крупной стройке. Но впоследствии он убедился, что построить счастливую жизнь можно и дома.

Писатель любовно рисует картины, в которых показывает, как Валерка и его друзья Боря, Тамара, Ленька, Нина занимаются в школьных кружках, ухаживают за тонкорунными овцами, выращивают в теплицах овощи, разбивают фруктовый сад, помогают взрослым в их работе.

Дела юных героев этой повести являются ярким примером того, как ребята должны жить, учиться, воспитывать в себе высокие моральные качества. В этом состоит главное достоинство первой книги Дворцова.

Повесть «Мы живем на Алтае» показала не только литературные способности автора, но и его неопытность. Несмотря на небольшой объем, она перенаселена героями, причем некоторые из них схематичны. Писателю еще не удалось построить занимательный сюжет, избежать ненужных описаний. Язык не всегда ровен, встречаются стилистические шероховатости. Творческий рост писателя заметно проявился в книге «Дружба», в которую, кроме семи рассказов, включена веселая, оптимистическая повесть «Пуговицы», посвященная жизни коллектива детского дома.

В этом занимательном, хорошо отшлифованном произведении Дворцов показал силу детского коллектива, который ведет борьбу с индивидуалистическими настроениями отдельных ребят.

Жизнь в детском доме была тихой и спокойной. Но вот появился воспитанник Артемка Гусев, и начались беспорядки: Артемка вовлек некоторых воспитанников в азартную игру в пуговицы. Казалось, не было силы, которая смогла бы противостоять этой азартной игре. Но такая сила нашлась.

Воспитатели детдома во главе с директором Василием Степановичем создали крепкий коллектив ребят, который помог Артемке Гусеву исправиться.

Повесть «Пуговицы» отличается композиционной стройностью, в

ней нет лишних сцен, она состоит из тесно связанных друг с другом глав, представляющих собою цельные картины.

В произведении много юмористических сценок, которые вызывают искренний смех.

С повестью «Пуговицы» идейно связаны и рассказы, также включенные в сборник «Дружба». К ним относятся такие, как «Два друга», «Помощники», «Отважный» и другие.

В рассказе «Два друга», который раньше был включен в первую книгу «Мы живем на Алтае» под названием «Лисенок», раскрывается дружба ребят, разоблачаются зазнайство и индивидуализм. Только вместе с друзьями можно добиться любого успеха, только в коллективе формируются настоящие качества советского школьника – вот та главная мысль, которая содержится в этом рассказе.

Витя, герой этого рассказа, на зло звеньевому Славке, пообещал во время летних каникул поймать лисенка. Легко было дать такое обещание, но одному выполнить его Вите оказалось не под силу. Из беды его выручили тот же самый Славка и дед Игнат. Эта маленькая история многому научила Витю. В конце рассказа, когда его спросили, кто поймал лисенка, Витя отвечает: «Мы!.. Дедушка, Слава и я». Теперь он уже свое «я» ставит на последнее место.

Дворцов учит детей преодолевать трудности, настойчиво овладевать знаниями. Писатель убеждает ребят яркими примерами, которым нельзя не подражать.

Первые две книги Дворцова («Мы живем на Алтае» и «Дружба») проникнуты глубокой любовью писателя к нашим школьникам, заботой об их воспитании. Эти же чувства лежат в основе его повести «Наше счастье». В ней он подчеркивает огромную ответственность родителей за воспитание подрастающего поколения, учит понимать детей, уважать их, ценить, потому что они являются нашей надеждой.

Появление повести было отмечено в центральной печати. Н. Соколова в «Литературной газете» 22 ноября 1955 года писала: «В небольшой повести Николая Дворцова «Наше счастье», выпущенной Алтайским книжным издательством, радуется поэтическое ощущение зауральской природы... Автор любит своих героев и умеет заразить читателя этой любовью. От этого и повесть у него получилась какая-то удивительно светлая и ясная, оптимистическая, несмотря на то, что рядом с веселыми страницами есть и грустные».

Повесть «Наше счастье» появилась на свет не случайно. Она является результатом пристального наблюдения, изучения писателем жизни детей и их родителей в послевоенный период.

Во время Великой Отечественной войны многие женщины потеряли своих мужей, а дети – своих отцов, которые погибли в боях за родину. Таким женщинам после войны нередко приходилось с трудом создавать новые семьи, в которых часто возникали конфликты между детьми и отчимом. В этих сложных обстоятельствах они были вынуждены заботиться не только о своем личном благополучии, но и о судьбе детей.

Все это вызвало у писателя глубокие раздумья о счастье матери и ее детей, и он в своей новой повести «Наше счастье» дал ответ на животрепещущие вопросы времени.

В основе повести лежит конфликт между Валентиной Твердых и ее сыном Васей. Валентина, муж которой погиб на войне, долго оставалась одинокой. Но вот она познакомилась с Яковом Павлюковым. У них стали завязываться дружеские отношения. Против этого выступил Вася. Ребенок раньше матери понял, что Яков черствый, эгоистичный.

Валентина увлеклась Яковом. Но как построить новую семью, если сын ненавидит человека, с которым она, Валентина, стремится соединить свою судьбу? Может ли она заботиться только о своем счастье, не считаясь с интересами и настроениями ребенка? Эти вопросы волновали Валентину и доставляли ей немало переживаний. Их нужно было решить и решить правильно.

Автор провел Валентину через трудные испытания, в результате которых она поняла, что она должна создать счастье не только для себя, но и для сына, что без счастья сына не может быть счастья и для нее.

Повесть «Наше счастье» свидетельствует о творческом росте Дворцова, о совершенствовании писательского мастерства, о той высокой требовательности, которую автор предъявляет к себе как к художнику слова.

О глубоком знании жизни и пристальном внимании Дворцова к жгучим проблемам современности, связанным с воспитанием нашей молодежи, говорит первая книга его романа «Дороги в горах».

Роман «Дороги в горах» стоит в ряду лучших произведений о

нашей молодежи, созданных алтайскими писателями за последние годы. Он приобретает особую актуальность в наши дни, когда в стране осуществляется Закон о перестройке системы народного образования, об укреплении связи школы с жизнью. Он помогает воспитывать молодежь трудолюбивой, энергичной, преданной своей родине.

Главной проблемой романа «Дороги в горах» является воспитание молодого, подрастающего поколения, которому принадлежит будущее. Автор отвечает на волнующий молодых людей вопрос: что делать после окончания десятилетки?

Этот ответ прост: нужно работать, нужно любить труд на заводе, в колхозе, ибо он дает все жизненные блага, приносит радость. В труде и только в труде на благо родины заключается смысл жизни юношей и девушек. Молодежь имеет все возможности учиться, овладевать облюбованной профессией, совершенствовать свою квалификацию. Но для того, чтобы стать хорошим специалистом и правильно выбрать профессию, нужно пройти школу труда, приобрести жизненный, практический опыт.

Эта глубокая мысль убедительно раскрыта в образе героини романа Клавы Арбаевой, простой алтайской девушки. Живет она в селе, мать ее работает заведующей молочно-товарной фермой колхоза. После окончания десятилетки Клава пыталась поступить в сельскохозяйственный институт, но не прошла по конкурсу. Пришлось ей вернуться в родное село Шебавино.

И вот теперь-то встает перед Клавой сложный вопрос: что делать, куда идти? Клава проявила желание работать на животноводческой ферме, но мать против этого, она предлагает дочери пойти в контору районного потребительского союза. Так начались испытания молодой девушки.

Немало Клаве пришлось пережить, увидеть, прежде чем онашла правильную дорогу. После долгих раздумий и колебаний девушка осознала, что ее место не в конторе, а на производстве. «Я твердо решила, – говорит она, – пойду на ферму. Учетчицей или дояркой – все равно».

Девушка встретила с нелегким трудом на животноводческой ферме. Особенно тяжело приходилось в зимнюю стужу. Жизнь как бы испытывала девушку – сильна ли, годится ли для больших дел. Временами она поддавалась слабости, колебалась, у нее возникали

сомнения в правильности своего выбора. Но все эти трудности Клаве помогают преодолеть ее новые подруги и друзья – доярки Эркелей и Чинчей, новый заведующий фермой Ковалев, заменивший больную мать Клавы.

Клава Арбаева духовно выросла, окрепла, научилась понимать красоту человеческой жизни, радость подвига. Она осуждает Нину Грачеву, которая окончила десятилетку и сидит на иждивении своих родителей, мечтая о нарядах и о выгодном замужестве. Она резко отрицательно относится к Федору Балушеву. Этот самый Федор Балушев, работая вместе с ней в конторе, произносил напыщенные слова о желании трудиться на производстве, а когда дело коснулось направления его на животноводческую ферму колхоза, струсил. Фальшь, рисовка, душевная пустота этого человека вызывают у Клавы презрение.

Дворцов в своем романе показывает огромную ответственность семьи за воспитание детей. В том, что Игорь Гвоздин вырос белоручкой, с отвращением смотрит на физический труд, виноваты, прежде всего, его отец Иван Александрович, прожженный карьерист, и мать Феоктиста Антоновна, проповедующая мещанское благополучие. Вот пример того, как отец воспитывает сына: «Я уже говорил тебе, Игорь, не все можно взять в лоб. Надо уметь заходить и с фланга, и с тыла. Иначе пропадешь, как щенок в зимнюю стужу».

Но Игорь не совсем потерянный человек, в нем происходит борьба: с одной стороны, он индивидуалист и эгоист, способен на нечестный поступок, а с другой, в нем на время пробуждаются порывы честности, сознание долга. Так, например, в ответ на решение отца устроить сына в институт «по благу» Игорь говорит: «Папа, ты коммунист, а рассуждаешь как-то странно...»

Писатель связал судьбы Клавы Арбаевой и Игоря Гвоздина. Девушка и юноша любят друг друга, но эта любовь не приносит им счастья, потому что их взгляды, желания, стремления во многом расходятся. Раскрывая сложные взаимоотношения молодых людей, автор показывает формирование их характера, постепенный духовный рост. Эти люди проходят испытания не только в общественной жизни, но и в личной, что обогащает их миропонимание, помогает найти настоящее место в жизни. Пока трудно сказать о дальнейшей судьбе героев: написана только первая книга.

Жизнь Клавы и Игоря показана на фоне борьбы колхозников артели «Кызыл Черю» за подъем общественного хозяйства. Автор рисует образы различных работников: секретаря райкома партии Хвоева, председателя райисполкома Грачева, старого председателя колхоза Кузина и нового – Ковалева и других.

Дворцов большое внимание уделяет показу семейных отношений Хвоевых, Грачевых, Гвоздиных, Ковалевых, Балушевых и других, пытаюсь как можно полнее раскрыть их. Это стремление писателя не оправдано. Излишние описания загромаждают роман, нарушают его единство и стройность композиции, уменьшают силу художественного воздействия на читателя.

Недостатки, которые имеются в первой книге романа «Дороги в горах», в какой-то мере снижают его художественную ценность. Поэтому автору предстоит дальнейшая работа над совершенствованием своего произведения. Что автор успешно выполнит эту задачу, доказывает его кропотливый, настойчивый труд над повестью «Наше счастье».

Дворцов стремится отразить героические усилия сельских тружеников за подъем сельского хозяйства нашей страны. Совместно с Алексеем Сотниковым он создает очерк «В долине Урсула», в котором ярко рассказывается о людях колхоза «12 лет Октября», расположенного в Горно-Алтайской автономной области, об успехах в развитии артельного хозяйства. Авторы очерка с гордостью пишут:

«Количество скота на колхозных фермах, по сравнению с предыдущим годом, прибавилось на триста голов. И хотя продуктивность животноводства повысилась еще незначительно, все же молока надоедено на шестьдесят три центнера больше, настриг шерсти возрос на одиннадцать центнеров, а продажа мяса увеличилась даже солидно – без малого в два раза...»

В рассказе «Большой человек», включенном в сборник «Дружба», Дворцов показал передовую молодежную тракторную бригаду Юрия Бондаренко, убирающую хлеб в Кулундинской степи. Писателя заинтересовало, в чем секрет успехов молодых алтайских хлеборобов.

Узнать это оказалось не так легко, но писателю помог рассказ Юрия Бондаренко о своем детстве, о том, как ему, больному воспалением легких, оставшемуся с бабушкой в годы войны, без отца и матери, помог профессор Санников. Профессор достал дрова и отдал их бабушке Юрия, у которой не было топлива, хотя сам топил печь старыми газетами. За бескорыстную заботу о людях Санникова называли «Большим человеком».

Такая же бескорыстная помощь, внимание к человеку наблюдаются в бригаде Юрия Бондаренко. Они сплачивают людей, объединяют их в крепкий, дружный коллектив, который способен преодолеть любые препятствия. Дружба, основанная на взаимопомощи, на единстве интересов, – вот та сила, которая ведет хлеборобов к трудовым победам.

Рассказ «Большой человек» проникнут любовью писателя к родной природе, к необозримым просторам края, где живут и работают сильные, надежные люди. Дворцов находит яркую метафору, чтобы зримо, живо показать красоту алтайского пейзажа: «... Я невольно залюбовался степью. Всюду, насколько хватал глаз, золотилась, волнуясь, тучная пшеница. И точно спасаясь от этого могучего разлива, сбились в кучу молодые березки. Вдали то там, то здесь плыли в волнах струящегося воздуха комбайны».

В своих произведениях Дворцов отразил не только мирный труд нашего человека, но и его службу в Советской Армии, его подвиг в Великой Отечественной войне.

В книжке «Родная семья» писатель нарисовал образ молодого воина, показал его духовный рост, формирование характера бойца, способного выдержать любые испытания.

Книжка состоит из четырех рассказов: «Земляки», «Весна», «Дружба», «Испытание». Но она представляет собою единое целое, потому что все рассказы объединены одними и теми же героями. В этом заключается ее композиционная особенность.

Главный герой книжки – Семен Киреев, только что призванный в Советскую Армию. На службу его проводили добрыми напутствиями: «Не чурайся людей, – сказал ему отец, – с народом не пропадешь». Секретарь комсомольской организации Анатолий Шилов выразил общую надежду молодежи: «Надеемся, Семен, что не подкачаешь, не последним будешь солдатом».

Семену Кирееву нелегко было стать настоящим воином. У него не изжиты эгоизм, индивидуализм, зависть, нет необходимой духовной и физической закалки. Когда его общительный земляк Андрей Полозов делится с товарищами гостинцами, Семен думает: «А это уж зря... Мать старалась, пекла, а он раздает направо и налево. Потом у меня станет просить. Он такой...» Семен завидует тому, что Андрея назначили старшим вагона, когда они ехали в армию. Ему кажется, что он, бывший колхозный счетовод, лучше умеет обращаться с людьми,

чем его земляк, потому что у него культурный уровень выше. Семен пренебрежительно относится к будням армейской жизни, считает недостойным для себя убирать мусор. «Знали бы кого заставлять, – думает он.– Один со всеми счетными делами колхоза управлялся. Можно сказать, бухгалтер...» Вовремя заправить кровать он не может, заниматься физическими упражнениями на спортивных снарядах не умеет. Таким был Семен Киреев, когда пришел на службу в армию.

От всего плохого, что было в его характере, Семен избавляется медленно, постепенно. В этом решающую роль сыграли его товарищи, сплоченный в единую семью коллектив воинов.

Вначале Семен держался с товарищами высокомерно, не хотел, чтобы они помогли ему, стремился все сделать сам. Когда, например, Андрей предложил ему вместе заниматься физической подготовкой в свободное время, Семен зло махнул рукой: «Отстань!». Впоследствии Семен осознал, что без крепкой руки друга, без помощи товарищей, трудностей не преодолеть, выработать в себе характер настоящего воина невозможно. Товарищи помогли ему освоить топографию, которую он плохо знал, научили выполнять сложные физические упражнения на снарядах. И Семен теперь по-другому думает о тех, с кем живет, служит, считая их хорошими друзьями.

В дальнейшем Семену не раз приходилось встречаться с трудностями, и всегда его выручали из беды друзья. В тяжелом походе они поделились с ним оставшейся водой во фляжке, бодрим словом поддержали его лейтенант Соколов, сержант Турко. После похода его угостил Шулико Абакадзе мандаринами и конфетами, которые он купил на перевод, присланный из дома. И «Семен растроганно, часто заморгал, будто запорошил глаза. Захотелось сказать Шулико что-нибудь такое, признательное. Но вместо этого Семен почему-то сказал: «Хороший у нас лейтенант... И все хорошие...»

Этими словами автор подчеркнул, что Семен переродился, что у него нет прежних эгоистических, индивидуалистических пережитков. Теперь он сам с радостью помогает своим товарищам, делится с ними всем. Получив посылку из дома, он, как прежде, не скупится, а, наоборот, всех угощает: «Ребята, подходи домашние гостинцы пробовать!..»

Семен Киреев проходит испытания и в личной жизни. На родине у него осталась любимая девушка Дуня, на которой он обещал же-

ниться. Но в армии, встретив симпатичную девушку Нину, увлекается ею, начинает забывать Дуню, придумывая для себя различные оправдания. «Да что Дуня, – передает автор размышление Семена, – Подумаешь... Жена, что ли, она? С женами и то, бывает, расходятся. Сердцу ведь не прикажешь. Напишет ей Семен, чтобы не ждала, и делу конец».

Не освободившись от эгоистических, индивидуалистических стремлений, Семен не способен оценить душевное благородство Дуни, ее любовь и верность, проникнуться глубоким уважением к этой настоящей девушке, мечтающей о хорошем и светлом в жизни, о добрых делах во имя родины. Но став другим, новым человеком, он иначе относится к Дуне. «Ты представить себе не можешь, – пишет Семену Дуня, – что у нас сейчас творится. Настоящая война с целиной. Люди приехали за тысячи километров. Можно ли тут сидеть в конторе и писать да переписывать цифры. Совесть не позволяет, Сема. Бросила я контору и работаю сейчас прицепщицей. А осенью обязательно поступлю в училище механизации сельского хозяйства. Ведь хорошо, Сема, управлять трактором?» И от этих слов Дуни Семен одобрительно восклицает: «Молодец, Дуня, молодец! Так и надо!»

Семен Киреев служит в гвардейском, краснознаменном полку, покрывшем себя славой в боях с немецкими захватчиками. Многие воины этого полка были удостоены звания Героя Советского Союза, как, например, рядовой Антонов, который весной 1943 года спас от гибели сотни товарищей. На славных боевых традициях полка Семен учится военному искусству. Принимая военную присягу, он звонко, твердо говорит: «...торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином...»

И наступил час, когда Семен делом подтвердил свою верность военной присяге, показал себя как настоящий советский воин. Находясь на посту недалеко от государственной границы, он услышал шорох. «Стой, кто ползет? Стрелять буду!» – крикнул он. В ответ ему «кусты враз зашумели и закачались». Семен выстрелил. Когда на помощь ему прибежали товарищи, поднятые по тревоге, оказалось, что Семен стрелял в собаку и убил ее. Он огорчен, растерян: «Собака... Как же это?» Но его поступок лейтенант Соколов оценил высоко, объявив ему благодарность за бдительность на посту. Семена «крайне удивляло – за что он получил благодарность? Собаку убил... А если бы не собака, а настоящий враг?.. Тогда что?» И на этот вопрос он

решительно отвечает: «Ухлопал бы!» Теперь он поверил в свои силы. Вспоминая Героя Советского Союза рядового Антонова, он думает: «Придется, и я не подведу!»

В создании образа Семена Киреева Дворцов проявил себя как опытный, тонкий художник слова. Несколькими штрихами писатель набрасывает запоминающийся портрет главного героя: «Левобланговый Семен Киреев наблюдал за приближением своей очереди, и полное, немного одутловатое лицо его серело. И сам он, невысокий, тучный, казалось, увядал, становился меньше...». Портретная характеристика Семена динамична, ярко раскрывает его внутренний мир.

Дворцов, казалось бы, незначительными психологическими деталями верно передает душевное состояние героя. Вот приближается очередь Семена выполнить упражнение на перекладине. «Сейчас я, мне...» – сказал себе Киреев, когда сержант вызвал его земляка Андрея Полозова, стоявшего рядом. От этой мысли у Семена задрожала в колене ослабленная нога, а на кончике широкого вздернутого носа выступил мелкими крупинками пот». Эти психологические детали – «дрожание ноги», «крупинки пота на носу» выражают крайнее душевное напряжение Семена, его глубокое волнение перед неизбежностью провала на занятиях по физподготовке.

В конце книжки «Родная семья» автор передает окрепшую любовь Семена к Дуне используя для этого выразительную художественную деталь. Светлое чувство Семена к любимой девушке раскрывается через его бережное отношение к платочку, подаренному ему Дуней; «... Поставив карабин в пирамиду, Киреев разделся, достал из нагрудного кармана аккуратно свернутый батистовый платочек, присланный Дуней, неторопливо вытер лицо, шею, руки. Платочек сразу намок и смялся. Расстелив его на колено, Семен стал закуривать». Автор подчеркивает, что платочек, присланный Дуней, у Семена «аккуратно свернут», что, когда он намок и смялся, Семен «расстелил его на колено». И читатель понимает, чувствует, что так может поступать только человек, в душе которого нежная, чистая, светлая любовь к своей подруге.

Книжка «Родная семья» написана ярко, выразительно, она правдиво показывает мужание, рост молодого воина, вступившего в армию, как в «родную семью». Она помогает юношам, призванным в Советскую Армию, стать закаленными, бдительными, смелыми воинами, преданными своей родине.

Новое крупное произведение Дворцова – роман «Море бьется о

скалы». В сокращенном варианте он был опубликован в 1961 году в семнадцатой и восемнадцатой книгах альманаха «Алтай».

Роман «Море бьется о скалы» посвящен советским воинам, сражавшимся с немецкими захватчиками и оказавшимся в плену у врага. В нем автор глубоко раскрыл характер советского человека, воспитанного Коммунистической партией, показал его героизм, верность родине, мужество и стойкость в борьбе с фашизмом.

Высокие моральные качества нашего человека Дворцов воплотил в образе военврача Олега Петровича Садовникова. Оказавшись в плену у немецких захватчиков, он не падает духом, а активно борется с ними, создает в лагере военнопленных, расположенном в оккупированной гитлеровцами Норвегии, крепкую боевую группу. Эта подпольная группа готовит вооруженное восстание, всячески срывает строительство важного военного объекта – базы для немецких подводных лодок, предназначенных для нападения на караваны судов, идущих в северные порты Советского Союза.

В тяжелой обстановке, когда многим военнопленным казалось, что борьба с врагами бессмысленна, Садовников вдохновляет своих товарищей, вселяет в них уверенность, сплачивает их на борьбу с ненавистными захватчиками. Он говорит своему другу Федору Бойкову: «Видишь? – Садовников поднимает ладонь с широко растопыренными пальцами. – Каждый палец сам по себе. И мы так... Смотри! – Садовников медленно сжимает пальцы в кулак. – Вот так надо. Это старая истина». И военнопленные проникались убеждением, что для борьбы с фашистами нужна организованная сила.

Под руководством Садовникова, который стоял во главе штаба подпольной группы, военнопленные устанавливают связь с норвежскими коммунистами, достают оружие, получают правдивую информацию о положении на фронтах.

Садовников организует борьбу против вербовки военнопленных в армию предателя Власова, которую немецко-фашистские захватчики намеревались бросить против советских войск. Он дает конкретное указание, какими методами срывать план немцев: «С власовщиной надо бороться всеми силами... Все доводы власовцев надо разбивать. Конечно, не в открытом споре, а потихоньку. Надо действовать через командиров взводов. Пусть те подберут грамотных ребят...» И военнопленные не изменили своей родине, остались ей верными до конца, несмотря на расстрелы и угрозы немцев.

Садовников внимателен к своим товарищам, заботлив. Он использует все, чтобы облегчить мучительную жизнь военнопленных. Когда Степана Енина и Васька избили немцы, он берет их в свой лазарет, не боясь, что это грозит ему большой опасностью. Поправившись, Степан Енин и Васек уходят из лазарета, унося в споем сердце глубокую благодарность к врачу. «Отлежались, – говорит Васек. – Спасибо, Олег Петрович...»

Садовников проявляет мужество, самообладание в самых сложных обстоятельствах. Когда ему стало известно, что немцы по доносу предателя готовят расправу над его другом Федором Бойковым, он твердо, спокойно принимает решение. «Сегодня уйдешь, – говорит он другу. – Я предвидел... Договоренность давно есть. Бросаешься за развалины школы. Там тебя будут ждать. Никифор предупредит Людвига... Возьмешь пистолет».

Немцы, проверяя лазарет, в котором лежали избитые Степан Енин и Васек, предупреждают Садовникова: «...если хоть один из этих больных скажется не больным – тебе придется плохо». На эту угрозу Садовников отвечает уверенно, хладнокровно: «Я понял, но ответить по-немецки не могу. Плохо говорю. Здесь нет и не бывает здоровых. За это готов всегда ответить». Такую выдержку и стойкость может проявить только настоящий патриот родины, каким показан Садовников.

Борясь с немецкими извергами, Садовников защищал не только свою родину, но и все прогрессивное человечество. Недаром одним из эпиграфов к роману автор взял знаменитые слова чешского патриота Юлиуса Фучика: «Герой – это человек, который в решительный момент делает то, что нужно делать в интересах человеческого общества».

Дворцов создает в романе образ молодого советского солдата Степана Енина, в прошлом учителя, характер которого мужает в борьбе с врагами. Попав в плен к фашистам, Степан Енин вначале считал, что все погибло. «Эх, жизнь несчастная, пропала...» – думает он.

Мрачные настроения безнадежности Степана Енина Дворцов усиливает описанием суровой, нерадостной природы Норвегии, которую немцы оккупировали и куда привезли советских военнопленных: «Когда блеклый дождливый день незаметно переходил в вечерние сумерки, их выгнали из сарая. Море гулко билось о скалы. Над седыми гребешками волн стонали и плакали чайки. На вершине

скалы ветер безжалостно терзал молодую березку».

Степана Енина окружают верные друзья, помогают ему вырасти в активного борца против фашистов. Жорка, говоря о предателях, которые служат гитлеровцам, убеждает Степана: «Ну, ничего, придет время – сведем баланс».

Степана Енина постепенно привлекает к подпольной работе Садовников, давая ему различные поручения. Когда Степан сообщил, что он услышал от норвежца о поражении немцев под Сталинградом, Садовников сказал ему: «Порадовал!.. Ребятам передал новость?.. Надо сообщить. Это обрадует. Только, конечно, сообщить не как на митинге... Ты видел, когда-нибудь выгрузку арбузов по цепочке, из рук в руки? Вот и новость так передать... Пусть ходит».

Степан приобретает уверенность и передает ее другим. Когда ему Васек говорит, что «выхода нет», Степан убеждает своего друга: «Да ты что!.. Первый раз таким вижу. Живой смерти не ищет... Может так все обернуться, как совсем не думаешь... Так что брось!»

По заданию Садовникова Степан устанавливает связь с норвежскими коммунистами, через которых получает правдивые сообщения о положении на фронте и передает их своим товарищам. Он понимает, что «правда нужна не только ему, а всем. Правда – оружие. И это оружие следует во что бы то ни стало добыть. И коммунистов он найдет. Обязательно!»

Принесенная Степаном весть о разгроме немцев под Сталинградом вызвала у пленных ликование, укрепила их веру в скорую победу Советской Армии над фашистскими поработителями.

Степан Енин вырастает до настоящего борца, способного совершить самоотверженный поступок во имя победы над врагом. Он вместе с Цыганом устраивает в военном порту взрыв, который приносит немцам огромный вред.

И Садовников, и Степан Енин, и их друзья пронесли через все испытания свою любовь к родине, веру в победу над врагом. И они радуются своему освобождению, и вместе с ними дышит радостью некогда мрачное, грозное море: «Море плещется. Плещется мягко, с легким шорохом. Зеленоватая вода почти касается ног. Из-за толстой завесы облаков вырывается солнце. Большое, чистое, оно смеется и смеется. Солнце выбросило на море нетонущие монеты свежей чеканки. Степан и Никифор смотрят друг на друга и тоже смеются. Смеются вместе с солнцем и морем...»

В романе «Море бьется о скалы» Дворцов нарисовал правдивые образы немецко-фашистских захватчиков, раскрыл звериную мораль гитлеровских поработителей, стремившихся установить мировое господство и жить за счет безжалостной эксплуатации других народов. Начав войну против Советского Союза, они надеялись захватить наши богатства, превратить советских людей в своих рабов.

Одним из таких гитлеровцев в романе показан комендант лагеря военнопленных Вилли Майер. Он мечтает о поместье в нашей стране.

«...Вилли Маейр начинает разглагольствовать о поместье,— пишет Дворцов,— которое он непременно получит на Украине. Он много думает об этом, детальный план составил. Он сделает все по своему вкусу. Дом у реки, фруктовый сад, тенистые аллеи и большая свиноферма...»

Ради своих грабительских целей гитлеровцы вели захватническую войну, насаждали кровавый порядок, зверски расправлялись с мирными жителями и военнопленными.

Дворцов в ярких, запоминающихся картинах показал, как гитлеровцы издевались над советскими военнопленными, морили их голодом, изнуряли непосильным трудом, бесчеловечно расправлялись с теми, кто был до конца предан своей родине. Франц Штарке убил Андрея Куртова за то, что он отказался пойти во власовскую армию, не стал изменником родины, как это сделали ради сохранения своей шкуры Антон Зайцев, Егор, Дунька. Немцы расправились с коммунистом Федором Бойковым, который дорого отдал свою жизнь и отомстил своим мучителям.

Гитлеровцы не смогли сломить волю советских военнопленных. Они потерпели полное поражение.

Роман заканчивается волнующей картиной возвращения наших военнопленных на родину, которая дала им силы выстоять в тяжелых испытаниях. Советские люди, увидев с парохода родную землю, воскликнули: «Братцы! Гляди!» И вслед за этим радостным возгласом автор дает динамичную, выразительную концовку: «Вдали из утренней дымки проступали берега. Родина!»

И в это последнее слово Дворцов вложил беспредельную любовь к отчизне, преданность и готовность нашего народа на любой подвиг во имя ее жизни, славы, победы.

Владимир Сергеев,

поэт, член Союза писателей России

НИКОЛАЙ ДВОРЦОВ И ЕГО ГЕРОИ

Из всех профессий, сопутствующих ему в разное время -табельщик в колхозной полевой бригаде, техник-нивелировщик, учитель, военнослужащий, гидротехник, работник управления сберкасс, журналист, Николай Григорьевич Дворцов выбрал одну-писатель...

Родился он в селе Куриловка Саратовской губернии 19 декабря 1917 года в семье столяра. Поволжье, Кавказ, Украина, после войны Владимирщина и, наконец, Алтай, где ему удалось пустить глубокие и крепкие корни. Земля – это, прежде всего, люди, живые люди, в тесном и многообразном взаимодействии с которыми протекает твоя повседневная жизнь.

Земля Алтайская помогла ему. Испытания, выпавшие на его долю, не обратились здесь гнетущей ношей, неразделенной болью, а сделались неразрывной частью надежного, прочного фундамента для его многолетней творческой жизни.

А испытания и тяготы, пережитые Николаев Григорьевичем, не только вытекали из его личной биографии, но и в большинстве были обусловлены трудностями и невзгодами, переживаемыми нашей страной в двадцатые, тридцатые, военные и послевоенные годы.

В двенадцать лет он лишился отца. К постоянной нужде и голоду прибавился нелегкий «взрослый» труд.

Однако молодая Советская власть вскоре научилась помогать беднякам, честным труженикам, всем тем, кому дороги не только свои интересы. Не удалось ему доучиться в строительном техникуме, зато сумел окончить вечерний рабфак, а затем учительский институт и стать учителем. Но ненадолго.

Нападение Германии принесло огромные беды всему нашему народу. Николая Дворцова ждало, самое трудное испытание, которое способна принести человеку война, – фашистский плен.

Можно только догадываться, как тяжело было молодому красноармейцу от одного лишь сознания, что в том трагическом наступлении под Харьковом, на которое возлагались такие надежды, в окружение, а затем и в плен попал не полк, не дивизия, а целая армия.

Душевные и физические муки продолжались три года: изнурительные мытарства в пересыльных лагерях на территории Польши и Германии и после них – концентрационный лагерь в Норвегии под Бергенем.

Чужая, холодная земля. Трижды чужая: далекая от России, не приветливая, она сама находилась под фашистским сапогом; суровое море, голые скалы, туманное, дождливое, студеное небо; и под этим небом – в сырой низине, за колючей проволокой приземистые шеренги продуваемых и протекаемых барачков с плотными рядами трехъярусных коек.

Об этом рассказано в романе Дворцова «Море бьется о скалы», все равно с трудом верится, как это обыкновенный смертный, человек мог выжить в условиях постоянного холода, голода, изнурительного труда, издевательств и побоев.

Но наши люди не только выжили физически, но и за незначительным исключением, выстояли, оставшись людьми в обстановке, можно сказать, идеальной для того, чтоб в советском человеке было уничтожено все, что делает его советским – его патриотизм, его веру в силы добра, его интернациональную солидарность.

Наши люди выстояли и, в конечном счете, победили на всех фронтах, в том числе и в мало кому известном концлагере под Бергенем.

Вся наша военная литература посвящена художественному осмыслению этого исторического факта. И в общую картину сумел внести свой штрих наш земляк писатель Николай Дворцов.

Не так давно зашла речь о романе «Море бьется о скалы». Один наш прозаик посоветовал мне перечитать роман внимательней, высказав свое сомнение в его художественной полноценности.

Прочитав «Море...» с карандашом в руках, я убедился, что действительно в произведении вместе с яркими картинками, запоминающимися образами и эпизодами, исполненными драматизма, есть немало промахов: неудачная фраза, неточное слово, чисто внешнее описание психологического состояния, требующего более глубокого, внутреннего раскрытия. Есть и другие огрехи. Именно все это не позволило роману стать явлением всесоюзного звучания.

Но именно здесь, на мой взгляд, как нельзя, кстати, слова Сергея Сартакова о том, что далеко не все наши писатели могут быть оди-

наково крупными и яркими – это попросту невозможно. Но каждый истинный писатель, независимо от масштаба его дарования, ценен тем, что он сумел сказать свое, пусть негромкое, но именно свое собственное, неповторимое слово.

И перечитав роман, я еще крепче убедился в том, что эта книга по-прежнему заслуживает внимание широкого читателя, даже более образованного и требовательного, чем двадцать-тридцать лет назад.

В наше время всеобщей грамотности многие научились писать гладко, бойко. Нередко такие сочинения если и трогают чем, так это изысканностью формы.

Роман же Дворцова ценен, прежде всего, значительностью своего содержания, своей фактической, дневниковой достоверностью, которая намного привлекательнее и дороже, чем самый яркий художественный вымысел.

Уже после смерти Николая Григорьевича его товарищ по концлагерю Петр Никифорович Вереха вспоминал в своем письме: «... В начале 1943 года я был немощен. Рост мой сто восемьдесят три сантиметра, а вес доходил до сорока трех килограммов. Друзья называли меня живой скелет. Чтобы не дать погибнуть мне от голода, Николай Григорьевич Дворцов и его верные друзья начали всячески помогать мне в пище... Из мизерных кусочков рациона хлеба они выделяли и для меня, а также делились супом /баландой/...

Единомышленники Николай Дворцов, Дмитрий Киселев, Николай Якушев, Василий Хорошаев, Григорий Гришин и Сергей Аббакумов решили, чтобы избавить меня от непосильного труда и избиения фашистами, положить в лагерьный лазарет. Этим лазаретом заведовал наш хирург коммунист (Как оказалось, в партию он вступил уже в послевоенное время – В.С.) Николай Васильевич Садовников. Он на свой риск положил меня. Установил диагноз – ушиб позвоночника. На самом деле ушиба не было. Он сумел продержать меня там около трех месяцев, пока я не окреп, а друзья всячески, чем могли, помогали мне...

Вот таким был Николай Григорьевич Дворцов, который сумел сблизить товарищей. В подпольную организацию лагеря, которую возглавлял Садовников, предложили вступить и мне. И так два комсомольца, Дворцов и Вереха, начали выполнять общее дело по разгрому фашистов в тылу.

Работая вместе на железобетонном заводе, мы познакомились с рабочими завода. Установили связь с норвежскими подпольщиками и партизанами. Мы от них регулярно получали информацию о положении на фронтах, а намеченные нашей организацией мероприятия передавали норвежским товарищам, они с нами соглашались и осуществляли на деле...»

Таким образом, наши военнопленные не просто терпели и страдали, но и действовали. И чужая норвежская земля оказалась им в чем-то очень близкой.

Тяжелые испытания или калечат и ломают человека, или, наоборот, закаляют.

Николай Дворцов вышел из войны стойким борцом, верящим в несокрушимость нашего строя, в неисчерпаемые силы нашего народа и в свои собственные силы.

Рано или поздно, от любого человека, независимо от его характера и положения, жизнь требует трудолюбия и порядочности, долголетия и стойкости и даже мужества. Роман «Море бьется о скалы» – именно об этих человеческих качествах, проявившихся в действии при исключительно тяжелых обстоятельствах. В этом отношении, думается, он и теперь имеет самое живое, не мемуарно-архивное значение и отвечает самым высоким нравственным требованиям.

Но человеческий и писательский путь к этому роману был непростым, порой мучительно трудным, идущим через сомнения, поиски, не всегда венчавшиеся находками, через душевные спады и подъемы.

Судя по некоторым фактам биографии, немалую, а может, и решающую роль в его духовном становлении сыграл отец Николая Григорьевича. Самоучкой постигнув грамоту, он приобщился к чтению и собрал немалую по тем временам и для тех условий библиотеку.

В старой деревенской многолюдной избе, где вся твоя жизнь была у всех на виду, дети как правило проходили великолепную школу воспитания, без лишних нотаций и понуканий принимая уроки доброты и строгости, трудолюбия и здравого смысла. К отцу нередко приходили односельчане – посоветоваться, решить сообща какой-нибудь серьезный вопрос, просто обстоятельно и откровенно потолковать о жизни – для будущего писателя это было настоящим университетом.

Не случайно Николай Дворцов выбрал для учебы в Саратовском

учительском институте факультет языка и литературы: в нем уже тогда рождался писатель.

Первый его рассказ «Бельчик» был опубликован в областной пионерской газете в 1939 году, а второй – «Дошкольники» – в альманахе «Литературный Саратов» в следующем – сороковом предвоенном году.

Великая Отечественная, начавшаяся так драматично и закончившаяся великой победой, фашистский плен и все то, что этому сопутствовало, дали в руки Дворцова такой обширный, болевой и такой раскаленный материал, что он поначалу просто и помышлять не мог переплавить эту боль и горечь в слова и строки, доступные для любого постороннего человека.

Надо было опомниться, осмотреться, распрямиться, надо было полной грудью вдохнуть чистый воздух мирной жизни, завоеванной такой великой ценой.

Работа в газете оказалась для этого самым благодатным и верным делом. Несмотря на общие трудности послевоенного характера, несмотря на личное бытовое и прочее неустройство, на передраги и неприятности, с ними связанные, Николай Дворцов взялся за дело с таким азартом и самоотдачей, что в печати один за другим стали появляться очерки, рассказы, повести, а затем и сборники: «Мы живем на Алтае», «Наше счастье», «Дружба», «Родная семья».

Заметным итогом того периода явился роман «Дороги в горах», изданный в 1958 году в Новосибирске, потом в Барнауле, а затем и в Москве.

Добрая, деловая атмосфера, пронизывающая весь роман, не кажется надуманной, потому что автор уверенно и художнически конкретно следует правде жизни. Клава Арбаева, Коля Белендин, секретарь райкома Хвоев, заведующий фермой Ковалев – безусловно, положительные люди, и в положительность эту веришь без оговорок и скидок: от главы к главе их характеры раскрываются в мыслях, чувствах и, главное, в делах и поступках героев. С искренней симпатией рассказывает Дворцов и о коренных жителях горного Алтая.

Есть здесь и откровенно непривлекательные фигуры – Аркадий, Федор Балушев, Иван Александрович, умеющие всяческими путями, часто в ущерб общему делу, отстаивать личные интересы.

Печальные и даже трагические моменты – болезнь Клавиной матери, смерть старого пастуха – показаны сдержанно, без эмоционального надрыва. Чувство художественного такта продиктовано тут, очевидно, еще и тем, что автор уже на собственном опыте знает истинную цену трагическому.

Однако, научившись с неспешной уверенностью изобретать жизнь своих героев, Николай Дворцов иногда увлекается излишней детализацией, второстепенными подробностями, и повествование начинает напоминать мелководную реку, вышедшую из четко очерченных берегов.

На каком-то этапе, надо полагать, почувствовал это и сам автор. Первая часть романа уже закончена и опубликована. Работа над второй часть в разгаре...

Но Дворцова ждала и уже не давала покоя другая, более важная, выстраданная им тема, для воплощения которой писатель к тому времени накопил немалые силы и подобрал недостающий материал.

Помимо вопросов философских, нравственных, исторических, перед любым романистом возникает множество других самых разнообразных задач и проблем, касающихся писательской технологии: охватить единым взглядом и привести к общему художественному знаменателю весь материал – разноплановый, многообразный, нередко противоречивый; дать всем и всему объективную оценку с самых высоких идейных позиций; скоординировать все сюжетные линии так, чтоб не перегружать читателя излишней информацией и не сбиваться на скороговорку...

И при всем при том не разрушать живую повествовательную ткань, не обрывать сквозного эмоционального нерва.

Перед Н.Г. Дворцовым встали трудности и другого порядка.

О драматическом и трагическом написать по-настоящему можно только тогда, когда открытая и уязвимая душа твоя, вплотную столкнувшись с жестокостью и насилием – от цивилизованного, «научно» обоснованного варварства до холуйского, шкурного предательства – несмотря ни на что, найдет твердую опору для душевного равновесия и сохранит реальные нравственные ориентиры.

Короче, тяжелый жизненный опыт не должен вытравить из тебя все доброе и светлое – иначе не стоит браться за перо.

Николай Григорьевич Дворцов взялся.

Одна популярная западногерманская актриса, побывавшая в Советском Союзе, на вопрос, что ей больше всего у нас запомнилось, ответила:

– Доброта и сердечность ваших людей. Это ваше национальное достояние...

Много предпринималось и предпринимается всевозможных усилий лишить нас этого достояния.

Бесполезные усилия.

Один из наглядных примеров этому – жизнь и борьба советских военнопленных, описанная в романе «Море бьется о скалы».

Доброта и человечность в условиях фашистского концлагеря могут стать оружием в борьбе только у людей стойких и мужественных. И сильных духом за колючей проволокой оказалось большинство.

Сколько людей, подобно Верехе, спас врач Садовников, рискуя собственной жизнью...

«Выдержать все, не запачкать совесть – разве это не борьба?..» – говорит он своему товарищу.

Он же учит военнопленных сопротивляться вербовке в армию предателя Власова: «С власовщиной надо бороться всеми силами...

Все их доводы надо разбивать. Конечно, не в открытом споре, а потихоньку. Надо действовать через командиров взводов. Пусть те подберут грамотных ребят...»

И наши бойцы даже в плену оставались бойцами: против уговоров и посулов применяли ум, хитрость, смекалку; угрозам и побоям противопоставляли мужество; когда же враги доходили до крайней меры – многие предательству предпочитали смерть.

Здесь же проявлялась братская солидарность с норвежскими рабочими, когда получали от них и информацию, и пакеты с едой, и совместно подготавливали и проводили диверсии.

«Уже на третий день после окончания войны Степан побывал у друга. Он живет в маленьком домике высоко на склоне горы. Тогда Людвиг первым делом показал Степану Ленина, пять томов в алом переплете. Обложка одной из книг покорибилась. Людвиг объяснил, что в черные дни оккупации книги пришлось прятать. «Ленин всегда с нами уходил в подполье, вместе с нами боролся с фашизмом», – сказал Людвиг».

В 1961 году, когда роман уже вышел, Н. Г. Дворцов из очерка, опубликованного в «Комсомольской правде», /26.11.61/ узнал, что Николай Васильевич /в романе Олег Петрович/ Садовников жив!

«...мы встретились в Барнауле, – вспоминал Николай Григорьевич, – встретились спустя девятнадцать лет. Дни и ночи незаметно пролетели в беседах. Я узнал, что описанная мною борьба Садовникова является только частью той борьбы, которую он вел в лагерях...».

Роману Николая Дворцова по праву выпала редкая судьба: он не просто завоевал популярность – он сыграл заметную роль в духовной жизни нашего края.

Думается, что во многом это значение он не утратил и поныне. И не должен утратить.

С Николаем Григорьевичем Дворцовым я познакомился в 1962 году.

К тому времени он свой богатый жизненный опыт умело и результативно сочетал с опытом литературным. Получив достаточно широкое признание на Алтае, он не особенно обольщался насчет своих творческих успехов и относился к ним намного трезвее, чем некоторые тогдашние редакторы и рецензенты. В меру открытый и общительный, он умел откликнуться на чью-то радость или заботу. В неспешных разговорах обо всем /но никогда ни о чем/ мы могли часами бродить по городу или подолгу просиживать в его рабочем кабинете. Почти каждый раз эти встречи прибавляли что-то новое и значительное, хоть и не всегда осознанное. Пустых разговоров – для заполнения пауз или ради досужего умствования – он не любил. Но не прочь был пообщаться просто так, для теплоты душевной.

В разные годы он был ответственным секретарем писательской организации, редактором альманаха «Алтай». Занимал и другие посты – был кандидатом в члены крайкома, депутатом горсовета, членом правления СП РСФСР. Поэтому были с ним контакты и чисто деловые и, увы, не всегда безмятежные, особенно в первую пору его секретарства.

По тогдашней горячности и молодости я считал, что руководит он нами недостаточно энергично и разворотливо. У меня на этот счет всегда было множество оригинальных идей, предложений, задумок, рецептов, советов, претензий... Мои курсы усовершенствования «Дворцова продолжались не месяц и не два». Дело доходило до вос-

клицательных знаков и многоточий – пока его аллергия на меня не сменилась стойким иммунитетом.

Теперь я вижу, что из всех наших секретарей это был самый достойный. Есть с кем сравнивать. Один в этом кресле за короткий срок превращался в тонкого дипломата, хитрого царедворца – в этом и находил свои творческие радости. Другой научался проявлять трогательную заботу о собственном престиже и ловко уходить от острых разговоров и сложных вопросов. При третьем все как-то незаметно были размежеваны на белых и черных, милых и постылых.

Дворцов был абсолютно чужд всего этого. Свою должность он использовал по прямому назначению, заботясь о моральном климате в организации и материальном благополучии для тех, кто в такой заботе нуждался. Отстаивал стоящие рукописи, добивался увеличения тиража и листажа, выбивал квартиры, организовывал творческие семинары...

Умел быть (по обстановке) и добрым, и жестким. Примеров тому немало.

Молодого и талантливого поэта, в силу его необузданной самобытности, заносило далеко в сторону от умеренности и аккуратности. Навлекая на себя немилость начальства, Дворцов приложил все силы, чтобы оградить его от чересчур строгих оргвыводов.

На одном из краевых активов докладчик не без умиления поведал, как из сельской глубинки пришло письмо от семиклассников с просьбой сообщить, где теперь проживают Чук и Гек. Дворцов тут же высказал упрек преподавателям, за то, что ученики до сих пор не знают элементарных законов художественного творчества, и отчитал за то, что такое невежество поощряется...

В другой раз с трибуны высмеял одного высокопоставленного чинушу – все за то же невежество...

Все те вопросы, которые сваливались на него, порой как снег на голову – большие и малые, простые и сложные – он решал сам всегда, когда они требовали именно его действий.

Однако самым главным его делом, самой большой радостью и болью было по-прежнему его творчество, набиравшее с годами все большую притягательную силу.

Помню время, когда он только задумывал писать о М. А. Лисавенко. Как бережно и с каким удовольствием, я бы сказал, аппетитом, он перебирал в руках, рассматривал, читал и перечитывал записи Михаила Афанасьевича, письма к нему Мариэтты Шагинян и Леонида Леонова. Можно было не сомневаться: если напишет о нем, то обязательно что-то интересное, значительное. Как это далеко от сверхсовременного (и сверххархаичного!) «пришел – увидел – написал»...

Помню его еще на дальних подступах к материалу о В.Т. Христенко (тогда еще первом секретаре Шипуновского райкома партии). Как увлеченно он рассказывал, скорее, размышлял вслух не только о его повседневных многотрудных секретарских делах и заботах, но и о его взглядах на крупномасштабные, общечеловеческие явления. Помню его слова, что о героях нужно писать не после того, как их награды понесут на шелковых подушечках, а раньше – воздавая должное не только мертвым, но и живым.

Тогда же он начинал вынашивать свой роман «Река времен», замышлявшийся как главное, итоговое произведение его жизни. Запомнилось одно место, всего в несколько фраз. В любом пересказе отрывок этот проиграет, но все-таки рискну. О том, как мужики косили сено и укладывали стог. Они знали, в каком месте, когда и как косить. Знали, сколько времени скошенную траву нужно держать под солнцем. Знали, в каком месте и как укладывать стог. И укладывали так, что стог под ветрами, дождями, снегами мог стоять и год, и два, а когда его раскрывали, то под верхним побуревшим слоем лежала ничуть не постаревшая зелень: каждая травинка, каждый стебелек и цветок в первозданной целостности-сохранности, а аромат такой, как будто только что скосили...

Какой простой, и какой емкий образ...

Н. Г. Дворцов не всегда удовлетворялся написанным, но зато всегда предъявлял к себе более высокие требования, чем прежде, в результате, от произведения к произведению творческий подчёрк его, пусть не так скоро и просто, но все-таки становился увереннее и профессиональнее.

И его «Море бьется о скалы» заметно весомее и значительнее, чем «Дороги в горах» не только по своему материалу, но и по художественному воплощению. И внутри самого романа происходит отрад-

ная эволюция: чем дальше читаешь, тем меньше встречаешь стилистических и композиционных огрехов, тем строже и образнее язык.

И на более высоком художественном витке сделана повесть «Двое в палате», тематически в чем-то перекликающаяся с «Морем...». Правда, сам материал здесь не такой обширный, а главных героев всего только двое, и авторская задача намного уже: предательство – откуда оно берется, в чем его живучесть.

Этот вопрос Н. Дворцов исследует всесторонне, скрупулезно, что называется, под микроскопом и дает ответ: от трусости, от извечного старого, как мир, страха за свою шкуру.

Чувство страха свойственно всем смертным людям. Не все от него от него могут избавиться, а иные и не хотят, поскольку страх – это защитная реакция на опасность, а добровольно отказаться хотя бы от такой «защиты» опять же не каждый способен. И тут уже страх переходит в трусость.

Но сам страх – вещь чересчур неудобная, дискомфортная. И выход здесь простой и традиционный: предательство.

Страх за собственную шкуру /или чрезмерная забота о ней/ может заговорить и в сугубо мирной обстановке. Выход тоже есть, проторенный и укатанный: приспособленчество, угодничество, а рядышком уже и подлость – в конечном счете, предательство. Предательство человеческих идеалов и принципов, на которых держится духовное здоровье общества.

Предательство – страшная сила. А коли так, то не грех за эту цену выторговать или урвать кусок пожирнее...

Илья Рыбин с застарелой болезнью попал в больницу и очутился в одной палате с бывшим земляком Тимофеем Козыревым, который выдает теперь себя за другого: когда-то в фашистском концлагере, где находился Илья, Тимофей служил полицаем...

И между ними начинается напряженный негласный поединок, где прошлое и настоящее тесно переплетаются, проецируются друг в друга, четко высвечивая человечность и стойкость одного и душевную гниль, и мерзость другого.

Предательство военное не спрячешь никак, а предательство «цивильное», штатское можно завуалировать в самые модные фасоны и расцветки и выглядеть куда престижнее прочих.

Вот размышления по этому поводу Ильи Рыбина: «Он подумал о том, как Козырев стал подлецом. Ведь не сразу же и не вдруг такое? И до войны, должно, Тимка был подлецом, но ловко прятал свою грязную душу от людей...

И не случись войны, глядишь, все сошло бы благополучно. Без крутых поворотов Тимка мог многих обойти со своей ловкостью. Биография у него как хрусталь. Пролез бы в партию и зашагал бы, как по ступенькам, вверх /а разве мало сейчас таких «шагающих» – В.С./ . А война вот вывернула его так, что каждую прореху стало видно, выявила такое, какое, может, и сам Тимка не всегда в себе подозревал...»

Истоки этого предательство Дворцов обнажает и показывает мастерски. Во время всеобщей сельские комсомольцы решили развернуть антирелигиозную агитацию.

«- Религия – сплошной обман, товарищи! Хитрая выдумка попов!

В пареньке, возвышавшемся над толпой..., Илья не без удивления узнал Тимку Козырева. Голос его дрожал, выдавая страх...»

Да... Это тебе не собрание комсомольской ячейки, где такие слова можно выкрикивать безнаказанно, при всеобщем одобрении.

Толпа богомольцев, конечно же, почувствовала и Тимкин страх, и его неуверенность. Когда она угрожающе колыхнулась – трусливого оратора, словно ветром сдуло. Картина символичная и пророческая.

...И вот уже картина другая, как оборотная сторона одной и той же медали: полицай Тимофей Козырев торгуется с немецким офицером.

«-...Так вот, господин унтерштурмфюрер, допустим, найдем мы вам большого комиссара. И еще найдем... Вы станете штурмфюрером или оберштурмфюрером. А нам ведь от этого не легче. Ну, дадите там бутылку нашей русской водки. И все...»

И наконец, еще одна картина – вот тот же Тимка, уже припертый Рыбиным к стенке:

« – Ты! Ты предавал и мучил! – Козырев неожиданно и сильно налег боком на Илью Федоровича, обдал дыханием, горячим, как банный пар. – Ты! Вместе со мной... Чем докажешь? Чем? ...Нечем тебе доказать! Вот так! И молчи, если не хочешь, чтобы самому хуже было, чтобы тебя таскали...»

Но молчать Илья Рыбин не станет. Иначе это тоже будет предательством.

Здесь еще глубже и острее раскрывается одна из ведущих тем творчества Николая Дворцова – тема бдительности ко всякому злу во всех его обличиях.

Жизнь дала Николаю Григорьевичу Дворцову малую родину, провела его по дорогам большой родины и чужбины, заставила пройти войну в самом ее трагическом варианте, дала ему родных, друзей и недругов, породнила с природой.

Обо всем этом он и писал.

И всего этого ему с лихвой бы хватило еще для многих книг.

Но любого истинного художника рано или поздно непременно потянет за пределы привычного, обжитого круга, перед ним неминуемо встанет задача воссоздать художественно не только черты того мира, который воздействует на тебя непосредственно.

После всего пережитого и описанного Дворцов ощутил нарастающую потребность обратиться к людям цельным, идущим напролом, реализовавшим себя ярко и наиболее полно, вопреки всем напастям и невзгодам.

Был в свое время напечатан в газете очерк о секретаре райкома партии А.И. Слащеве. Намного больше сил, времени и труда было отдано другой работе – о В.Т. Христенко – бывшем разведчике, кавалере четырех орденов Славы, Герое Социалистического труда.

С Василием Тимофеевичем Н.Г. Дворцов познакомился давно, был с ним в добрых, доверительных отношениях, интересного материала собрал немало. И очерк получился неплохой. Но не более. Не хватало писательского пороуху? Едва ли.

Дело тут намного сложнее.

Писать крупное произведение, (а именно на это нацелился Дворцов) о человеке не вымышленном, а конкретном, ныне здравствующем – это значит взвалить на себя дополнительный груз, до которого читателю, да и герою, никакого дела.

Живой, активно действующий человек находится в постоянном движении, претерпевая внутренние изменения, подвергая подчас дела свои неожиданной переоценке: то, что вчера воспринималось как крупная победа – сегодня представляется просто удачей; от того, что вчера пробивал с боем – сегодня с радостью отказался бы; с кем-то носился, поднимал на щит – а он твоих надежд не оправдал.

Иной раз очень важными чувствами, мыслями без оглядки можно поделиться с близким человеком, а на печатных страницах это будет выглядеть неуместным, может, и не скромным. Бывают, наконец, просто ошибки, промахи, срывы...

Писать только о положительном и бесспорном? В небольшом очерке э то вполне допустимо. А в книге – может получиться не портрет, а иконописный лик. И при всем при этом из арсенала должно быть исключено такое великолепное оружие, как авторский домысел, вымысел, творческая фантазия: любой живой герой, в отличие от «собирабельного», вольного обращения с собою не потерпит...

Очерк написан, опубликован, но многое осталось за кадром.

Однако эту работу Николай Григорьевич продолжал до последнего времени.

Более полно удалось ему воплотить образ другого нашего земляка – академика Михаила Афанасьевича Лисавенко в документальной повести «Нужны энтузиасты» и в драме «Дважды жить не дано».

«...нужны талантливые, неутомимые, верные своему делу люди. Нужны энтузиасты.

К таким людям я отношу, прежде всего, М. А. Лисавенко – одного из самых серьезных селекционеров-плодоводов Сибири, отлично понимающего дело».

Эти строки из предисловия И. В. Мичурина к книге М. А. Лисавенко «Плоды и ягоды – на Север» Н. Дворцов взял эпиграфом к повести.

«Плоды и ягоды – на Север» – сформулировано ясно и просто, но дело это оказалось очень непростым, и на пути его возникло много всевозможных препятствий, преодолеть которые под силу было только человеку, обладающему именно такими качествами – талантливому, неутомимому, верному своему делу, истинному энтузиасту.

Садоводство в Сибири в ту далекую пору было делом не просто новым – для многих непонятым, фантастически необычным. Ни средств, ни материальной базы, ни специалистов.

Четко и деловито, с интересными подробностями и деталями Дворцов рассказал, как благодаря М. А. Лисавенко и его помощникам, /таким как партийный работник М. О. Пантюхов и прославленный колхозный вожак Ф. М. Гринько/, а затем и его ученикам и последователям, садоводство на Алтае и в Сибири стало делом реальным, перспективным, массовым.

Однако в документальной повести автор обязан следовать фактам в их первоизданном виде, что опять-таки неизбежно в чем-то скомпоживает, регламентирует писательские возможности. И как художник Дворцов выложился здесь далеко не весь. И выход был им найден нестандартный и даже смелый – пьеса, где Лисавенко явился прообразом Платона Спиридоновича Афанасенко.

В этом новом и потому рискованном жанре драматургическая неопытность сказалась: есть места, с интересом читаемые, но не всегда вписывающиеся в сценическое действие.

Как знать, окажись тогда в театре режиссер энтузиаст – может, и увидели бы зрители этот светлый, самобытный образ на сцене...

Однако именно драматургическая форма помогла Дворцову показать человека и земного, и романтически возвышенного.

Кажется, что может быть привлекательней по своей душевной безмятежности и природной целесообразности профессии садовода: прививай, опыляй, вдыхай аромат, вкушай плоды. Но чтобы все это было доступным не только нашему герою, но и нашим людям, писатель провел Платона Афанасенко, можно сказать, через все круги житейского, духовного, административного ада: непонимание, отчужденность, шкурничество, бюрократизм, зависть, клевета...

Всему этому Платон Афанасенко противопоставляет трудолюбие, честность, душевность, человечность, непримиримость, упорство, веру в людей, в свое дело. Все это заставило его столкнуться с такими вечными категориями, как добро и зло, истина и ложь, любовь и ненависть, смерть и бессмертие, и внести свою лепту в их постижение и осмысление.

Чтоб достойно проявить себя на таком поле брани, не нужно мудрствовать лукаво, прилагать особые усилия для самовозвышения, вставать в сверхчеловеки. Для этого достаточно одного – быть от начала до конца верным своему делу, просто-напросто быть энтузиастом в молодости, в зрелости и в старости.

Если есть заядлые рыбаки и охотники, то есть и заядлые садоводы. К их числу принадлежал Николай Григорьевич Дворцов со всеми вытекающими отсюда добрыми последствиями: пристрастное внимание к земле, к ее чудесным ежегодным превращениям, хозяйское отношение к ее щедрым дарам, отеческая любовь к братьям мень-

шим и повседневная, непреходящая радость земного бытия. Его книга «Друзья жданные и нежданные» – одна из самых светлых страниц в его творчестве.

Своим деятельным, непоказным оптимизмом она выгодно отличается от множества современных творений на эту тему, исполненных традиционного восторга перед нашей матушкой природой и набившего оскомину воздыхания по поводу того, как нехорошие люди-человеки обижают ее.

Нет, проблемы «природа – человек» Дворцов не снимает – он ее по-своему заостряет и делает свои выводы. Крошечный клочок земли под его пером стал своеобразной лабораторией, полигоном, где с одержимостью неутомимого исследователя он проводит свои испытания и постоянно совершает пусть не притязательные, но интереснейшие открытия, поучительные и радостные.

Как и многие произведения Дворцова, «Друзья жданные и нежданные» не стоят особняком – они имеют свою творческую предысторию и связаны живыми кровеносными сосудами с его писательскими удачами. В повести «Два дня и три ночи» утомленный и даже удрученный герой приезжает на свой дачный участок, а трясогузка тут как тут: «Вспорхнет на один из кольев, к которым привязана малина, и осторожно так:

– Цити-цюри? Чтерличь?..

...И смотрит крошечной бусинкой глаза, длинным хвостиком непрерывно подергивает, а сама в черной атласной шапочке и в таком же черном атласном нагрудничке.

Вторая птаха на подмогу явится. И начнут в два голоса с разных сторон свое «цити-цюри» и «чтерличь». По интонации, с которой трясогузки произносят эти непонятные свои слова, кажется, что они справляются о твоём самочувствии. И хочешь, или нет, а непременно скажешь:

– Да ничего... Спасибо.

Птахи вспорхнут, точно обрадуются, что у тебя все «ничего». И ты опять, хочешь или нет, непременно улыбнешься...»

У Дворцова в «Друзьях...» жизнь птичьья удивительно напоминает жизнь человеческую, с той лишь разницей, что у них она намного целеустремленней и гармоничней.

Перво-наперво, проблема жилья. Чтоб оно было сухим и теплым, непротекаемым и непродуваемым. В какой попало скворечник, скворцы не пойдут. Такая привередливость продиктована самой главной причиной – заботой о потомстве.

Чадолюбивы наши собратья до самоотверженности. И вопрос питания здесь на первом плане. Жизнь родителей можно сравнить с бессменной работой у конвейера, движущегося с предельной скоростью и требующего от тебя безо всяких обеденных перерывов сноровки, ловкости и высокой трудовой квалификации.

Но не червем единым жив скворец. Питание питанием, а о воспитании тоже забывать нельзя. И тут главенствует самая действенная его форма – личный положительный пример: трудолюбие, справедливость /при распределении еды/, коллективизм, отвага /во время вороньего нападения/, курс на мирное сосуществование со всеми, даже с теми же воронами, и наконец, чувство собственного достоинства.

«Известно, что человек – венец природы... Я, дескать, и всесилен, и всесущ, а вот вам, младшим, ничего похожего не дано...

А им, младшим-то, оказывается дано!..

– ... Вы ребята, молодцы! – сказал я скворцам. – Честное слово, молодцы!..

... Скворцы оказались совершенно равнодушными к моей похвале. Они как работали, так и продолжали работать.

И это мне тоже понравилось».

Из всех многочисленных героев Дворцова самый для него любимый – это Природа. Она активно и благотворно присутствует и действует на протяжении всей его творческой жизни. Из бесчисленного множества мест, которые хотелось бы привести, процитирую одно: «... И тут же в воде, среди снега – травка проклевывает землю. Смело так, настойчиво рвется к свету и теплу. Да куда же ты, толкую ей, куда так опрометчиво? Ведь и морозы, и снег еще могут...

Постоял еще несколько в раздумье... «И правильно, что так смело и решительно, без оглядки! Так и надо. Всегда так!»

И на душе стало лучше, определенной».

Такие рассказы, как «Бурадан ачмалы», «Старый мерин, кумовья и художники», «Посрамление», «Инстинкт противоположного свой-

ства», отмеченные тонкой наблюдательностью, живостью изложения, юмором, серьезностью размышлений, являются как бы связующими звеньями между «Друзьями жданными и нежданными» и повестью «Святая простота, или Телега семейной жизни» – одними из наиболее зрелых, на мой взгляд, произведений Николая Дворцова.

О рассказах говорить не буду – путь их лучше прочтает каждый, кто заинтересован, творческим наследием Н. Дворцова.

Подвергать «Телегу жизни...» критическому разбору тоже, пожалуй, не буду: вряд ли пройдет мимо этой повести читатель. Возьму только одну линию – взаимоотношения Петра и Анюты.

«Отрада и печаль – противоположные чувства – сопутствовали автору на протяжении всего повествования.

Отраднo было оживлять в памяти давнее, снова и по-новому обращаться с людьми, прослеживать их взаимоотношения, обращая внимание на то, что раньше казалось малозначащим или вовсе проходило мимо.

Печаль же рождалась от сознания того, что все это было, да быльем поросло, прошло и кануло в бездонное небытие.

Впрочем, так ли уж без остатка все кануло?..»

Такими словами, простыми и доверительными, начинается повесть «Святая простота, или Телега семейной жизни».

А дальше, при минимальной затрате словесного материала, рельефно и четко, с первого предъявления предстают перед нами Петр и его жена Анюта, тесть, теща, шабер и шабриха с их характерами и судьбами. Характеры эти развиваются не шаблонно, а судьбы обрекают под конец драматическую окраску.

Ненавязчиво, но бескомпромиссно исследует Дворцов истоки и причины людского зла. Как ни дико и ни печально, его питательной средой является бескорыстное трудолюбие, долготерпение и совесть – словом, все те душевные богатства, без которых немислим народ русский.

Эгоизм и подлость всегда паразитировали и паразитируют.

Каким образом из обыкновенного, бытового эгоизма, в допустимых пределах свойственного даже и неплохим людям, вырастает подлость, сперва скрытая, а потом и откровенная, наглая? Вот пример того, как психологически тонко раскрывается этот эгоизм в пове-

сти. Приготовил Петр шерсть для валенок: Анюте, себе, ребятишкам и еще три с половиной фунта для матери. Анюта воспротивилась: «Так чо, дочь с мужем до того обеднели, что не могут валенок справить?» – «Да причем тут, Анют, смогут они иль нет? Мы ей от себя, за все ее доброе...» – «Ну ладно, пусть будет мамаша с обновой...» – согласилась Анюта после долгого молчания.

А когда привез шерсть валяльщику, оказалось, что на одну пару валенок ее не хватает.

Рассказ матери, какая вышла промашка, а та (во имя сохранения семейного мира и лада!) успокоила его: «Дык эт я, сынок отняла... Забоялась я – Анюте не по душе придется...» – «Чудная ты, мама. Чо ты – Анюты не знаешь, штоли? Да штоб она спроть тебя...»

Но не пошла впрок доброта мудрой и покладистой свекрови. Благодаря столь неожиданной и искусной поддержке, Анютины аппетиты пошли развиваться по нарастающей.

После голодного лихолетья выдался отменный урожай. На славу поработавшему и хорошо заработавшему Петру Анюта /к тому времени уже тайком «схлеснувшаяся» с шабром Ефимом/ говорит:

« – А ведь ты, Петь, мог больше заработать. И хлеба, и денег больше...

– Разве этого мало? А как больше-то?

– Да так... Будь ты немного похитрей – всего больше было бы.

– Не пойму...

– А чо понимать-то? Свой комбайн стоит, а ты тем временем Серегин ладишь...»

Таким вот манером и пытается управлять /и безуспешно/ телегой семейной жизни хитрая, сноровистая и норовистая Анюта, постоянно облапошивая и одурачивая своего бесхитростного и доверчивого муженька.

Когда свекровь застала ее с шабром в бане, та убежала в дом.

«Уткнув лицо в подушку, Анюта выла.

Старуха присела на диван.

– Разнесчастливая я... Господи!..

– Чо теперь? Надо было раньше думать...

Анюта бросилась к свекрови, упала на колени.

– Мамаша!.. Мамаша!.. Прости дуру окаянную...

Телега семейной жизни опрокинулась. Вдребезги разбилась телега...

Но Петр не замечал этого».

Анюту уже начинаешь ненавидеть, а к Петру испытываешь раздражение: вот уж воистину свят до глупости, а глуп до святости.

Теми же чувствами, похоже, переполнен и сам автор. И конец он обрывает как-то резко, негармонично. В этом, думается, тоже сказало его мастерство: поведать тут еще можно о многом, а зачем?

Два бесконечно добрых и честных человека, мать и сын, ограблены, обездолены.

Но не больно-то разбогатела и Анюта.

В аскетически скупых заключительных строчках сообщается, что Петр под старость лет (после войны и ранения) в чем был, ушел из дому. У Анюты помутнение ума. Как в себя придет, кричит, что ни в чем не виновата. Маняшка ей верит, а сын молчит...

Если вдуматься, то за каждой фразой здесь кроется драма, у которой может быть свое продолжение. Маняшка верит... Хорошо, если по неведению. Но ведь она уже не ребенок. А что, если мать сумела передать ей свое духовное «наследие»?..

В самом начале тесть сказал Петру: «Ты, Петро, рот особенно не разивай. Гляди в оба...»

И чуть ли не с самого начала ждешь: вот-вот прозреет, поставит ее на место, вот-вот поумнеет!

Не прозрел, не поставил, не поумнел...

Ничего, авось поумнеет впрок читатель, для которого повесть эта и написана.

Под конец хочется подвести итог всему прочитанному, обобщить все сказанное.

Но нельзя подытожить и невозможно обобщить. Творчество Николая Григорьевича Дворцова настолько объемно и неоднозначно, что его не вместишь в общую золоченую рамку.

Одни вещи здесь можно прочитать. Другие же – читать и перечитывать, каждый раз открывая что-то новое и неожиданное. [30]

Виктор Серебряный,

радиожурналист, член Союза журналистов России

НИКОЛАЙ ДВОРЦОВ

К 50-летию со дня рождения

Среди писателей, работающих на Алтае, Николай Дворцов – единственный прозаик с довоенным литературным стажем. Его первый рассказ «Бельчик» был опубликован в саратовской пионерской газете еще в 1939 году; а на следующий год в альманахе «Литературный Саратов» увидел свет новый его рассказ – «Дошкольники». Правда, автору явно недоставало и мыслей, и слов, и грамматических форм. Но удивляться следовало, скорее, не имевшимся недостаткам, а самому факту существования этих рассказов.

Николай родился в одной из деревень Саратовской губернии в трудное время, когда советской власти были еще считанные недели, когда приближались гражданская война, разруха, трагически знаменитый поволжский голод...

В 1929 году умер отец, деревенский столяр, оставив мальчишку заботам пожилой уже матери. Но Николай продолжал учиться в школе крестьянской молодежи, а в каникулы работал в колхозе табельщиком. И еще в школе стал пытаться писать что-то вроде рассказов. «Виноват» был, наверное, отец. Не получив никакого образования, любознательный и дотошный деревенский столяр самоучкой овладел грамотой и стал заядлым любителем книг. В их избе плотным рядом стояли на полке немного замусоленные томики Пушкина, Толстого, Жюль Верна...

Еще до того, как Николай пошел в школу, отец научил его читать и писать. А потом мать любила слушать, как сынишка читает вслух, – и вместе рыдали над злоключениями дяди Тома, сокрушались по поводу легкомыслия молодого Гринева, по милости которого определенно попадает доброму старому слуге за совсем новую заячью шубу...

Как тут было не попытаться и самому попробовать писать о том, что произвело на тебя сильное впечатление!

Окончив семь классов школы крестьянской молодежи, Николай стал студентом Саратовского строительного техникума, но, не имея материальной поддержки, вынужден был уйти работать, и устроился в земельном отделе техником-нивелировщиком.

Однако мысли об учебе не оставляли его. Николай Григорьевич поступил на вечерний рабфак, а по окончании его – в учительский институт, который окончил уже учителем...

Трудно начавшаяся жизнь могла сломать, издергать, сделать завистливым, недоброжелательным. Но первые опубликованные рассказы Дворцова полны щемящей доброты к детям, к животным; за не всегда удачно найденными словами угадывались впечатлительность и памятливым глаз художника.

Казалось бы, хоть и выразительный, но, в общем-то, нейтральный по настроению пейзаж: «День был тогда необыкновенно жаркий. Степь дышала как раскаленная печка. На желтых глинистых бугорках, поднявшись на дыбы, коротко посвистывали суслики. По глубокому небу бродили одинокие облака...» Но перед пейзажем – такая фраза: «В конце июля щенкам исполнилось три недели». Тем самым щенкам, о судьбе которых беспокоился герой рассказа, мальчик Шура. И которых сейчас приедет топить в речке чабан, хозяин их матери-дворняги.

Несколько, на первый взгляд, растянутый пейзаж рассказал больше, чем сцена гибели щенят: именно за такие второстепенные детали хватает взгляд человека, на которого свалилась непосильная для его разума душевная боль. И потом в памяти остается не фотография потрясшего события, а сопутствующие ему посторонние подробности.

Бельчик – собака из детства самого Дворцова. Правда, на самом деле она не спасла ни самого хозяина, ни колхозной отары, как это происходит в рассказе. Может быть, даже ради «заострения сюжета» не стоило с такой прямолинейностью доказывать, что и дворняга имеет право жить (поверили же мы на слово Дерсу, что свиньи – «тоже люди!»). Но, к сожалению, в те годы элементарный утилитаризм в литературе, особенно детской, был распространен и среди более опытных печатавшихся тогда авторов.

Дворцов просто старался писать так, как, казалось ему, пишут

все. Невнимательный редактор легко мог отнести первые рассказы Николая Дворцова к числу упражнений, которые до сих пор поставляют для редакционных корзин выучившиеся писать, но, видимо, не умеющие по-настоящему читать граждане.

На сей раз Дворцову повезло: ему попались внимательные редакторы. Теперь ему просто нужно было найти себя. Некоторые литераторы полагают, что найти себя – значит найти круг тем, или тему, или способ выразаться, которым никто еще не успел воспользоваться. В данном случае речь идет о другом. Мне кажется, что Дворцов на ощупь, но упорно искал способ высказать мысли о существенном для него в жизни, способ выявить это существенное с наименьшими искажениями. Словом, стремился приблизить к единице коэффициент перевода с языка жизни на язык литературы.

Но началась война. В 1942 году в итоге известной неудачной попытки освободить Харьков армия, в которой воевал Дворцов, оказалась в окружении, и Николаю Григорьевичу пришлось искать себя уже совсем в другом жанре.

Через много лет он рассказал об этом в романе «Море бьется о скалы». Но это – через много лет, а пока – сырой барак, колючая проволока, настороженные хоботки немецких автоматов, оскаленные камни Норвегии, свинцовые волны Северного моря были не страницами книги, а реальностью. Не герой романа Степан Енин, а сам Дворцов вспоминал, «как читал в первый раз Анну Каренину», не спал всю ночь, курил, думал, а теперь все это казалось далеким, чужим. Какое ему дело до придуманных писателем любовных переживаний барыни, если он повидал сотни и тысячи смертей, если его и товарищей бьют, морят голодом, вытравливают все человеческое...»

Да, были такие, в ком удавалось вытравить человеческое. Видимо, человеческое это было у них лишь средством приспособления. У других – настоящих – вытравить не удавалось. Эти, настоящие, не только делили с другом спасительный черпак баланды, удары полицейской дубинки и пули конвойных, но и находили силы – душевные, а оттого и физические – заботиться об остальных товарищах, продолжать и здесь борьбу с ненавистным врагом.

Дворцов нашел себя среди этих людей. Наверное, помогла ему найти себя здесь та самая способность болеть за близкое существо,

которая прежде заставила его вступиться за дворнягу. Потому что именно это чувство вырастает в умение дружить. И только, пережив, можно написать такое: «Качнувшись, Степан оседает на корточки, учащенно моргает, трясет головой, стараясь прогнать из глаз туман. В свертке оказываются вареные картофелины и куски копченой селедки. Развернув на коленях пакет, Степан ест. Ест жадно, не ощущая вкуса, а лишь чувствуя режущую боль в желудке. Проглатывая картофелину, Степан вспоминает Бакумова. Он не менее голоден. Надо оставить».

Легко подумать «оставить», а как это сделать? Желудок никак не хочет подчиниться рассудку. Он требует. Ему надо в десять раз больше этого пакета. Он вообще не знает меры...

Все-таки Степан находит в себе силы засунуть сверток в карман...»

И в этой трудной обстановке Дворцов больше видит хороших людей, чем скверных, и даже фашистов и предателей изображает не столько с ненавистью (она уже перегорела), сколько с брезгливостью и недоумением: бывают же, мол, такие!

Поскольку уж так много о романе пришлось сейчас к слову, уместно заметить, что читатели оценили искренность автора и разобрали уже около трехсот тысяч экземпляров книги.

Вернувшись из плена на Родину, Дворцов некоторое время прослужил в Советской Армии, затем был гидротехником на торфоразработках во Владимирской области, а в 1947 году приехал в Барнаул: здесь жили его мать и брат.

И снова началась жизнь, к которой он привык перед войной. Правда, тогда он днем работал, а вечерами учился. Теперь учиться было некогда: вечерами Николай Григорьевич писал. Память жадно тянулась к впечатлениям мирной, довоенной юности.

Это должна была быть повесть о комбайнерах, у которых он когда-то до войны работал табельщиком. Однако скоро Дворцов понял, что повесть не получается, не хватает жизненных наблюдений. И куда бы ни устраивался он теперь работать – в краевой финансовый отдел, в управление сберкасс, на радио, в молодежную краевую газету, – он старался больше ездить, больше увидеть.

Дворцов не был еще и писателем; тем более далек он был от новаторства. Рассказы и повести, которые выходили тогда из-под его пера, а затем и с талера печатной машины, словно старались при-

близиться к некоему неофициальному существующему стандарту, были основательно пропитаны его дидактикой; это были, собственно, откровенные нравоучения в картинках. Нравоучения естественнее обращать к детям и к юношеству, так автор и делал. Заданность и прилизанность его героев особенно бросалась в глаза, когда они открывали рты – будто повынимали у них души и вставили взамен вырезанные из газет того времени корреспонденции о производственном опыте или передовицы на темы благонравия.

И все-таки сквозь неторопливый рокот сентиментальных и дежурных фраз пробивались какие-то обертона собственного голоса Дворцова, слышалась неподдельная ласковая озабоченность будущим ребятам и чуткое цепкое внимание если не к многообразию и глубине ребячьего или юношеского душевного мира, то к нюансам тех движений детской души, которые попали в поле зрения автора. Это свойство Дворцова, эта тенденция его наблюдательности и его творчества, мне кажется, с неизбежностью привели к появлению повести «Наше счастье» – плода глубокого участия к детям войны, плода серьезной и сердечной тревоги много повидавшего неравнодушного человека.

Речь в повести шла о судьбе солдатки, потерявшей в войне мужа. Ей хочется личного счастья, но оказалось, что решать свою судьбу одна, не считаясь с интересами сынишки, она не имеет права, не может. Написана повесть была не без некоторого схематизма, но искренне, взволнованно.

Книжка вышла только в Алтайском краевом издательстве и небольшим – тридцатитысячным тиражом; замечена она была не сразу, но, когда была все же замечена, стало ясно, что промолчать о ней нельзя, хотя прошел уже почти год после ее выхода в свет. Наталья Соколова справедливо писала в «Литературной газете» 22 ноября 1955 года: «Автор любит своих героев и умеет заразить читателей этой любовью. От этого и повесть у него получилась какая-то удивительно светлая, ясная, оптимистическая, несмотря на то, что рядом с веселыми страницами есть и грустные».

К этому времени Дворцов стал уже членом Союза писателей. За 1955-й год к его литературному багажу добавилось еще две книжки.

На одной из них стоит задержать внимание. Речь идет о сборнике

«Родная семья». На первый взгляд, рассказы могут показаться докучными и стандартными притчами на темы солдатской жизни. Такому впечатлению содействуют и дежурные, лобовые эпитафии, и трафаретные, чуть живенькие от схематизма персонажи... кроме одного – того самого Семена, которого товарищи усердно из рассказа в рассказ перевоспитывают.

Впрочем, это неточно. Вся штука, главная заслуга Дворцова здесь в том и состоит, что он сумел последовательно и убедительно показать, как его герой сам в коллективе отрешается от эдакой крестьянской прижимистости, от индивидуализма, от неумения помнить об интересах товарищей, от физической неразвитости. Дворцов не боится тонкой, безжалостной детали, задевающей самое сокровенное в душе его героя – Семен только выигрывает в наших глазах, когда преодолевает свои слабости.

Напрасно только автор к своим персонажам явно довоенного происхождения пририсовал современный фон – они остались детьми того времени, в котором с ними познакомился Дворцов. Главная сила его (как, видимо, и всякого другого писателя) – в безжалостной правдивости. Именно она подарила ему лучшие страницы в «Родной семье», и в других, позднее написанных книгах. Правдивость, продиктованная любовью. Это касается и его первого романа «Дороги в горах», над которым Дворцов начал работать в том же 1955 году.

Тема «Дорог...», как говорят в таких случаях, была подсказана самой жизнью. У соседа, простого человека, одна из трех дочерей окончила десятилетку – и не попала в институт. Осталась сидеть дома, ждать удачи в следующем году. То, что это безнравственно, здоровому совершеннолетнему человеку жить чужим трудом, что ей просто нужно идти работать на производство, не приходило в голову, ни девушке, ни ее родителям. И вообще, откуда у детей, выросших в рабоче-крестьянском государстве, такое барское неуважение к физическому труду, боязнь этого труда? Почему мы забываем, что труд создал человека? В одной из многочисленных командировок в Горном Алтае Дворцов как-то разговорился на стоянке со стариком, чинившим хомут. Шорник сокрушался:

– Умрем мы, старики, хомут некому починить будет...

Тем временем многие выпускники средних школ никак не выбе-

рут точки приложения своих сил.

О поисках десятиклассниками своего места в жизни и решил написать Дворцов. Когда была готова первая книга романа, вышло известное постановление по поводу связи школы с жизнью.

А когда книга вышла в свет, читатели, особенно юные, засыпали Дворцова письмами. «От души благодарю Вас, что Вы написали нашему поколению книгу, которая помогает нам лучше разобраться во всех трудностях жизни, нацеливает нас на правильный путь... Мне понравился в этой книге образ Клаввы Арбаевой. Она не такая, как Нина Грачева, – поняла, что «труд должен быть радостью, большой радостью. Иначе жить нет смысла». ... Желаю Вам долгих -долгих лет жизни, счастья, здоровья, и написать нам еще много хороших книг.

С искренним уважением и любовью – ученица 11 класса». Это из Уральской сельской школы.

А вот – из Подмосковья, из библиотеки: «Чтобы «Дороги в горах» стали достоянием более широкого круга читателей, будем искать второй экземпляр этой книги».

Дворцов явственно ощутил, как нужен людям его писательский труд. Убедился, что писать нужно о том, что больше всего волнует его самого.

И отложив на потом работу над заключительной – четвертой частью «Дорог...», вернулся к начатой было в сорок седьмом году да за бесперспективностью заброшенной работе – так появился упоминавшийся выше роман «Море бьется о скалы». Книга, для удовлетворение спроса на которую не хватило почти трехсоттысячного тиража.

И только отдав этот долг мужеству своих погибших товарищей, а еще больше, по-видимому, долг дружбы, долг перед памятью сердца, – Дворцов завершил роман «Дороги в горах». В 1964 году в законченном теперь виде книга вышла стотысячным тиражом в издательстве «Советская Россия». Это было уже не только фактическое, но и как бы официальное признание в масштабах республики.

Написана она уже вполне сложившимся писателем-профессионалом. Правда, изредка еще Дворцов позволяет себе применить силу пера к персонажу, который в жизни не стал бы поступать так, как нужно по замыслу автора книги. Видимо, ощущал этот свой недостаток, особенно досадный у одного из наиболее глубоких психологов

среди писателей Алтая. Дворцов в следующих своих книгах – повестях «Двое в палате», «Опасный шаг» – едва ли не главное внимание отдает анализу движений души своих персонажей, углубленным поискам тех зерен, из которых выросли их характеры. И это делает характеры убедительными, достоверными.

Правда, за достоверность, за полноту ощущения внутреннего мира героев повестей автор заплатил отдалением от проблем, которые собственно, и приводят в движение его героев. Это не дает писателю в полной мере раскрыть социальный потенциал его творений.

Хочется надеяться, что в новых книгах Н. Дворцов сумеет преодолеть этот «занос», и завоеванное мастерство и силу художественного воображения приложит к решению более масштабных проблем – как, например, в повести «Дороги в горах».

В 1976 году товарищи по перу выбрали Николая Дворцова руководителем своей организации. Судя по его первым шагам в этом качестве, Николай Григорьевич стремиться создать в отделении тот дух деловой дружбы, взаимной заинтересованности, товарищеской заботливости, который ему удавалось создать среди персонажей своих книг. Хотелось бы пожелать ему успеха и в этом виде связи литературы с жизнью. [31]

Алексей Сотников,

журналист, главный редактор Алтайского книжного издательства
(Публ. по: «Алтайская правда. – 1967. – 19 дек. (№ 294)

ЛЮБОВЬ К ЛЮДЯМ

Он принес в издательство сразу два рассказа и повесть. Без надобности то и дело приглаживал широкой ладонью рыжеватую шелвелюру. Какой начинающий писатель не робеет перед издателями! Но у этого человека, по-богатырски рослого, с крупным и мужественным лицом, застенчивость казалась просто неуместной.

– Вот, обременить хочу вас, – сказал он, подавая рукопись в поношенном канцелярском скоросшивателе. – Прочтите, пожалуйста. А ответ можете не писать: сам зайду... Я тут рядом работаю, в управлении сберкасс.

В ту пору издательство только начинало жить, портфель его был тощим. Поэтому с надеждой, наверное, не меньшей, чем у геолого-разведчиков, издательские работники принялись за чтение рукописей в скоросшивателе. Сберкассовские бланки, исписанные с не разлинованной стороны, обрадовали всех. От них веяло подлинной жизнью, они подкупали простотой и убедительностью. Правда, повесть, в которой шла речь о комбайнерах, почти не имела сюжета. Но и в ней очень живыми предстали колхозные ребятишки – вездесущие юнги «степных кораблей». А в рассказах, целиком посвященных детям, они были наделены самыми различными чертами и характерами. То и дело бросались в глаза самобытные детали, заметить которые скорее всех мог учитель.

Об этом прежде всего и было сказано автору, навестившему издательство через неделю. Задумавшись, он, казалось, нехотя признался:

– Да, я учитель...

– Что же вас привело в канцелярию? – последовал закономерный вопрос.

– Сложные обстоятельства. – Он с отчаянием взмахнул рукой, поморщился. – Война многим омрачила жизнь...

Так двадцать лет назад познакомился я с Николаем Григорьевичем

чем Дворцовым. Вскоре его рассказ был напечатан в альманахе «Алтай», а сам он приглашен на работу в краевую молодежную газету.

Дворцов – сын деревенского столяра, которому очень хотелось, чтобы его профессия была в семье наследственной. Но у Николая, как у всех советских ребяташек, задумка оказалась солиднее родительской – стать учителем. Завидна и его настойчивость в достижении цели. Двенадцати лет Николай, похоронив отца, остался с престарелой матерью, однако с заветной задумкой не расстался. Зимой и летом школьные каникулы проводил непременно на работе в колхозе. Правда, после выпуска из школы ему довелось учиться в строительном техникуме, поработать нивелировщиком. Это было продиктовано необходимостью помогать семье. Потом, преодолевая материальные трудности, Николай все же поступил в учительский институт и окончил его.

На работу в сельскую школу он приехал с большой радостью, как домой. Но учительствовать долго не довелось, призвали на действительную службу в армию. А потом разразилась война, и уже в 1941 году рядовой топографического взвода гаубичного артполка Николай Дворцов – на фронте.

Солдатская судьба досталась ему тоже из самых трудных. Дворцов – участник ожесточенных боев с фашистскими полчищами под Таганрогом, Лозовой и Барвенково. В мае 1942 года, когда гитлеровцам удалось окружить наши войска, наступавшие на Харьков, Николай Григорьевич с остатками полка, дравшимися до последнего снаряда, попал в плен. Неимоверные лишения довелось ему испытать в пересыльных лагерях на территории Польши и Германии, а затем в концлагере близ норвежского города Бергена. Но и там Дворцов остался непокоренным советским человеком: примкнул к подпольной группе, которая совместно с норвежскими коммунистами устраивала диверсии на строительстве базы для подводных лодок, готовила восстание. До конца войны не покидало его чувство борющегося солдата.

Взяться за перо Николая Дворцова заставила та же самая любовь, доброта к детям, которая трудным путем привела его в институт. Истинный педагог не может без упоения рассказывать о своих питомцах. Вот и Дворцов еще в довоенное время написал несколько

рассказов о деревенских ребятишках. Два из них были напечатаны в пионерской газете и саратовском альманахе. После войны, вновь принявшись за литературное творчество, он не изменил родной теме.

Одну за другой создает Николай Григорьевич повести «Мы живем на Алтае», «Пуговицы», «Наше счастье», населяя их любознательными, дотошными, неугомонными во всяких затеях мальчишками и девчонками. Каждая новая книга являлась свидетельством неуклонного роста литературного мастерства писателя, а главное – все они отображали события дня текущего, заряжали читателя дыханием современности.

На страницах этих повестей мы чаще всего встречаемся с малышами, которых осиротила война. Но это не мрачные страницы, потому что рядом с сиротами соседствуют душевные советские люди, стремящиеся облегчить их судьбу, окружить их родительскими заботами.

В произведениях того времени Дворцов нередко показывает детей, берущихся подчас за дела довольно трудные, даже непосильные. Что ж, такова правда жизни: ребятишки первых послевоенных лет не могли не видеть трудностей жизни, закономерно их осмысленное стремление изо всех сил помогать взрослым.

Не будет преувеличением сказать, что по книгам Николая Дворцова можно довольно наглядно проследить вступление в жизнь того поколения советских людей, которому суждено было родиться в суровые годы войны. В последующих произведениях – романе «Дороги в горах» и повести «Опасный шаг» писатель показывает уже учащиеся сельских школ, первые трудовые шаги юношей и девушек, борьбу за моральную чистоту молодых душ.

Для произведений Дворцова характерны не только их современность, а и конкретность адресата: все они отображают жизнь алтайского села. Писатель полюбил Алтай, изъездил его, можно сказать, вдоль и поперек, встречался с разными людьми, видел жизнь в самых разнообразных проявлениях, внимательно вглядывался в природу.

Мне довелось вместе с Дворцовым путешествовать по Горному Алтаю, где он собирал материал для романа «Дороги в горах». Помнится, в Элекмонаре секретарь райкома, между прочим, рассказал

нам о том, что наведавшиеся к ним столичные писатели приобрели в районе национальные сувениры – оленьи дохи и кисы.

– За экзотикой охотятся, – усмехаясь, отозвался Николай Григорьевич. – К чему она?

– Ну как же? – недоуменно пожал плечами секретарь. – Что-то же надо на память...

– Для писателя самый драгоценный подарок – живой рассказ о людях.

Сам собой возник разговор о необходимости глубокого изучения жизни, трудностях сбора материала писателем. Секретарь райкома назвал имена алтайских прозаиков, пишущих о далеком прошлом, на исторические темы.

– Почему бы и вам не создать роман, скажем, о первых поселенцах на Алтае... По архивам да домыслу, наверное, легче?

– Может быть, – согласился Дворцов. – Только у меня не получится.

– Почему же?

– Привык рассказывать о том, что вижу своими глазами.

Через три года появился роман «Море бьется о скалы». В нем Дворцов, сам прошедший через ад фашистского концлагеря, взволнованно рассказал о том, как самоотверженно боролись с гитлеровцами норвежские патриоты и советские люди, брошенные за колючую проволоку, но не сломленные духом. О том, как этот добротный роман встречен читателями, свидетельствует тот факт, что он издан уже трехтысячным тиражом, а на книжных прилавках не залежался ни один экземпляр.

Между прочим, Дворцову была неведома дальнейшая судьба главного героя романа – врача Садовникова, увезенного из лагеря гестаповцами. Когда вышла в свет книга, Николай Васильевич Садовников отыскался в далеком городе Джизаке Самаркандской области. Герой романа не замедлил приехать к писателю в Барнаулу.

Эта, так сказать, живая встреча. А сотни писем, получаемых писателем от читателей после каждой новой книги – разве не общение с героями произведений! Ведь во многих незамысловатых читательских посланиях прямо так и говорится: «Не моей ли жизни вы посвятили роман «Дороги в горах»? Судьба Клавы Арбаевой очень даже похожа на мою – после окончания школы я тоже сменила маму на

ферме, работаю дояркой, в институте учусь заочно...»

Счастье встреч с живыми героями своих произведений дано лишь пишущему о том, что он видит своими глазами. И еще одно радует Николая Григорьевича – законное чувство своей принадлежности к армии советских учителей. Ведь каждое новое произведение – это большой ответственный урок, непременно содержательный, интересный.

Любовью к человеку, вниманием ко всему обыкновенному, естественному завоевал писатель всеобщее уважение. В то же время Дворцов – неутомимый трудолюб. Свидетельство этого – не только его многочисленные книги, а умение кропотливой работой отвечать на критику, исправлять неизбежные у всякого писателя творческие промахи. Николай Григорьевич является одним из немногих алтайских писателей, чей роман издан в Москве, чьи произведения не миновали откликов столичной прессы. И, надо сказать, Дворцов сумел верно воспринять заслуженную похвалу, уловить главное требование к нему. Преодолев характерную для его первых произведений прямолинейность в показе человека, он добился того, что последние его книги отличаются глубоким анализом движения души, сложностью становления характера, трудностями рождения определенного миропонимания.

Сегодня Николаю Григорьевичу Дворцову исполнилось пятьдесят лет. Возраст, скажем прямо, солидный. Но если в книгах автор обычно старше своих лет, то у Дворцова чаще всего получается наоборот – молодостью дышит его творчество. Это дает его благодарным читателям право надеяться, что он порадует их еще многими увлекательными книгами.

Каролина Саранча,

редактор Алтайского книжного издательства

(Публ. по: Саранча К. О книгах Н.Г. Дворцова, 1977)

О КНИГАХ Н.Г. ДВОРЦОВА (Обзор творчества)

За тридцать лет работы в литературе Николай Григорьевич Дворцов создал произведения разных, далеких, казалось бы, друг от друга тем.

Роман «Дороги в горах», герои которого (вчерашие школьники) в первых серьезных испытаниях познают себя, своих товарищей, учатся различать, кто есть кто, и повесть «Опасный шаг» – о неудавшейся современной молодой семье.

Такие вещи, как «Сибирская Зима» и «Августовские ночи» – о русской сибирской природе или «Старый мерин, кумовья и художники» – о лошадях, людях и собаках, и такие, как «Родная семья» – о воспитании юношей армейской службой.

«Нужны энтузиасты» – документальная повесть о сибирском садоводо-академике ВАСХНИЛ М.А. Лисавенко, очерк «Суть» – о проблемах и нуждах современной деревни и повести «Два дня и три ночи» – о трудных подростках поры 20-х годов, «Святая простота, или телега семейной жизни», в центре которой своеобычный характер из русской степной деревни 30-х годов.

Разное время (20-е годы и сегодняшний день), разные места действия (алтайская деревня, Норвегия, саратовские степи), разные и в самом деле далекие друг другу события (будни тягчайшей из войн и трогательный мир милых малых пташек).

Однако при всей этой разности есть в произведениях Н.Г. Дворцова нечто общее, просматривается в них то главное, что более всего волнует и заботит писателя. Кроется это общее прежде всего в самой этической программе, в идейно-нравственной позиции автора. Предмет его разговора с читателем обозначен в конечном итоге как разговор о духовной силе одних и нравственной ненадежности других, о воспитании человека, достойного нашего советского времени.

«Человек – это ведь не только то, что есть сегодня, но и то, что

было вчера, что завтра будет и вообще. Дела долговечнее самого человека. Доброе вспоминается добром. А подлое?.. Подлое тоже никак нельзя оставлять. Иначе его не выживешь, и при всяком удобном случае оно будет лезть как трава-сорняк». В этих раздумьях Ильи Рыбина, героя повести «Двое в палате», заключена сама направленность писательского труда Н.Г. Дворцова. Дойти до самой сокровенной сути человека, доискаться до истоков добра, но тоже – и обнажить истоки зла; показать, откуда проистекают высоты человеческого духа и где начинается антинравственное, античеловеческое в человеке – такую задачу (психологически сложную, требующую тонкой, чуткой работы) ставит себе писатель.

И невозможное возможно...

А. Блок

Много лет напряженной трудной работы отдал писатель военной теме, посвятив ей роман «Море бьется о скалы», повесть «Двое в палате», такие небольшие по объему впечатляющие вещи, как «Боль души», «Бураданач-малы», касаясь ее (вроде бы и невольно, а по сути – необходимо) в ряде произведений невоенной, мирной тематики.

Что война с силой показала беспримерный героизм, беспримерную нравственную высоту советских людей – об этом создано и еще будет создано советской литературой много отличных и хороших книг. В них так или иначе открываются нам черты национального, народного характера, те черты, что, необъяснимые для наших врагов, озадачивали их, заставляли вспоминать о загадочной русской душе. Поведение советского человека, оказавшегося лично в критическом положении, чаще ошеломляло, ставило в тупик, не укладывалось в их привычные расхожие представления о логике и логичности.

Именно такой советский характер оказывается в центре изображения тех произведений писателя Н.Г. Дворцова, где речь идет о событиях Великой Отечественной войны.

О тех, кто изошренным пыткам, физическим и моральным, противопоставил свою нравственную силу, волю свою к борьбе, о тех, кто достойную жизнь поставил против смерти и достойную смерть против подлой жизни, рассказал писатель в романе «Море бьется о скалы». Стечением военных обстоятельств заброшенные в фаши-

стский концлагерь в Норвегии, они не смиряли своей души, и в невозможных по всем очевидным данным ситуациях они продолжали активную борьбу с фашизмом. Люди разных пристрастий, привычек еще из той, довоенной жизни, неодинаковых характеров, интеллектов, в одном оказались они едины и одинаковы: не в том состоял для них вопрос, чтобы как-то выжить, но в том – как, в качестве кого прожить эти свои дни. И если жизнь их, по выражению одного из героев романа Васька Хорошаева, походила очень на «танец среди мечей», то каждый стремился исполнить свой номер мужественно и точно, с небрежением к автомату врага и колючей проволоке.

Олег Петрович Садовников, врач лагерного ревира, был в сравнительно сносных условиях, во всяком случае за жизнь свою личную мог не опасаться. Но именно он, Садовников, первым взялся за организацию подполья в лагере, был вдохновителем подготовки восстания. Может, раньше и острее других понял Олег Петрович, что самое страшное в их положении – опустошенная, изверившаяся душа. И он в самые черные дни учил людей не терять воли. Борьбе и презрению к врагу, хотя бы и ценой собственной жизни, учил.

Не для того, чтобы выжить самому, втерся в доверие к фашистам Федор Бойков. Дорого ему это давалось, но он умел до предела сжимать себя, не выдавать своих подлинных чувств. Когда немцы нащупали все же, откуда идут нити участвовавших диверсий, Федор мог еще бежать (помогли бы норвежские рабочие), и Садовников настаивал на этом. Но, взвесив все за и против, Федор Бойков решил, что теперь его смерть на миру нужнее. И он остался. И показал фашистам, как умирают советские.

Или Андрей Куртов. Натура артистичная, мечтательная и впечатлительная. А тут любовь к норвежской девушке Инге.

Унтер Штарке считал себя тонким психологом. Он привел Андрея на то место, неподалеку от памятника Эдварду Григу, где Андрей впервые увидел Ингу. Мелодии Грига, фиорды, скалы и Инга... Но просчитался фашистский психолог – Андрей Куртов не предал своей Родины, своих товарищей.

С артистичным блеском исполнил свой танец среди мечей Аркадий, или, как небрежительно окликали его в лагере свои же товарищи, Аркашка. Талантливо, натурально играл он перед немцами неда-

лекого, всегда и всем довольного, всегда готового услужить, тающего от немецких похвал парня, мечтающего якобы о железном немецком кресте на грудь. Большинство в лагере открыто презирали его. Еще бы – денщик самого Штарке, разбитной шут, паяц с длинной, еще долагерной биографией предателя. Только потом, когда уже не станет Аркадия, узнают люди, что это он сам, в интересах дела борьбы, сочинил для себя послушной список преступника и изменника.

А Ваську Хорошаеву было только девятнадцать. Непосредственный, эмоциональный, по-ребячески еще порывистый, он буквально преследовал своим презрением фашистских прихвостней. Ходил за ними по пятам и, зная не желая ни о какой осторожности, выпаливал им в лицо все, что о них думает. На расстрел Васька вели гестаповцы. Он не хотел умирать. Но еще больше не хотел, не мог Васек принять подлой жизни.

Следует отметить, что из всех образов романа двое, а именно Васек Хорошаев и Олег Петрович Садовников, слеплены писателем, что называется, с натуры. Остальные – образы собирательные, но фактической основой для их обрисовки послужили действительные события.

Роман в целом хорошо встречен критикой, что и понятно, ибо он оставляет впечатление документальной правдивости. (Более десятка рецензий на него носили примерно такие названия: «С любовью к Родине» – Л. Габова, «О победе человека» – Т. Макарова, «Победивший смерть» – Г. Осипов и др.). Но надо признать вместе с тем, что по силе художественной выразительности роман все же не ровен. Не всегда удалось автору поставить на службу более углубленного показа характера, компактности сюжетных построений богатство материала, которым он располагал.

Но опыт работы над большим полотном романа не прошел для писателя даром. Уже в следующей своей работе, повести «Двое в палате», он, как художник, поднялся значительно выше всего того, что было создано им ранее. Здесь, в повести, – художественная экономия языковых средств, подчиненность строгая всех деталей, самой сюжетной организации главной задаче.

Непонятны были фашистам садовниковы и хорошаевы, и уж совсем ни в какие рамки их представлений о нормах человеческого

поведения не укладывались такие, как Илья Рыбин, герой повести «Двое в палате».

Повестью этой автор продолжает, художественно исследует тему человека на войне. Стремясь зримее, четче, материальнее подать ведущую мысль произведения, глубже проникнуть в характер, автор ставит своего героя опять-таки в сложные, событийно и психологически критические, крайние обстоятельства.

Судьба человека не всегда складывается на ровной дороге. Бывает, что и осложняется она запутанными ситуациями, несправедливостями. Случилось такое и в жизни Ильи Рыбина. По клеветническому обвинению был он арестован, из заключения вернулся только уже в сороковом – предвоенном. И тут познал, как непросто в глазах людей скинуть пятно, брошенное на тебя клеветником, какими неудобствами в повседневности, в общении с односельчанами это оборачивается. Началась война. Казалось, теперь-то, в сорок первом, Рыбин посчитается за свои обиды, возьмет свое.

Однако кроме той схематичной, что ли бы сказать, прямолинейной, лобовой логики есть еще другая, высшая логика – та, что веками складывалась в народном характере. Эта логика подлинно народной нравственности подняла Илью Рыбина над личными обидами, повела своим страдным и справедливым путем. Коллизии повести «Двое в палате» насыщены, остро напряжены, психологический рисунок достоверен. А вопросы, которые решаются в повести, относятся не только к прошлому – они важны и сегодня, будут важны еще и завтра. Потому что здесь – исследование двух жизненных программ, двух разных отношений к жизни, разных пониманий своих обязанностей перед нею – двух в конечном итоге противоположных идейно-нравственных позиций. В больничной палате встретились двое. Два уже порядком пожилых, больных человека (пути их в жизни, как окажется потом, не раз перекрещивались и всякий раз – при обстоятельствах взаимоисключающих).

Житейская философия Рыбина проста и бесхитростна. Да, было – обижался на судьбу. Да и то сказать – четыре года не четыре дня. «Ну, а когда война таким горем обрушилась, так своя обида в этом общем горе сразу утонула. Да и как иначе? В твой дом бандиты ломаются, а тут промеж своей семьи счеты сводить, пререкаться, кто прав, кто

виноват?» У Ильи Рыбина будто врожденное непреложное чувство неотделимости своей судьбы от судьбы народа. В голову не приходит ему, что можно тут поступиться чем-то ради своей собственной личной выгоды. Натура совестливая, честная, способная к самопожертвованию, сам он об этих своих свойствах не задумывается, скорее, что и не сознает их в себе. Просто поступает всегда по природе своей: не приемлет бесчестья, когда другому плохо, кидается на помощь не раздумывая. У него это как инстинкт какой срабатывает, во всяком случае идет впереди размышления – защитить, оградить товарища. Так было в довоенной жизни его, так и на войне стало. Однако не только сила духа человеческого открылась Рыбину на войне, привелось и подлость увидеть. И от кого... Сначала Рыбин глазам своим, ушам своим верить не хотел. «Оказывается, заклятому врагу можно прислуживать... его землячок, Тимка... Как же это?.. Его землячок пятки им лижет. Какую же душу надо иметь для этого?!» Первое чувство, охватившее Рыбина, была острая, непобедимая брезгливость. «Воротит и все. До тошноты воротит. Хоть тресни!»

А Тимка, видать, полным доверием у немцев пользуется. С унтерштурмфюрером пререкается. Торгуется, иуда. Норовит подороже, с большей выгодой для себя продать жизнь своих вчерашних товарищей.

В семье Рыбиных высоко понимали честь, личную честность. Это у них фамильное было, родовое. В крутую минуту к Илье и во сне приходил, бывало, батяка, чтоб напомнить о семейных устоях. «Сидит на печке, свесил ноги и грозит коричневым пальцем: «Гляди, Илюха, гляди в оба! У нас в роду никто совесть не пачкал. Все по чести...» И когда-то, прикидывая дальнейшую Тимкину судьбу, думал Рыбин о совести, что никак не укрыться от нее человеку. «Погубленные тобой души так и будут ходить за тобой по пятам. От живых можно скрыться, а от них – нет. До гробовой доски будут преследовать».

Но и во второй раз сразил землячок Рыбина. На какую-то минуту душа его оторопела и замерла в недоумении и негодовании. Потому что все это, оказывается, мимо Тимки. Мимо, мимо! Все забрала, заглушила, подмяла под себя яростная забота о собственной персоне, страх за свое, хоть и бросовое, существование. Скитается по стране бездомной собакой, под чужим именем, «готов в щель клопом забиться». Но с такой подлой изворотливостью, что и червь побрезго-

вал бы, печется о себе. Цепляется за амнистию, хочет разжалобить Рыбина, пытается шантажировать, потом отравить его.

«Волк завиднее моего живет», – жалуется Тимка. Вот именно – жалуется! Вот то-то и оно, что – жалуется. И кому? Человеку, которого, не сумеет тот в свое время скрыться с его глаз, загубил бы так же рассчитано и безжалостно, как делал это с другими. Вот она – бездна бессовестности, дичайшего отвратительного эгоцентризма. Те, загубленные им, давно сгнили, а Козырев жалуется, а Козырев уверен, что это не он перед жизнью – жизнь перед ним виновата.

Вместе с темой возмездия, непощения страшной вины – предательства Родины, ставит автор и другой вопрос: как случаются все-таки в нашей жизни Козыревы, где, с чего они начинаются? «Ведь не сразу же, не вдруг такое?»

Вопросы борьбы с нравственным уродством, духовной ущербностью, искривленностью как проблема воспитания растущего поколения, вообще остро воспринимаются и выдвигаются писателем. С чего вырастают Козыревы? Отчего Жорке нравится мучить животных? Откуда у иных этот, как определяет его автор, инстинкт противоположного свойства? И что это с Пашкой? Ведь Пашка «не какой-нибудь такой, чтоб от рук отбился. А вот поди же – жалости к животине нет». («Старый мерин, кумовья и художники»). Зачем, по какой дикой надобности пришел кто-то и по-бандитски расправился с берегами, оставив на месте двух росших от одного корня сестриц жалкие изуродованные трупы? («Природа, люди и варвары»). Стандартов на все случаи жизни, готовых рецептов, как убережь человека от такой пагубы, писатель, разумеется, не дает. Но зовет нас быть внимательней, хочет, чтоб мы видели не только то, что на поверхности, но и то, что на поверку: побудительные мотивы, которые движут человеком в том или ином его поступке.

Когда Илью Рыбина неотвязно стала преследовать мысль о происшедшем с Козыревым, память невольно толкнула его в его мальчишеские годы. В те годы, когда ходил и Тимка Козырев нормальным и даже более того – передовым человеком. («Вот ведь чудо, – замечает по этому поводу герой, – с какого бы края ни ворохнул свое прошлое – непременно детство в ум лезет. Никак его не обойдешь, никакими силами... Это как берег, от которого пускаются плыть»).

Всматривается Рыбин в события минувших лет, перелистывает снова и снова жизнь своей родной деревни. И с расстояния лет многое по-иному, чем тогда, ему видится. Видит он теперь, как с малолетства приучался Тимка к ловкачеству, каким черствым рос. Умел потихоньку, по-мелкому сподличать и тут же спрятаться за чужую спину. Но не помнится зато такого, чтобы кому-то помог Тимка бескорыстно. С детства научался он потребительскому отношению к жизни. Брал от людей легко, как должное, а оплачивал равнодушием, а то и злом.

И вот ведь что – будто одно дело делали они с Тоськой – журналы «Лапоть» и «Безбожник» пропагандировали, в поход за знаниями звали сельскую молодежь. Но, если присмотреться, – разными они были, и разные побуждения, стало быть, руководили их поступками. У Тоськи все – от полноты душевной, от горячей заинтересованности в судьбах людей, желания быть им нужной. А Тимка, на поверку-то, только собой любовался. Покрасоваться – это он любил и умел, да и о личной корысти никогда не забывал. Шкурником он всегда был – вот что. Даже тогда, на церковной площади, в ту всеобщую перед пасхой, – не за Тоську испугался тогда Тимка, за себя. Ее, Тоську, любимую свою, подставил вместо себя под угрозы бурлящей толпы верующих. И тем не менее ходил потом в героях. Тоже – искусство.

А Тоська! Бесстрашная Тоська – как она стояла тогда под черным низким небом. «Нет бога! Если есть, пусть он меня сразит!» За веру свою ни перед чем не отступала первая их деревенская комсомолка.

Это здорово повезло тогда Тимке с женой. Это за Тоськиной спиной выглядел он порядочным человеком. Это Тоськиного сердца и мужества на двоих хватало. Это Тоська, как признается через много лет сам Тимка Козырев, на вожжах его держала. «Тоська, она, брат, Тоська. Незаметно, а правила...». А остался один, без вожжей, да еще в такие страдные дни, – и выиграло, вылезло наружу все то поганое, шкурническое, что таилось в нем. И вот трагический исход: на самую последнюю низость пошел, «с головой в дерьмо окунулся...».

Пусть будет добрым ум у вас, а сердце умным будет.

С. Маршак

Писатель Н.Г. Дворцов не спешит с эффектами, броскими ситуациями. Речь его несуетна и нетороплива. Но есть в ней зато некая сосредоточенность, углубленность. Будто, охватывая взглядом детали,

черточки окружающего, сосредоточен рассказчик на чем-то своем, ведет рассказ к чему-то для него важному. Это похоже на размышление вслух, на миру, когда на наших глазах выбираются из потока жизни, анализируются, сопоставляются факты и события, расставляются психологические акценты. Каждый раз будто ведет автор тебя, читателя, вместе с собой, хочет и твоего участия в его размышлении. И может, не сразу, не вдруг, но обнаруживаешь все же – то самое «что-то», так важное для писателя, и для тебя тоже оказывается нужным и важным.

Известно, что манера письма – это в немалой мере и характер автора, как бы печать его личности. И, наверное, многое тут – в интересе к определенным деталям, во внутренней внимательности – досталось писателю от родителей. Мать, вечная труженица, видевшая в труде спасение жизни своих ребятишек и всю правду бытия. А особенно отец, вдумчивый и работающий мужик. Григорий Епифанович в церковь не ходил – исповедовал толстовство. Любил за работой потолковать с мужиками о добре и зле, умел сказать меткое слово и в других ценил это. За свою жизнь (умер Григорий Дворцов, когда его сыну Николаю было двенадцать) собрал небольшую домашнюю библиотечку, что уже само по себе было по тем временам событием для деревни немалым. Слыл человеком, к которому можно в любое время – днем ли ночью – постучаться при нужде за советом и помощью. Отличный столяр-краснодеревщик, виртуозный мастер класть печи (и не дымит, и на топливо экономна, и тепло в трубу не вылетает), добра он за жизнь свою не нажил, но доброе имя по себе оставил.

Н. Г. Дворцов внимателен в своем письме к деталям быта, обстановки и так же – к оттенкам внутренних движений в поведении персонажей, к речевым их склонностям. Он принадлежит к тем писателям, у которых очень важна сама интонация рассказывания, выступающая тут уже как авторский комментарий к тексту, оценка авторская событиям, действующим лицам.

Но нет – далеко не сразу пришло это к писателю. Не вдруг далась ему сегодняшняя размеренная, простая и естественная фраза. Он был автором уже пяти книг (больше или меньше интересных в замысле, в теме, но посредственных еще по выразительным средствам), когда

вышел его роман «Дороги в горах» (1959) – первое по сути произведение, широко замеченное читательскими кругами и имевшее обширную доброжелательную критику, но несвободное еще, однако, от издержек литературной неопытности. Но с каждой новой работой все явственнее проступала у него природная вроде бы тяга именно к такой манере письма, к такой подаче материала.

С первых шагов творчество Н. Г. Дворцова отмечено живым интересом к проблемам современности. И когда берет он в основу произведения сегодняшние события и когда обращается к прошлому – современные задачи, тревоги и надежды оказываются всегда той высотой, с которой осваивается взятый материал.

В родной саратовской степи 20-30-х годов лежит для писателя материал, к которому касается он особенно бережно. Там – дорогие ему сюжеты и коллизии, привлекательные характеры, там находит он свою достоверность для воплощения таких тем, как становление гражданина («Два дня и три ночи») или разбуженной революцией красоты души человека («Святая простота, или телега семейной жизни»).

В постоянном соизмерении прошлого и настоящего и в заботе о будущем держит писатель события повести «Два дня и три ночи». История злого гения деревенских мальчишек Гришки Леонтьева, и его меньшого братана Митьки, и простодушного Степки, околдовано взирающего на своих новых приятелей, – это история о том, через что и как пришлось пройти ребятам, прежде чем прибились они к настоящим людям.

Повествование построено так, что, следя за жизнью подростков, не забываем мы о нынешнем Степане (том самом бывшем Степке) – стареющем человеке, за плечами которого и опыт собственных заблуждений и прозрений, и багаж наблюдений над жизнью близких ему людей.

И тут возникает еще один моральный аспект, важный для понимания творчества писателя. Жизнь зло испытывала ребят. Кроме всего, отрочество их пришлось на годы разрухи и страшного голода. Голодная смерть в те дни не удивляла. Сколько затаенных надежд и тревог связывали люди с новым урожаем, как испуганно, выбиваясь из последних сил, холили, лелеяли каждый комочек земли, убивались

возле каждого хилого стебелька; и сколько много говорит теперь Степану запах обыкновенного будничного хлеба (потому что – хлеб... Хлеб!) – обо всем этом сказано в картинах осязаемо достоверных.

Но – и пусть не покажется это кому-то парадоксальным – когда Степан, переживший потом еще не одну страдную пору, вглядывается в те тяжкие годы, он не отворачивается от них, не проклинает, но находит там что-то дорогое, отрадное. Будто снова бывает подхвачен он волною братского единения с односельчанами, будто заново видит, заново понимает в себе и других большую крепкую силу. Они научились тогда видеть сердцем, узнали, как это много – в любой беде держаться правды, поддерживать друг друга, и если уж пришла она, та беда, так бедовать, не теряя достоинства и чести.

Нет, не ностальгия, не тоска по деревенскому детству заставляет нас сегодня пристальнее всматриваться в прошедшие годы.

Забота о дальнейшем нравственном развитии личности, общества в целом – одна из насущных задач современности. Замечательно говорил об этом Леонид Ильич Брежнев в своей речи на XXV съезде КПСС. Много серьезных и горячих суждений об этой проблеме прозвучало и на VI съезде писателей СССР.

Теперь уже не оставляет сомнений, что в эпоху поразительных успехов НТР, когда так быстро меняется облик земли, в особенности облик наших деревень, обращение к духовному опыту старших поколений обретает свой особо важный смысл. Запечатлеть этот опыт, не дать ему исчезнуть, обогатить им современность и передать грядущим поколениям – чтоб не распалась «связь времен», чтобы увлеченный как никогда убыстренным темпом жизни человек наш не растерял своих корней, не стал бы вести себя временщиком на своей земле, – для этого, с такой задачей работает наша литература. В этом – хозяйская забота о нравственных устоях общества, о том, в конечном итоге, чтобы характер народный оставался верен той высшей логике, что не раз за нашу историю удивляла, ошеломляла и восхищала мир.

«Возможно, многое из того, что кажется нам умершим, имеет глубинную, неприметную на первый взгляд связь с жизнью, продолжается в ней?» – такими словами предваряет Н.Г. Дворцов события повести «Святая простота, или телега семейной жизни».

Действие повести разворачивается на фоне решающих социаль-

ных, революционизирующих перемен в общественной жизни, в сознании людей.

Какая-то неизъяснимая сердечная отрада остается нам от знакомства с Петром Ениным, главным героем повести. Что-то чистое, светлое оставляет он нам, несмотря на трагичный финал его личной судьбы.

Шли 30-е годы. Лучшей, неведомой доселе стороной оборачивалась жизнь к таким, как Петр Енин. Жадный до всего нового, только теперь в полной мере ощутил и понял он, как надоело ему мытариться в одиночку. Будто душа его встряхнулась, сбросила с себя сонную оцепенелость хуторского существования. И будто спеша наверстать время, боясь что-то не успеть, проглядеть, остаться от чего-то в стороне, кинулся Петр в работу, в учебу, в общественные дела, в книги. «Рабфак на дому», курсыкомбайнеров, самостоятельное постижение премудростей новой техники (в ночные часы, как правило), колхозная столярка (начиналась она, считай, что с ничего, Петр притащил туда для начала свой столярный инструмент и даже дорогую ему семейную реликвию – токарный станок), и тут же, вместе – книги Льва Толстого, Максима Горького, Александра Фадеева и прекрасные стихи русских поэтов, и пластинки с голосом Шаляпина, и чародей Чайковский, который так душевно «приспособил» к музыке «Евгения Онегина», и много еще чего – все надо было успеть, познать, применить к делу и к своей душе.

Добрая, большая душа Енина, вмещающая в себя многое, хочет еще и еще большего. Спешит, постигает Петр и не только для себя. Каждый день и час делится он узанным с другими. Это для него тоже большая радость – дарить приобретенное. Он вообще любит людское общение, ценит его как одно из больших благ.

И у него хватает эмоциональной отваги говорить о своей любви дивными стихами самого Александра Сергеевича Пушкина.

А то вдруг захочется в степь, одному. И ни с того ни с сего вроде бы, оттого просто, что так хорошо греет солнце, захочется запрячь Сивака и поехать. «Все равно куда ехать, лишь бы ехать, смотреть на степь и думать. Он любил так – смотреть на родную степь и думать...»

Бессребреник чистой воды, живет Петр Енин по своей совести и разумению. До всякого дела даровитый, как говорят, золотые у му-

жика руки, всегда готовый с охотой помочь любому, своей выгоды он ни в чем не соблюдает. На упреки жены Анюты отвечает почти стеснительно; «Не все рублем мериться». Он не понимает, как можно тут иначе, ему даже говорить об этом неловко. Он и в колхоз записался, не спросив Анюты, которая до поры до времени умело правила телегой их семейной жизни, не потому, что хотел обмануть, обойти ее, но полагал это само собой разумеющимся. «Как можно от людей отбиваться!» А когда жена и теща возражают, планируют что-то свое, Петр задыхается от негодования; «Да на кой ляд она такая поперечная жизнь!»

В старину говаривали люди совестливые: суди меня по справедливости моей, по чистоте моей, по милосердности моей. Петру Енину такой суд вынес бы лучшую оценку.

Но – святая простота! – сам правдивый и честный, абсолютно бесхитростный, он и в других не замечал ни корысти, ни злобы, ни двуличия. А на земле живут не только енины, не такие только, как друг Енина Сергей Вуколов, или мать Енина, или тесть его.

Решительными красками поданы в повести и антиподы ениных, показана живучесть негативных типов.

Анютина мать – святоша, циничная ханжа, намеренно и со спокойствием уморившая голодом своего мужа. «За такого господь не взыщеть. Ишо другие промашки зачтеть. Не угодный он богу человек, совсем не угодный...»

Шабер (то есть сосед) Ениных Ефим, весь род которого, и отцы и деды, жизненную ловкость имели беспримерную. «Они хребет, как другие, за кусок хлеба не ломали, а кусок завсегда имели больше и слаще, чем у других». И Ефим не из рода, а в род – слова умеет говорить всегда и везде чисто правильные и знает между тем, как из маленькой зарплаты сделать большую. Наживается на своем служебном положении и оттого дураком себя не считает. Ему и голод не в голод. «Ни в теле не сдал, ни в веселости».

Исподволь подводит автор события к драме, разразившейся над Петром и Анютой. Телега их семейной жизни давно уже катилась под уклон, а поглощенный другими заботами, да и попросту не умеющий заподозрить недоброе в любом человеке, Петр Енин ничего не видел. Годы должны были пройти, прежде чем дошло до Петра, что в

доме его – тяжелая вынужденная ложь.

Уже вернувшийся с последней войны с покалеченной рукой, мучительно растерянный, уходит он из дому. «В чем был, в том и ушел на старости лет. Только струмент, какой остался от отца, взял».

Петра жалели. В глазах некоторых он казался чудаковатым. Не от мира сего – сказали бы о нем теперь, выражаясь более современно.

Но почему, но почему же тогда от дедов к внукам идет добрая и благодарная молва о ениных? Отчего же светлеют лицом, когда к слову, к разговору вспомнят вдруг о ком-то, подобном Петру Енину, или как его мамака – старая благородная деревенская женщина, способная к высшему самопожертвованию, или как отец Анюты, дошедший до смертного часа, не имея неладов со своей совестью, знавший всегда для себя, что «совесть справедливее всякого бога. С богом можно стакаться, склонить его на свою сторону, а с совестью – нет. Совесть ничо без внимания не оставлять и ничо не прощать».

За что им, этим, что слывут за чудаков и простофиль, добрая людская память?

Может, за то как раз, что заключено в них, таких характерах, некое цельное чистое ядро, что присутствием своим на земле они одухотворяют жизнь, повышают ценность человека на земле, что несут они в себе неповторимый нравственный свет народной жизни. Нарочно задачей той не задаваясь, они доказывают тем не менее, что ценность человека, становление его как личности определяется ответом на вопрос – каков ты для людей.

В окружающей нас жизни – и в прошлой, и в настоящей – привлекают Н. Г. Дворцова (и становятся героями его книг) натуры целеустремленные, умеющие пронести свою веру, свою страсть через все невзгоды и препятствия. И – что особо важно для писателя, что подчеркивает он и деталями и всем ходом своих размышлений – герой употребляет силу своего характера не для личной корысти, не для возвеличения своего собственного «я», но для служения людям. Быть нужным коллективу, отдаваться делу, призванию с упорством и страстью – это как постоянная величина нравственного, духовного склада таких героев, как прославленный зачинатель садоводства на Алтае Михаил Афанасьевич Лисавенко (документальная повесть «Нужны энтузиасты») или как другой ныне широко известный энту-

зиаст Василий Тимофеевич Христенко. О нем, ветеране Великой Отечественной войны, кавалере ордена Славы всех трех степеней, Герое Социалистического Труда, партийном руководителе нового современного склада очерк писателя «Суть».

Казалось бы, меньше говорится в очерке о самом Василии Тимофеевиче, больше – о людях, что рядом с ним и вокруг него. Но обнаруживается и не забывается, что это он, первый секретарь Шипуновского райкома партии своим талантом руководителя, своей искренней заинтересованностью в судьбе каждого человека, тактом своим, наконец, сумел создать вокруг себя партийный актив, у которого вырабатывается «свой стиль работы, отвечающий требованиям времени, интересам народа». У него – хорошая способность увидеть человека, понять, на что он способен, «к чему душа его расположена...».

Против бескрылости и равнодушия в работе он встает так, будто то его личные враги, с которыми не было, нет и не будет ни примирения, ни какого-либо компромисса. Он не терпит разгильдяйства и пустых громких фраз. Но поддерживает и всячески развивает в человеке стремление к совершенству. Он на том стоит, что каждому советскому человеку пристало быть личностью и как таковому жить делами и заботами коллектива, общества, и жить не только сегодняшним днем, но и завтрашним, но и вчерашним. Он любит повторить по этому поводу, что человек «обязан помнить все. Все. Мы ведь не какие-нибудь Иваны безродные...», и процитировать Пушкина:

– Два чувства дивны близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Такие, как он, для того работают, чтобы жизнь никогда не останавливалась, чтобы у людей, несущих жизнь, «плечи были крепкими, чтобы вынесли они многое, а потом переложили свой груз на плечи других, новых поколений, которые пойдут дальше и сделают больше... В этом – суть».

В последние годы Н. Г. Дворцов открылся еще с одной стороны, показавшейся поначалу неожиданной, – как тонкий лирик русской сибирской природы. Степняк из саратовских степей по рождению,

детству и юности, писатель с послевоенных лет живет постоянно в Барнауле, и сибирская природа стала неотъемлемой частью его бытия.

Счастливые слова приходят писателю, когда думает он об августовских ночах, березах, о неистощимой талантливости русской Зимы, о мудрости ее и благородстве или когда рассказывает о летних днях, которые «что дети малые – каждый со своим ребячьим нором».

Душевный лиризм в ощущении всего сущего в природе – этим определяется общая тональная настроенность таких созданных в последние годы вещей, как цикл рассказов «Друзья жданные и нежданные». Лирическая отточенность отличает к тому же такие создания, как «Сибирская Зима» или «Августовские ночи».

Автор умеет уловить и поэтически запечатлеть нюансы световой, а особенно звуковой гаммы Природы.

Ничего необычайного не случилось, не произошло. Просто шел снег. Первый снег. Неспешно кружили снежинки – крупные, грациозные, лопушистые. И была тихая проникновенная музыка снега – то, падая в изобилии на деревья и кустарник, снежинки тонко, едва уловимо шуршали среди не до конца опавшей листвы. «Шелест и шорох, такой тонкий и хрупкий», что человек «боясь его нарушить и потерять, долго не смел шевельнуться...» И потом – вечером дома и на завтра на работе, как только выдавалась минута затишья в служебной суете, – слышал человек «тихий и нежный снежный шорох...».

Затаенный счастливый вздох, заметы памяти о чудных мгновениях слышны в этом. А в рассказе о ночной августовской Земле – как старое дерево роняет в ночной августовской тиши зрелые плоды свои, как яблоко «зашуршит в листве, ударится о ветку и мягко спрыгнет. Иное щелкнет на высоких нотах о деревянную крышку железной бочки. А то вдруг булькнет в кадку с водой...» – в рассказе этом невольно мнится мелодия усталой нежности Природы, отдающей людям свои труды. И тихая мелодия самой старой яблони. Ее потому лишь не извели, не срубили до сих пор, что руки у хозяев не дошли. А она скрытно и верно копила по капле силы – последние, наверное, – чтобы сотворить для людей свое чудо.

Может, самое дорогое в рассказах о великих тружениках скворцах – друзьях жданных – и тех малых пташках – друзьях нежданных, –

квартир которым, как скворцам, не готовят, но которые прилетают: домой спешат, на родину, – самое дорогое в этих рассказах – общая атмосфера дружного соседства, доброжелательной заинтересованности сильного в судьбе слабого, желание защитить, оберечь. Герой писателя не холодный коллекционер своеобразных знаний – пригодится, мол, и это. Нет, любопытный до всего живого, человек он души доброй, понимающей. Близко к сердцу принимает он заботу или обиду всякого существа из отряда «братьев наших меньших», всякой малой птахи. Он так больно (будто ребенку на ногу наступил) был потрясен, когда нечаянно, по оплошке потревожил птичку с птенчиками в ее гнезде. Опомнился, когда она, беззащитная и бесстрашная, готовая на смерть ради жизни своих птенчиков, возмущенно крича, повисла на уровне его глаз.

Человек этот различает и понимает норы всякой птички-невелички (а он каждый раз свой, особенный) – беспокойного воробья или деликатной трясогузки (словами народной мудрости и народной поэзии сказано о ней у писателя: та, «которая лед на реке взламывает»), трогательного и так умеющего быть благодарным крохотуленьки поползня, или вечно озабоченного хлопотливого скворца, проявляющего во всем чувство собственного достоинства и справедливости.

Рассказы о птицах, ежах, березах, собаках, муравьях, лошадях – это в конце концов рассказы о взаимоотношениях человека и природы. В них нет назидания. А мораль их между тем проста и ясна (и в основе ее лежит мысль вполне современная): дерево или цветок, пташка малая или мураш уже сами по себе заслуживают нашего внимания и добросердечия. Своей беззащитностью перед человеком, который может изранить и убить, искромсать и затоптать, они вызывают к нашему великодушию и благородству. У того же, кто рожден быть человеком, и сердце – всегда, до конца дней его – должно оставаться тоже человеческим. И любить, и уважать надо не какое-то абстрактное животное и не природу вообще, а то, что рядом с тобой и вокруг тебя.

Писатель за то болеет, чтобы все живое, все сущее в природе верило человеку. Не обидчика, а защитника понимали в нас братья наши меньшие, и ему бы, человеку, рассказывала взалхлеб птичка-крохотулька, как спешила она из-за морей («Вот как радуется, что

дома. Добралась, малышка»). Без церемоний, с уверенностью, что только так оно и надо, обращалось бы к нему за помощью и выручкой лесное население. «А как только я выйду из домика, начинается форменный допрос. «Цити-цюри?» – допытываются с разных сторон то одна, то другая. Понимая, что такой повышенный интерес птичек далеко не праздный, я отвечаю им на полном серьезе. «Под яблонями», – говорю, – хочу рыхлить. Подходит такое? Пользуйтесь, – говорю, – моим хорошим отношением».

За то в конце концов ратует писатель, чтобы ничего из богатства чувств человеческих – от мужества и героической отваги до сострадательного милосердия – ничего не пропало бы для человека, не растерялось бы, не прошло бы стороной, мимо. Чтоб дарила ему Природа его чудные мгновенья.

В этом тоже этическая, нравственная программа автора. В этом тоже – и свежее дыхание современности с ее настойчивой заботой о гармоничной личности, и участие писателя в большой работе нашей литературы по воспитанию всесторонне красивого человека.

Идет время. Река времен, то разливаясь широким половодьем, то кипя на узких перекатах, несет наши часы и годы. Возвышает рыбных и еиных, на позорное обозрение выставляет козыревых, тянет до невидимости тоненькую нервущуюся ниточку: от одних – к чувствам простым и высоким, от других – к инстинктам свойства противоположного – все расставляет в конце концов река жизни по своим местам.

... В домашней библиотеке Николая Григорьевича Дворцова есть экземпляры собственных книг с карандашной отчетливой пометой – «рабочий». Он перечитывает изданное. Слово показалось «не то», эпитет слишком заземленным или, наоборот, немного выпреним. Труженик слова, добровольный каторжник его, писатель снова и снова перебирает, примеряет, добивается точности мысли и чувства в слове – громадным трудом добивается, чтобы на фразе его не оставалось следов рабочего пота.

Писательство стало делом жизни Н. Г. Дворцова. Но рабочий стол не заслоняет от него большого сегодняшнего дня. Писатель-коммунист, человек большого жизненного мужества, он никогда не чурался общественной работы. Поэтому избирали его люди своим депутатом

в городской Совет депутатов трудящихся, дважды кандидатом в члены крайкома КПСС, в краевой Комитет Защиты Мира, в правление Союза писателей РСФСР, секретарем краевой писательской организации. Не впервые уже редактирует Дворцов альманах «Алтай». Делает работу, как и всякую другую, за которую берется, ответственно и добросовестно, хоть и жалуется порой, что все это отбирает уйму времени и приходится отодвигать и переиначивать собственные писательские планы.

А на столе – рукопись новой книги, которой отдан уже, по сути, не один год труда. Условное название ее – «Конец и начало».

О чем она?

О тонкости чувств и бесстрашии мысли. О людях и пигмеях. О том, что качества души человека неизгладимой, печатью лежат на качестве дел его. О содержании судьбы человека, о высоком содержании судьбы народа.

Остаться строгим к себе, не успокаиваться, не размениваться на мелочную суету – не в этом ли счастливое содержание трудной судьбы писателя?

Геннадий Осипов,

корреспондент газеты «Алтайская правда»

РОДИНА НЕ ЗАБУДЕТ!

– Жив! Николай Садовников жив!

Дворцов бережно сложил номер «Комсомольской правды», принесший эту невероятную, но такую радостную весть. Тут разве усидишь дома? Побежал. Каждому встречному без конца хотелось рассказывать, что главный герой его романа «Море бьется о скалы» не погиб в фашистских застенках, а жив и работает! Жив! Здорово!

И вот к перрону Барнаульского вокзала медленно подкатывает поезд. В двери вагона показывается плотная фигура человека, который там, в аду фашистского лагеря не сдался сам и поднял на борьбу товарищей. Писатель и его герой не скрывают своих чувств...

Мы сидим в кабинете Николая Григорьевича Дворцова. Миновал полдень, мелеет на Ленинском проспекте поток машин, загораются вечерние огни, часы бьют полночь, блокнот уже не вмещает записей, а страницы удивительной жизни удивительного человека, командира боевого советского полка Садовникова, продолжают разворачиваться перед нами...

Волга. Саратов. 1911 год. В семье рабочего Василия Садовникова родился сын Николай. Трудные годы детства. С ранних лет пришлось помогать отцу содержать семью, а после его смерти остаться единственным кормильцем. Очень хотелось учиться. Днем он – столяр, грузчик, каменщик, а вечером – за парту. Неумная жажда жизни была в нем. И комсомольскими делами успевал заниматься, и в оркестре играть, и в спорте быть первым. Ну, а в субботу – на вечер, конечно.

Как легко сейчас рабочему парню получить высшее образование, а у Николая Васильевича ушло на это двенадцать лет.

Последний государственный экзамен в Саратовском мединституте был назначен на 25 июня 1941 года. Но в тот день уже пришлось принять отделение в эвакогоспитале. А военврач третьего ранга Николай Садовников рвался на фронт. В городском военкомате не знали, как отделаться от настойчивого добровольца. И он своего добился.

В Белоруссии шли тяжелые бои. Дивизия, где служил Садовников, попала в окружение. Медицинское начальство растерялось. Садовников сохранил спокойствие и здесь. Организовал вывозку раненых, потом прорыв сквозь вражеское кольцо. И все же пришел момент, когда остались вдвоем. Упрямо пробирались на восток к своим, вдруг гортанное: – Ком!

Их поставили к стенке. Здоровенный рыжий детина поднял карабин. А они стояли прямо, гордо, лишь глаза горели ненавистью.

Фашист выстрелил. Еще... Целился чуть выше головы. Хохотал, довольный остроумной шуткой. Потом били зверским боем. Опять к стенке. Снова пули впивались где-то совсем рядом, и ветер смерти шевелил волосы пленников. Они стояли прямо, гордо.

Неожиданно натешившиеся вояки отпустили их. Но на второй день Садовникова и его товарища схватили эсэсовцы.

Затем бесконечная цепь лагерей и этапов. Груды соли вместо постели в какой-то бывшей торговой базе. Несколько суток без воды и пищи. Немцы решили сразу ошеломить пленных голодом, выбить из них дух свободы. Но где бы ни был военврач Садовников, всюду находил единомышленников, живших одним желанием: бежать!

Бобруйск. Лагерь под открытым небом. Голод. Холод. Грязь. Раненые мрут. Лечат их какие-то проходимцы, позарившиеся на лишнюю банку баланды. Садовников, узнав об этом, чуть не с кулаками набросился на мерзавцев. Два дня и две ночи с добровольными помощниками перевязывал людей. А гитлеровцы уже заметили его. Отблагодарили за труд – с пометкой «политически неблагонадежен» сослали в Польшу, в Замостье. Там свирепствовал сыпняк. Скрутило и Садовникова.

Семнадцать суток температура была за сорок. Чуть ожил – осложнение на ногу. Фашисты специально приходили смотреть на него. Удивляло, что еще жив.

На самодельных костылях приковылял в барак. Каждое движение стоило огромных усилий. Ну уж, кажется, все – побежден человек. А он и не думал сдаваться. Разоблачил старосту, который присваивал себе и без того скудные пайки пленных. Добывал дополнительные порции баланды, спас этим товарищей, которые уже умирали голодной смертью. Немцам все это не нравилось. Сослали

в вымиравший лагерь. Шестьдесят тысяч человек было в нем, осталось четыре тысячи. Он тоже должен был погибнуть. Должен был... А он умел бороться и за свою и за чужие жизни.

Еще один вымерший лагерь. Польские антифашисты пытаются устроить побег Садовникова. Провал. Опять этап, где отставшего ждала пуля. Лагерь в Германии.

Фашисты ввели такой порядок. Когда в ревер (лагерный лазарет) входил их врач, – больные – все должны были стоять по команде смирно. Садовников отменил этот бесчеловечный приказ, хотя и знал, на что идет. Немецкий врач взбеленился.

– Ты коммунист! – визжал он.

И вдруг получил спокойный ответ:

– Нет, в партии не состою, но в победу коммунизма верю. Вокруг собирался народ. И Садовников решил сказать все. Не для немца, нет, для тех, кто в этом аду начал терять веру в победу. Это было страстное слово коммуниста-пропагандиста. Доктор видел, как загорались глаза пленных, как сжимались их кулаки и говорил, говорил.

Немец убежал в гестапо. Переводчик передал Садовникову, что тот спрашивал у начальника гестапо разрешения пристрелить русского врача.

– Можете, – равнодушно процедил гестаповец. Всю ночь не сомкнул глаз Николай Васильевич. Утром вышел на поверку с седой головой. Но на его счастье оказалось, что ночью немецкого врача срочно отправили на Восточный фронт.

Работа по созданию подпольной организации началась. Однако немцы что-то пронюхали, и в июле 1942 года Садовников оказался в Норвегии.

И вот лагерь близ Бергена, в местечке Лаксевог (в основном об этом периоде и пишет Николай Дворцов в своем романе). Источенные, измученные люди, люди-тени. Трудно с ними поднять восстание. И доктор поставил своей первой целью улучшить питание. Немцам сказал, что скоро некому будет работать.

– Что предлагаешь?

– Давать отдых тем, кто окончательно ослаб. Создать для этого специальную палату на сто человек.

– Сколько? Двадцать!

Договорились на сорока, положил же доктор сто двадцать. А чем кормить? Помог главный повар поляк Антон Протасевич: варил больше баланды, которую пронесли тайком.

Санитары Василий Самородский, Семен Лупехо, Леонид Степаненко и другие стали основой подпольной организации, которую возглавил Садовников (кстати, никто из пленных не сомневался, что их вожак – коммунист). Из «отдыхающих» после тщательной проверки были подобраны новые участники борьбы. Это капитан Николай Якушев, политрук Сергей Аббакумов и другие. К весне 1943-го угроза вымирания пленных от голодной смерти стараниями подпольщиков и с помощью норвежцев была ликвидирована. Так врач Садовников одержал свою первую большую победу.

Начальником штаба стал Якушев, комиссаром – Аббакумов, заместителем командира по военной части – сибиряк Иван Тихонович, которого в интересах дела удалось устроить в полицаи. Во всех командах у штаба были свои люди. Пленных разбили на роты. Одной из них командовал наш земляк Николай Дворцов. Люди рвались в бой. Достали немного оружия. Заручились поддержкой чехов из охраны лагеря и даже одного немца – вахмана. Восстание назначили на июль. Но не было связи с норвежскими партизанами, а, не зная местности, трудно было рассчитывать на успех. Решено было устроить побег Якушеву, чтобы он связался с норвежцами.

И вдруг, давно заметившие большую активность доктора, гитлеровцы изолировали его. Борьбу пленных они, однако, этим не ослабили: организация уже была сильна. Много славных дел на ее счету. А самого Садовником гитлеровцы увезли в другой лагерь, где сначала хотели расстрелять, а потом решили обречь на медленную смерть в туберкулезном бараке. И снова просчитались. Доктор выжил и опять принялся сколачивать подполье.

В который уже раз новая ссылка – в лагерь близ города Шиена. И в который раз Николай Васильевич взялся за свое. Пятьдесят человек вошло в боевую организацию. Садовников захватил коменданта лагеря с переводчиком и добился приказа охране – выпустить пленных.

В Шиене отряд доктора с восторгом встретили захватившие к

тому времени город норвежские партизаны.

Садовников создавал в Северной Норвегии госпитали для советских военнопленных, а потом эвакуировал их и в августе 1945 года прибыл в Мурманск.

Много можно еще рассказывать, как в период культа личности, борясь с недоверием, Садовников не сдался и здесь. Он снова врач, заведующий хирургическим отделением в городе Джизаке Самаркандской области. В 1958 году он стал членом партии.

А в прошлом году через «Комсомольскую правду» о его подвиге узнала вся страна. Сотни писем получил от своих товарищей по борьбе командир подпольного полка. Повидаться с ним приезжали его помощники. А Сергей Аббакумов привез обращение к нему Норвежского Отечественного фронта. В нем говорилось: «... В плену, в условиях, которые не поддаются никакому описанию, ты и твои товарищи держали голову высоко и не давали ее согнуть. Мы будем вспоминать вас с благодарностью и восхищением».

Подвиг твердых духом люди не забудут никогда! [28]

«Портрет Николая Дворцова»
Алексей Бородин (заслуженный художник России)

ОСТАНОВИТЬСЯ, ОГЛЯНУТЬСЯ

Воспоминания родных, друзей, коллег

Иван Кудинов,

прозаик, член Союза писателей России

«МЫ ЖИВЕМ НА АЛТАЕ...»

Нет, заголовок этот не мной придуман. Но известен он мне еще с той поры, когда я учился в школе и потихонечку писал стихи

В какой-то момент я к ним охладел и перешел на прозу. Толчком же к столь резкой смене моих литературных пристрастий послужил совершенно будничным случаем. Однажды кто-то из наших одноклассников принес газету «Сталинская смена» – и она пошла по рукам, с парты на парту. Дошел черед и до меня, и я, развернув заманчиво шелестящие полосы краевой «молодежки», вдруг замер, увидев на третьей странице крупный и не шрифтовой даже, а рисованный заголовок: «Мы живем на Алтае».

Однако изумил и тронул меня не сам по себе рисунок, а какая-то необыкновенная магия, певучая теплота этих четырех завораживающе коротких и звучных слов. Хотелось повторять их и повторять, как припев: «Мы живем на Алтае... Мы живем на Алтае!» – то был отрывок из повести Николая Дворцова. И я, что называется, единым духом прочитал его, удивляясь тому, что герой этой повести Валерка, задумав побег на строительство Сталинградской ГЭС, такой же неисправимый романтик и решительный оптимист, как и почти все мальчишки той далекой послевоенной поры...

Вот так впервые открыл я для себя имя алтайского прозаика Николая Дворцова и поставил его рядом с чуть раньше «открытым» поэтом Иваном Фроловым, стихи которого о Кулунде поражали своей поэтической глубиной и конкретностью:

Вдоль степного
Равнинного диска –
Поезда к колесу колесо.
В грузных «пульманах» -
Хлеб кулундинский,
На платформах –
Бурлинская соль.

А с токов люди машут и машут,
Провожая свои поезда:
– Это к Родине, матери нашей,
С хлебом-солью идет Кулунда!

Все это, как мне кажется, и сближало, роднило Ивана Фролова и Николая Дворцова, зачинателей алтайской послевоенной литературы, – проникновенное и прямо-таки «хлебосольское» отношение к великой и малой родине, к той земле, на которой жили и работали герои их произведений...

Тогда все начиналось с нуля. Так, весной 1951 года была создана краевая писательская организация – и первым ее руководителем стал Иван Ефимович Фролов, кстати сказать, единственный в ту пору на Алтае член Союза писателей. Вторым будет принят в писательский Союз прозаик Николай Дворцов, но это случится гораздо позже...

И в том же далеком, пятьдесят первом, уже распрощавшись со школой, махнул я в Барнаул, работал сверловщиком на вагоноремонтном заводе, а в октябре был призван на флот, что больше меня удивляло, чем радовало. Морем никогда я не грезил, а все помыслы свои так или иначе связывал с литературой...

Однако, скажу сразу, служба на Тихоокеанском флоте оказалась для меня невиданно интересной и счастливой. Почти год служил и учился в Школе оружия на Русском острове – времени свободного мизер, но, как ни странно, именно тогда и в тех условиях курсантской службы окрепло и обострилось во мне желание – писать!

Там, на Русском острове, и сочинил первый свой рассказ «Соперники», главный герой которого повадками и характером очень смахивал на Валерку из повести Николая Дворцова «Мы живем на Алтае». Да и событийная часть рассказа проистекала не на побережье Японского моря, а далеко отсюда, на земле алтайской... Рассказ был опубликован в многотиражке на Русском острове. Думаю, с этого момента и пошло все своим чередом.

После окончания Школы оружия попал я на вспомогательный корабль, бывший японский эскортный эсминец «Хацудзакура». Здесь, будучи комсоргом корабля и имея уйму свободного времени, начал я серьезно и много писать и печататься.

Летом пятьдесят третьего неожиданно был переведен на флагманский крейсер «Каганович» и назначен ответственным секретарем корабельной многотиражки «Вперед». И здесь уже оставался до конца службы, занимаясь любимым делом.

Ждал приказа о демобилизации: домой, на Алтай... Мы живем на Алтае! – посмеивался про себя, удивляясь: столько лет прошло, а прозаик Дворцов не забыт и название повести его врезалось в память. Других алтайских писателей, кроме Фролова и Дворцова, я пока не знал.

Разумеется, не знал и того, что за время моей службы Николай Дворцов издал три или четыре книги и совсем недавно был принят в Союз писателей – выходит, и для него 1955 год стал знаковым. Но мне тогда и в голову не приходило, что буквально каких-нибудь полгода спустя мы с Николаем Григорьевичем встретимся, познакомимся, сдружимся и почти тридцать лет будем жить и работать рядом.

Вот с таким багажом, отслужив больше четырех лет, вернулся я на Алтай.

Знал твердо: работать буду только в газете! Но где, в какой газете? Считал, есть два варианта: либо заводская многотиражка, либо одна из «районок», которых в крае шестьдесят с гаком – выбирай любую! – так сказали мне в секторе печати крайкома партии.

Однако, поразмыслив, решил я попробовать другой, самый в то время, казалось, заманчивый для меня, но почти безнадежный и недостижимый вариант.

Собрался с духом и отправился однажды на улицу Горького, 39, в редакцию краевой молодежной газеты «Сталинская смена», да, да, той самой газеты, в которой когда-то, еще будучи школьником, прочитал отрывок из повести Николая Дворцова «Мы живем на Алтае» и твердо решил: перехожу на прозу! Вот в эту газету и явился я в декабре пятьдесят пятого и (после месячного испытательного срока) остался в ней и прослужил верой и правдой ровно шесть лет.

Весной 1956-го, кадровый кризис порядком потрянул молодежную газету – срочно требовались замены да по возможности равноценные; а ко всему вдобавок (после прошедшего в феврале XX съезда партии, на котором Никита Хрущев развенчал «культ Сталина») по-

ступило строгое указание – название газеты изменить! Ну, это дело нехитрое – и вскоре вместо «Сталинской смены» начала выходить «Молодежь Алтая». Попутно и редактора заменили – перестройка пошла полным ходом, новая метла, как говорится, чище метет. Кабинет ответственного секретаря занял уже упоминавшийся Виктор Попов, шумный, колготной и всезнающий, дверь у него всегда нараспашку – входи без стука...

И в это же время появился новый заместитель редактора, Николай Григорьевич Дворцов, человек, в отличие от Попова, сдержанный, обстоятельный и добрейший – это у него и на лице было написано. Он как-то сразу, естественно и без малейшей раскочки влился в коллектив и безоговорочно стал своим.

Не могу сказать, что наши отношения с Николаем Григорьевичем по-особому складывались и выделялись, этого не было и не могло быть – тогда ничто еще, в сущности, нас не связывало. И Дворцов, полагаю, смотрел на меня и относился ко мне точно так же, как относился он ко всем остальным сотрудникам редакции – одинаково ровно и дружелюбно, не выделяя кого-то особо; а что касается нашей встречи и знакомства нашего именно здесь, в редакции краевой «молодежки», думаю, совпадение это случайное да и посылы к тому были разные.

Мое здесь присутствие продиктовано острой необходимостью – утвердиться в газете, набить руку, найти свою стежку-дорожку и, если хотите, выйти к большим темам и замыслам, что для Николая Григорьевича было этапом уже пройденным: «утверждаться» в газете ему незачем, и руку набил он к тому времени основательно. Как раз в том же 1956 году вышла у него пятая по счету книга повестей, он так ее и озаглавил: «Повести». И, как мне казалось, дал себе передышку, решив поработать в газете... Ошибался я тогда.

Но теперь-то знаю доподлинно и могу подтвердить, что именно тогда, будучи заместителем редактора молодежной газеты, Николай Григорьевич работал без передышки, завершая вчерне рукопись первого своего романа «Дороги в горах», а еще ж и набело надо было переписать, очистить текст от всевозможных охвостьев и сорняков... Работа адова! – как говорил поэт.

Тем не менее, насколько помнится, Дворцов и в то время выгля-

дел бодрым, подтянутым и аккуратным предельно – утром как штык являлся на службу, не позволяя себе самой малейшей расхлябанности, по его утренним явкам в редакцию можно было сверять часы.

Однако сказать, что Дворцов сиднем сидел только в редакции, тоже нельзя, не отлынивал он и от командировок, нередко выскакивал на денек-другой в какой-нибудь ближний, а то и отдаленный район – пустым никогда не возвращался: проблем и различных тем в любом районе хватало. Так что командировки для газетчика – привычное дело.

Однажды столкнулись мы в узеньком редакционном коридорчике, и Николай Григорьевич, пожав мне руку, воскликнул шутливо: «Ну, вот, на ловца и зверь бежит! А я как раз пошел тебя разыскивать. – Есть предложение, – сказал он потише, но с еще большей загадкой. – Зайдем ко мне, – кивнул на дверь своего малюсенького кабинета.

Мы зашли, и Николай Григорьевич, не садясь за стол, а стоя рядом со мной, коротко изложил суть предложения: «Ну, ты знаешь, конечно, что в крае началась уборка озимых, – сказал он. – А заодно и всюю еще продолжается заготовка кормов – пора жаркая и ответственная. Вот это и надо хорошо показать, и рассказать об этом в большом и добротном репортаже, а может, и не в одном...

Проедем по двум-трем самым хлебным районам, – весомо добавил. – Маршрут сам напрашивается: Пospелиха-Шипуново-Алейск. Ну, что скажешь?» – «По-моему, интересный маршрут», – осторожно похвалил я, не во всем еще до конца разобравшись. «Вот и готовься! Отправимся завтра», – распорядился Николай Григорьевич. – «На поезде?» – уточнил я. «Нет, поедем на машине. Миша уже знает и готовит свой «танк».

А ты зайди в бухгалтерию, – подсказал, – и получи командировочные. И с Мишей договоритесь... Утречком пораньше завернете ко мне – и покатым по холодку. Действуй, – и бросил вдогонку, когда одной ногой я ступил уже за порог: – Да, кстати, вместе с нами поедет еще один человек. Геннадий Гоц, знаешь такого? – нет, такого я не знал. – Ну, как же так?! – нарочито удивился Дворцов и вроде даже расстроился, изобразив на лице огорчение. – Это же инструктор ЦК комсомола. Между прочим, Геннадий Сидорович Гоц – куратор всего нашего юго-западного околотка, очень важная птица. Его и в Новоси-

бирске знают... – добавил пугающе и, засмеявшись, успокоил меня: – Да ты не горюй, по дороге познакомитесь. Не так уж страшен черт...»

Именно так все и вышло. Геннадий Сидорович Гоц вовсе не «чертом» оказался, а вполне живым и добрым малым, примерно моего возраста. Потому и познакомились мы без всяких величаний и сразу же, не сговариваясь, уместились на заднем сиденье, охотно уступив переднее кресло, рядом с водителем, Николаю Григорьевичу. Все, как положено, по старшинству: командир впереди! – дружно определились мы и неизменно придерживались этой диспозиции.

Поездка наша была не только полезной, но и веселой, надо сказать. Видавший виды редакционный Газ-69 (под водительством Миши Воротникова) за три дня исколесил немало дорог, а случалось, одолевал и бездорожья; побывали мы, как и намечали, во многих шипуновских, поспелихинских и алейских совхозах и колхозах, встречались с людьми самыми разными – агрономами и механизаторами, парторгами, комсоргами и животноводами, руководителями крупных и мелких хозяйств...и непременно заглядывали в райкомы комсомола, где инструктор ЦК ВЛКСМ и куратор юго-западной сибирской зоны Геннадий Сидорович Гоц чувствовал себя, что рыба в воде, атмосфера ему знакомая...

Впрочем, он и на воде отменно держался – нырял и плавал на совесть. Это мы вскоре увидели. Погода стояла горячая – лето достигло вершины! Да и наездились мы в тот день изрядно. И Николай Григорьевич (видать, невмоготу стало от жары) вдруг предложил: «Ну что, братцы, не сделать ли нам привал? Заодно и в речке поплещемся». Вздох оживления был ответом. А Миша разом воспрянул и ждать повторных указаний не стал, круто повернул «газик» и погнал к Алею, бурча себе под нос: «Сейчас я покажу вам шикарное местечко, сейчас... Райским уголком называется».

Водная гладь Алея, совсем уже близко придвинулась и блестела заманчиво, как бы плавая под солнцем. Лихо развернув машину и поставив правым бортом к реке, Миша мягко притормозил и, распахнув дверцу, весело скомандовал: «Взвод, в ружье!» Нас, как ветром, вынесло из брезентовой духоты. От близкой реки тянуло свежестью. Кто-то из нас даже присвистнул в предвкушении манящего удовольствия...

Николай Григорьевич не спеша снял взмокшую на спине рубашку, кинул на приоткрытую дверцу «газика», прошел вдоль берега, тотчас повернул обратно – слева зеленели густые заросли тальника, а еще ниже пологий скат длинной грядой сбегал к самой воде, бугрясь желто-серыми песчаными дюнами. «Насчет райского уголка, похоже, Миша загнул малость, – сказал Николай Григорьевич, посмеиваясь, – но, в общем, вполне удобное место... Вполне».

А мы уже наготове. Наш «куратор» мигом облюбовал бугор, трамплином нависавший над водой, и стоял на нем, как на пьедестале. «Осторожно, Геннадий Сидорович! Не упади», – предупредил Миша, явно насмешничая.

«Не робей, Миша, жду тебя на том берегу», – весело отозвался Гоц и, оттолкнувшись всем корпусом, прынул с двухметровой высоты этакой ласточкой – вода почти без всплеска скрыла его и долго не отпускала, нет его, нет и нет... мы уже забеспокоились, когда, наконец, он вынырнул далеко у противоположного берега и призывно помахал рукой.

Миша, видать, задетый за живое, решительно и без малейшего промедления ринулся с того же бугра в алейскую воду – и долго его не было видно. Однако как ни старался, но всплыл он гораздо ближе, чем по-боевому настроенный в этот день комсомольский куратор.

Мы же с Николаем Григорьевичем, зная свои возможности, и во все не вмешивались в столь недоступное нам подводное состязание – вошли в реку, окунулись раз-другой и спокойно поплыли к тому берегу, где Миша Воротников и Геннадий Гоц, завершив свои первые заплывы, стояли рядышком по пояс в воде и дружески живо о чем-то беседовали.

Вот в этот момент и подкатил к нашему газиду, стоявшему на слегка возвышенном левобережьи Алея, пропыленно-серый юркий «москвич», дверцы его враз отворились, и двое мужчин, выйдя из машины, приветственно помахали нам: «Ну, как водичка? – крикнул один из них, уже держа в руках фотоаппарат, и громко (наверное, чтоб слышали мы) речитативом пропел: – С «лейкой» и с блокнотом, а то и с пулеметом...» – и мы сразу поняли: наш брат, газетчики, но кто, откуда? А он засмеялся и сказал: «Пулеметов у нас нет, а вот «лейка»

наготове. Внимание! Прошу не моргать и не двигаться», – и трижды щелкнул затвором.

Оказывается, кем-то уже упрежденные, они знали, кто мы и откуда, хотя и мы в догадке своей не ошиблись: ребята были сотрудниками алейской райгазеты – так что снимки нам гарантировались.

Помню, много лет спустя обнаружил я в своем безалаберном фотоархиве изрядно подзабытую небольшого размера, но четко отпечатанную и хорошо сохранившуюся карточку, где мы запечатлены вчетвером: Миша Воротников и Геннадий Гоц стоят друг против друга по пояс в воде и живо толкуют о чем-то веселом (что видно по их лицам и выразительным жестам рук); а чуть поодаль от них, четко схваченные объективом, на бережку, среди песчаных дюн, сидим мы с Дворцовым и, глядя на разгоряченных пловцов, смеемся от всей души.

Позже мне казалось, что не будь этой фотографии, не сохранила бы память столь живой и отчетливый слепок нашей поездки. Глянул на снимок – и все как на ладони!

А может, причина не в снимке, а в чем-то другом? Таких поездок за годы газетной работы перебивало не десятки, а сотни, запомнились же лишь единицы и те обрывочно и смутно, как давние сновидения. Но эта поездка (кстати, единственная наша совместная с Дворцовым) оставила в памяти зарубку.

Однажды поймал себя на мысли: именно тогда, после той совместной поездки, мы с Николаем Григорьевичем сблизились и впоследствии (на протяжении почти тридцати лет) жили не просто как «соседи по времени», а как близкие люди, относившиеся друг к другу с большим взаимным вниманием, пониманием и, если хотите, даже не дружеским, а неким более глубоким и сокровенным чувством братского доверия... Так что любая фотография была бы тут лишь сбоку припека.

Помню, вернувшись из той «веселой» командировки, мы с Николаем Григорьевичем, не откладывая в долгий ящик, подготовили большой очерковый репортаж о начале хлебной страды на Алтае, прямо-таки пахнущий, как мне казалось, свежим зерном и половой, который срочно был разверстан чуть ли не на весь газетный разворот «Молодежки» и подписан двумя авторами – «Н. Дворцов, И. Кудинов».

Не скрываю, мне было приятно такое соавторство – и в душе я немножко гордился. Думаю, Николай Григорьевич, имевший за плечами более солидный жизненный и литературный опыт, относился к этому гораздо проще и спокойнее. Так или иначе, но повторяю, личные отношения наши с той поры заметно потеплели, становясь впоследствии все более доверительными, а то и попросту свойскими.

И ничто, казалось, не могло уже этому помешать.

А вот славный парень, инструктор ЦК ВЛКСМ и куратор сибирский Геннадий Гоц, вернувшись из совместной с нами командировки, как-то враз выпал из нашего круга – и больше мы его не видели.

И вдруг, много лет спустя, совершенно случайно слышу по радио: «Нашим собеседником был известный критик и литературовед Геннадий Сидорович Гоц». Ничего себе! – ахнул я, удивленный до крайности, «известный критик», а мы о нем ничего не знали... Неужто это тот самый комсомольский куратор, который так лихо с Мишей Воротниковым, нашим редакционным шофером, наперегонки чуть ли не весь Алей переплывал под водой? А может, нынешний критик тому инструктору комсомольского ЦК всего лишь полный тезка? Ведь и фамилия, имя, отчество – все совпадает...

Не удержался я, снял трубку и позвонил Дворцову.

Николай Григорьевич выслушал и спокойно рассудил: «А что, вполне возможно, парень-то он головастый...» – «И как же мы тогда проглядели в нем... критика?» – говорю с явною подковыркой. «Так он же все время был под водой, как ты его разглядишь...» – смеется Дворцов.

Поговорили мы так вот шутя, посмеялись, вспоминая тот давний и развеселый момент во время купания в Алее, когда Миша Воротников и Геннадий Гоц выясняли, кто из них лучший ныряльщик...

Прошло много лет с тех пор, а вспомнишь об этом – и непременно улыбнешься. Пустяк? Но ведь это частичка нашей жизни.

Вот и сегодня (летний вечер, 17-й год XXI века) сижу за ноутбуком и слово за словом пытаюсь воспроизвести в своем, скажем так, мемуарном эссе хотя бы тысячную долю того, что с нами происходило, как работали мы и дружили, ссорились и мирились, помогали друг другу в трудные часы и минуты...

Сажу за ноутбуком и вспоминаю Дворцова в его, может быть, наиболее счастливые и плодотворные годы, включая сюда и нашу совместную работу в газете, и ту неповторимо удачную и незабываемую поездку по самым «пшеничным» районам края...

Впрочем, из газеты Николай Григорьевич вскоре ушел, как он сам говорил, на вольные хлеба. Хотя причина крылась гораздо глубже – наступают моменты, когда газетная и литературная работы становятся несовместимыми.

Знаю, именно в ту пору Дворцов, что называется, плотно засел за свой первый роман «Дороги в горах». Он долго и основательно к этому готовился, не раз побывал в Горном Алтае, прошел и проехал многими горными тропами и дорогами, написал большой очерк «В долине Урсула», вышедший пару лет назад отдельной брошюрой в Горно-Алтайском книжном издательстве, что и послужило, как нетрудно догадаться, отправной точкой для будущего романа. Николай Григорьевич и сам не раз говорил, что, де, «урсульский» очерк это всего лишь вешка на пути к более крупной художественной вещи... Вот над этой «вещью» он и работал в ту пору.

Однажды, не помню по какому неотложному поводу, забежал я к Дворцову, жившему тогда где-то в районе многочисленных не то Алтайских, не то Прудских улиц, дом, кажется, был деревянный, с потемневшей тесовой крышей и, разумеется, без всяких особых удобств, что меня вовсе не удивляло – в те послевоенные годы очень многие ютились и не в таких условиях... Но тут ведь речь шла о писателе, которому нужен угол для работы. Впрочем, Николай Григорьевич не жаловался, но признавался: «Тесновато, конечно, семейка растет, а квартира не расширяется».

У него было три дочери – две младшие еще дошкольницы, а старшая уже пионерка. Николай Григорьевич оживал, когда разговор касался семьи: «Мне везет на женщин», – говорил он, посмеиваясь. О работе я его не расспрашивал, он сам, провожая меня, как бы вскользь обронил, когда я был уже у двери: «А роман мой, похоже, идет к завершению», – выдохнул, будто гору с плеч свалив, и согнутыми пальцами постучал по косяку, что проделал и я вслед за ним, весело отозвавшись: «Ждем, ждем, Николай Григорьевич, будем читать...»

Дворцов был в хорошем настроении и, как мне казалось, жил в

ожидании чего-то еще лучшего. И, надо сказать, 1957 год не обманул Николая Григорьевича, действительно став для него знаковым. Роман был закончен и с ходу опубликован в одном из номеров альманаха «Алтай», заняв львиную часть всей площади – больше ста журнальных страниц. Лучшего подарка к своему сорокалетию Николаю Григорьевич и желать не мог! Словом, «обкатка» была удачной. Журнальная публикация – это ж сродни ходовым испытаниям нового корабля перед большим плаванием...

Так что все шло по плану. И даже сверх плана! В 1959 году роман Николая Дворцова «Дороги в горах» почти одновременно вышел в двух издательствах – Новосибирском и Алтайском. Вообще-то, такие «спаренные» издания (одной и той же книги одновременно в разных издательствах) строго возбранялись, хотя исключения бывали, конечно... Так или иначе, но дворцовские «Дороги в горах», получив столь весомые преференции, можно сказать, единым махом разошлись по всей Сибири. Позже роман переиздаст популярное в то время столичное издательство «Советская Россия» – но это был уже пройденный этап.

Николай Григорьевич сразу же, не переводя духа, как только «Дороги в горах» вышли в свет, засел за новый роман – давно выношенный, мучительно тянувший к себе и не дававший покоя даже во снах, как старая незажившая рана, выстраданный, казалось, не только всем нутром, но и каждой клеточкой, задубевшей за три года под холодным норвежским небом собственной кожи...

Потом, в минуты душевной распахнутости, Дворцов признавался, как долго ему не давалось начало: что ни напишет, тут же и вымарает – не то, не то, не то!.. Зажмурил глаза от бессилия – и вдруг все ясно увидел и услышал, как будто само по себе начало, уже давно готовое, легло ему в руки: «Низкое лохматое небо сеяло почти невидимую водяную пыль. Впереди колонны, с боков и сзади – штыки. Сплошной частокол штыков. Мокрая, холодно-синеватая сталь поблескивает с угрожающей ненавистью. Такая же угрожающая ненависть в глазах и на мокрых синеватых лицах конвоиров. Колонна, миновав круглую опрятную площадь, вышла на улицу. Трак, Трак. Трак, – тарыхтят о скользкую брусчатку деревянные подошвы пантофель...» – перо скользит по бумаге, теперь его не остановить.

Позже, когда работа подойдет к завершению, Николай Григорьевич однажды как бы мимоходом, вскользь обронит: «А пантофели те, что колодки кандалные, иногда в кровь сбивали ноги...» – как будто, работая над романом, он снова надел эти «пантофели» деревянные и сбил в кровь не только ноги, но и саму душу свою, вновь и вновь переживая то, что было испытано за три года в фашистском концлагере, под сенью неприветливо-скалистых и неуютных берегов Норвежского моря... Вот отсюда и название романа «Море бьется о скалы» – метафора емкая, живая и очевидная.

Роман, в сущности, задуман еще в сорок седьмом (после переезда Дворцова в Барнаул, где жили в то время его мать и брат), но тогда опыта для такой сложной работы явно недоставало, и роман был отложен. Вернулся к нему Николай Григорьевич лишь через одиннадцать лет. Столь длительная пауза вполне оправдала себя – и хотя пришлось начинать все с нуля, роман был написан в небывало короткий срок; в конце шестидесятого завершен, тщательно вычитан, а в первой половине 1961 года начались, что называется, «ходовые испытания» – хорошую обкатку роман прошел в двух номерах альманаха «Алтай».

А там уже наготове краевое книжное издательство – все шло по графику, как и предусмотрено планом. Пятнадцатого июня роман был сдан в набор, а двадцать второго сентября подписан к печати... Понадобилось всего лишь три с половиной месяца, чтобы подготовить и выпустить в свет 115-тысячным тиражом одну из самых, наверное, горьких и глубоко выстраданных книг Николая Дворцова – роман «Море бьется о скалы».

Перед новым 1962 годом роман поступил во все книжные магазины и киоски Союзпечати, разослан был по заявкам во многие города Сибири – однако уже летом того же шестьдесят второго найти его на книжных прилавках было крайне затруднительно, а потом и вовсе невозможно, опустели даже самые потаенные книжные загоны... И хотя тираж романа «Море бьется о скалы» был довольно большим, можно сказать, сверх массовым – спрос читательский оказался куда как более значительным, превзойдя все расчеты и ожидания Книготорга.

Впрочем, выход из сложившейся ситуации был прост – повторить

издание. Такое решение приняли не с кондачка, но очень скоро. Тем более технических сложностей не предвиделось, все на мази, даже старый набор не рассыпан... Запускай печатный станок – и шлепай.

Что и было сделано в 1963 году. Однако и тираж повторного издания не смог насытить книжный «рынок» – роман «Море бьется о скалы» буквально был сметен с прилавков... И тогда вдогон за вторым изданием последовало третье – в 1964 году.

Кстати, в этом же, 1964-м, в столичном издательстве «Советская Россия» вышел и другой роман Николая Григорьевича – «Дороги в горах».

Счастливое совпадение? Мне кажется, не только счастливое, но и закономерное завершение десятилетнего периода – от первой книги «Мы живем на Алтае» и до последних изданий двух романов, как бы завершающих самый, хочется верить, счастливый и плодотворный период творческой жизни и работы писателя Николая Григорьевича Дворцова, ему же в это время исполнилось всего лишь сорок семь – и многие книги его были еще впереди...

Между тем и в мою жизнь именно этот период привнес немалые перемены: в конце 1961 года вышла первая моя книга «Цветы на камнях». В последнее время все чаще подумывал я о том, что рано или поздно придется сделать выбор: литература или газета? Тащить разом два одинаково тяжелых воза и, тем более, совмещать их, эти «воза», невозможно. В 1964 году, пересилив себя, ушел я из журналистики. Навсегда!

И вот теперь, когда я был совершенно с в о б о д е н, уйдя, как считалось тогда, на вольные хлеба, вдруг увидел и понял, почувствовал всем нутром, что никаких «вольных хлебов» нет в природе (они лишь в нашем воображении), ибо всякий хлеб насущный добывается только трудом...и трудом нещадным. Иного человеку не дано! Особенно человеку пишущему...

Помню, столкнулись мы как-то с Дворцовым в издательском коридоре, давно не виделись, обрадовались друг другу (во времена собкоровской моей занятости не до того было, а тут на тебе – нос к носу): «Ну, брат, это знак добрый, когда писатели встречаются здесь, в коридорах издательства, – пошутил Николай Григорьевич, крепко встряхивая и пожимая мне руку. – Значит, жди новых книг, – подчер-

кнута весело и чуточку иронично подытожил, сощуриваясь и, казалось, просвечиваясь каждой складкой брутально крупного, жесткого и по-мужицки правильного лица.

Не сговариваясь, мы прошли в глубину коридора, к окну («насиженный» издательский угол для всяких кратких и ни к чему не обязывающих, так сказать, вербальных разговоров), прислонились к широкому подоконнику, и Николай Григорьевич, точно угадав мои мысли, спросил: – Ну, как привыкается к полной свободе?» И я в тон ему ответил: «Привыкается легко. А вот как будет отвыкаться...»

Он коротко покивал, пряча ухмылку: «Вот, вот, и я это же хотел сказать. Ты прав, излишняя свобода зачастую мешает нам, – сказал он через секунду, как бы соглашаясь со мной, хотя, кажется, ничего подобного я не утверждал. – Так что иногда такую свободу не грех и укоротить – иначе ничего хорошего не выйдет. Говорю это с оглядкой на свой опыт, – добавил он мягче, будто оправдываясь.

И, чуть помешкав, спросил: – «Пишется?» – «Стараюсь», – слегка скрытничая, чтобы, наверное, не сглазить нынешнюю свою работу, отвечаю. – «Новая повесть?» – пытливо поглядывая из-под густых рыжеватых бровей, уточнил Николай Григорьевич. «Да, тема для меня совершенно новая, – охотно признаюсь, не видя в том большого секрета. – «Городская жизнь» называется, условно, конечно...» – выложил еще одну малость.

«Городская жизнь? – повторил Николай Григорьевич, по-моему, без всяких кавычек, имея в виду не название моей повести, а саму жизнь городскую и как бы взвешивая что-то в уме. И тут же сам себе подсказал: – Вот это и есть главное – чтобы работалось хорошо! А городская... деревенская... не в том суть. Кстати, тебе не кажется, что название немножко манерное?» – вдруг он спросил. «Да? – удивленно глянул я на него. – Вы так считаете? Надо подумать, посмотреть...» – озаботился я всерьез. Подмывало спросить Николая Григорьевича: а что же он пишет, над чем сейчас работает? Но что-то помешало, и разговор наш ушел в сторону... Впрочем, вскоре и без того все выяснилось.

Летом 1966 года Николай Григорьевич издал новую повесть «Опасный шаг», в центре которой судьбы, характеры молодых людей, любовь и ненависть, поиски нравственных опор и неизбежные

провалы там, где опоры эти были непрочными... Николай Григорьевич очень серьезно относился к этой повести, возлагал на нее большие надежды, считая, что повесть «Опасный шаг» способна помочь молодым людям найти свою дорогу, уберечь их от многих неверных шагов и тяжких, непоправимых ошибок...

Однако позже и сам понял (и жизнь подсказала ему), что ждать и требовать от литературы таких подвигов не стоит – литература не учебное пособие. К тому же лучшие повести Николая Дворцова были еще впереди – такие, скажем, как «Двое в палате», «Святая простота, или Телега семейной жизни» и особенно я бы выделил «Два дня и три ночи»... но это мое личное восприятие.

Ранней весной 1967 года (еще по талому снегу) «телега жизни» Дворцова сделала крутой поворот – и Николай Григорьевич, сам того не чая, возглавил краевую писательскую организацию... Избрали его единогласно. Он был тронут, но внешне спокоен и предельно краток: «Спасибо за доверие. Будем работать вместе», – лапидарность дворцовская, впрочем, другие слова в тот момент, наверное, и не требовались.

Между тем год 67-й и для меня выпал удачным. Этой же весной, ближе к маю, в Союз писателей были приняты разом (можно сказать, в один присест строгой московской приемной комиссии) три алтайских прозаика – Георгий Егоров, Иван Кудинов и Виктор Попов. Разумеется, первым известил нас об этом и поздравил с отнюдь не будничным событием Николай Григорьевич – он рокотал в трубку низким неспешным голосом и, похоже, радовался доброму случаю больше самих именинников. Еще бы не радоваться – сразу тройня родилась! – острили наши молодые и амбициозные поэты, явно завидя более опытным прозаикам, опередившим их на крутом выраже... А ну-тка, салаги, догоняйте стариков!

А потом «телега» моя сделала и еще один хороший поворот. Осенью того же шестьдесят седьмого уехал я в Москву на Высшие литературные курсы – зачислялись туда исключительно только члены Союза писателей.

Два года проскочили незаметно. А летом шестьдесят девятого, вернувшись на Алтай, обнаружил я, что Николай Григорьевич уже вторично избран секретарем писательской организации; он сам об

этом при первой нашей встрече как бы мимоходом обронил: «Вот, мотаю уже второй срок, пока ты там в столицах отсиживался... – и разом заглушил нарочито жалобный тон, весело прогудев и пожав мне руку: – Ну, с прибытием! Не хотелось в Москве зацепиться? – на всякий случай поинтересовался, я только головой мотнул.

Николай Григорьевич одобрительно тронул меня за плечо: – Правильно! Дома и стены помогают... Ну, а мы тут понемножку подрастаете, – сообщил, как-то незаметно перейдя на деловой лад, – писательская организация недавно пополнилась еще одним членом Союза...» – «Поэт?» – попытался я угадать. «Нет, опять прозаик, – улыбнулся Дворцов, – поэты чуть приотстали. Но настроены по-боевому. А в Союз принят бывалый рассказчик и краевед Петр Антонович Бородин...» – продолжал вводить меня в курс повседневной писательской жизни.

Новостей накопилось изрядно, всего сразу и не припомнишь. Но самой большой для меня новостью оказалось то, что Дворцов, оставив где-то у черта на куличках свое старое жилище, поселился теперь в самом центре города, на проспекте Ленина, 49... «А ты не знал? Так это ж наискосок от мединститута, тут все под рукой, удобно... – пояснил он, просветлев лицом, и как-то сразу, легко и живо пригласил: – Заходи в гости. Квартира двадцать первая. Можешь и телефон записать: пять, сорок семь, десять...» – все это, думается, выложил Николай Григорьевич не по простоте душевной, как могло показаться (простаком никогда он не был), скорее от широты душевной, а может, и того больше – от всей души...

Нет, не могу сказать, что был я частым гостем в этом доме, но в случае какой-то необходимости мог забежать и делал это запросто и с большим удовольствием. Тем более, что буквально год спустя после моего возвращения из Москвы мы с женой и маленьким сыном переселились в этот же район, жили на том же проспекте, почти рядом, в пяти минутах ходьбы...

Между тем Николай Григорьевич в тот период довольно серьезно и активно увлекся, как он сам говорил, «конкретикой», написал документальную повесть «Нужны энтузиасты» о недавно умершем знаменитом алтайском садоводе Лисавенко, публиковал очерки о сотрудниках научно-исследовательского института садоводства Си-

бири, основателем и руководителем которого был и оставался до конца жизни Герой Социалистического Труда, дважды лауреат Государственной премии, академик Михаил Афанасьевич Лисавенко.

Дворцов хорошо знал его, не раз с ним встречался, разговаривал и, похоже, под его влиянием сам обратился в завязанного садовода. Ну, насчет «завязанного садовода», может, слишком сказано. Однако лицом, а точнее сказать, душой к природе Николай Григорьевич явно повернулся – и началом тому стало, как мне кажется, приобретение собственной дачи.

Не могу точно сказать, в какую пору это случилось – то ли еще при жизни Лисавенко, то ли несколько позже, когда НИИ садоводства Сибири им. М.А. Лисавенко возглавила ученица и преемница великого садовода Ида Павловна Калинина, изумительная женщина, умница и выдающийся специалист, как не раз и с каким-то особым восторгом превозносил ее Николай Григорьевич. И я однажды, посмеиваясь, сказал ему с шутливым уколком: «Вы о ней так говорите, будто по уши влюблены?». Он ответил спокойно, ничуть не смутившись: «А вот познакомишься с Идой Павловной да пообщаешься, поговоришь с ней по душам и сам поймешь – в такую женщину не влюбиться нельзя...»

Впрочем, Николай Григорьевич с таким же (а может, и с еще большим) восторгом отзывался и о своей даче, в которую действительно был влюблен. «Домик у нас маленький, – говорил он, – но там и без того простора хватает. Там, на свежем воздухе, как на парном молоке, и телом крепнешь, и душа отдыхает, и всякий сумбур из головы вылетает вон...»

Мне довелось не однажды бывать на этой дачке дворцовой. Помню, как впервые шел я узкими садовыми улками-переулками, держа в уме подсказку Николая Григорьевича («домик у нас маленький»), смотрел налево-направо и удивлялся сплошному однообразию: почти все домики казались один другого меньше, лишь изредка на общем фоне мелькали более или менее солидные строения – массовые же садоводческие застройки в то время строго лимитировались, так что никаких двухэтажек да еще и с резными балконами-лоджиями, а то и с банькой бревенчатой под боком (упаси бог!) не было тогда и в помине, не могло быть.

Домик Дворцова был действительно маленький, но добротный.

Он был любовно построен собственноручно Николаем Григорьевичем по его специально подготовленным чертежам. Открыв дверь входную, я ступил через порог и сразу же оказался на застекленной веранде, потом в комнате, узенькой и единственной – тут тебе и гостиная, и кабинет, и спальня заодно... Справа от входа, изголовьем к торцевой стене, стоял низенький плетеный топчан, укрытый иссиня-черным шерстяным одеялом, а в противоположном углу того же торца ютился маленький столик, другой мебели я не заметил; а потом и вовсе перестал замечать – не это было главным.

Дышалось тут и вправду легко. Мы вышли из домика, и Николай Григорьевич приостановился, как будто к чему-то прислушиваясь, и тихо сказал: «Вот здесь, батенька, и живу я, роскошествую вместе с друзьями своими жданными и нежданными...» – «Что это за друзья... жданные и нежданные?» – любопытствую. Он посмеивается: «Это я их так называю, крылатых своих друзей... Вон послушай, – приложив палец к губам, насторожил меня. – Молодые скворцы бормочут, переговариваются... Между прочим, скворцы не хуже попугаев умеют подражать человеческим голосам». – «Да ну?! – искренне удивляюсь. – Никогда не слышал». – «О, брат, – подхватывает Николай Григорьевич, – скворцы, прямо скажу, народ деловой, работающий, время даром не тратят... не то, что воробьи – у тех вечный базар и шумиха-неразбериха. А вот длиннохвостые трясогузки другой коленикор, культура другая...» – говорит, усмехаясь, и такие подробности о желтых трясогузках выдает – диву даешься.

Нет, таким Дворцова я не знал, а этот Дворцов был для меня открытием. Вот как природа может образовать и даже в корне изменить человека! – думалось тогда, под впечатлением той изумительной нашей встречи.

Однако вскоре повернулось так, что эпизод этот дачный показался лишь бледным предвестием событий гораздо более значимых.

А началось все с телефонного звонка. Звонила Каролина Ивановна Саранча, редактор нашего издательства, и очень просила отрецензировать новую повесть Дворцова. Согласился я без всяких отговорок и колебаний – мне ж и самому интересно было еще в рукописи прочитать повесть Николая Григорьевича, о которой ничего он не говорил – не принято об этом (суеверие писательское) раньше време-

ни выбалтывать...

В тот же день забежал я в издательство, и милейшая Каролина Ивановна из рук в руки передала мне аккуратно вложенный в целлофановый пакет машинописный экземпляр, титульный лист которого хорошо просматривался: «Николай Дворцов. Два дня и три ночи. Повесть».

«Хоп!» – вырвалось у меня. «Что-то не так? – насторожилась Каролина Ивановна. «Нет, – говорю, – все так. Только вот название повести отсылает к известному роману Фёдора Абрамова «Две зимы и три лета». Вы не находите?» – «Нахожу, – как-то неопределенно кивнула Каролина Ивановна. – Но я вас прошу: прочтите повесть – и если у вас останутся эти сомнения, тогда будем советоваться с автором...» – по тону ее ответа было похоже, что на этот счет она, как редактор, имеет свое особое мнение, которого из деликатности и профессионального долга не может и не станет навязывать мне. Все, как и предполагается.

Повесть, можно сказать, проглотил я в тот же вечер – и буквально в один присест. Положил перед собой открытую рукопись и невольно улыбнулся, прочтя изначальную фразу: «Домик у меня в саду небольшой, но летом жильцов в нем собирается предостаточно, – как будто не повесть я начал читать, а услышал неторопливый и глуховато-низкий голос Дворцова, который и повлек меня за собой, попутно рассказывая: – Сверху, над коньком крыши, – скворцы в своем особняке на шесте, с боков, под застрехами, – воробьи, а в карнизе, над застекленной верандой, – трясогузки...» – говорил он, будто не роняя слова, а нанизывая их, как спелую землянику, на зеленые стебли лесной травы. Ах, какие чудные гирлянды!

Казалось, так и пойдет дальше – тишь да гладь, да божья благодать, птичий перепев поутру, дачные труды и душевное равновесие... нет, нет, повесть не лишена этого лирического начала, напротив, пронизана им насквозь; но где-то в глубине вдруг возникает иное течение, более мощное и бурливое, другое начало – и слышен все тот же неторопливый и глуховато-низкий дворцовский голос: «Чайник укрыт для «напрева» полотенцем. Горит, уютно шипя и потрескивая, лампа. Серая толстая бабочка, привлеченная светом, с глупой настойчивостью бьется снаружи в оконное стекло... – кажется, вздыхает, делая

паузу, и продолжает: – Беру краюху бородинского хлеба – он успел порядочно зачерстветь, отрезаю ломоть и подношу ко рту.

Тонкий запах, такой привычный, повседневный и, может быть, оттого зачастую совсем не ощущаемый, отбрасывает меня в прошлое, в просторы заволжских степей...» – и я, уже не в силах оторваться, оказываюсь в тех же заволжских степях, откуда и начинается нелегкий, подчас ухабистый и тяжкий путь героя (он же и автор) этой повести, которую, кажется, я и не читаю, а вместе с ними проживаю, шестьдесят три машинописных страницы на одном дыхании – повесть маленькая, но замешана круто.

Наутро, едва проснувшись, спешу за стол, чтобы по горячим следам написать свой отзыв-рецензию. И делаю это махом и с большим удовольствием – повесть, безоговорочно, мне понравилась, хотя при желании можно к чему-то придраться, найти «огрехи», но делать этого не хочется.

Этим все и сказано: «Повесть Н. Дворцова «Два дня и три ночи» подкупает ясностью содержания, искренностью и неподдельной простотой, чего не хватает иным литературным произведениям. Повесть волнует. Читая ее, как-то невольно забываешь о том, что существует литература, чувствуешь одно: есть жизнь. Сложная, нелегкая и вместе с тем прекрасная, если ты сумеешь сделать ее таковой. Повесть «Два дня и три ночи» – не исповедь, а скорее размышление. И написана она неторопливо, раздумчиво, автор время от времени как бы останавливается, дает себе возможность осмыслить пройденное.

Дворцов намеренно ограничил «сферу действий» своего героя (тот приехал на два выходных дня в свой садик и занимается здесь будничным делом), чтобы показать, сколь глубока и неисчерпаема человеческая душа и сколько доброты, неистребимой силы таится в ней, в душе человеческой.

Возможно, я несколько вольно толкую авторский замысел, но это и хорошо, если повесть заставляет по-своему думать и размышлять. Ведь каждый исходит из своего опыта. И еще думаешь, прочитав повесть: как часто в суетной повседневности мы забываем о главном – нам просто не хватает порой времени, возможно, как раз тех «двух дней и трех ночей», чтобы поразмыслить и соизмерить прошлое с настоящим, понять себя. Это – не парадокс. Мы не всегда понимаем

себя. И не всегда думаем, умеем думать. И я еще раз подчеркиваю: именно думать, думать заставляет повесть «Два дня и три ночи».

Кстати, название повести не вызывало теперь у меня никаких сомнений – все на своем месте; более того, как мне казалось, без этих «двух дней и трех ночей» повесть во многом лишилась бы своей притягательной сути, а может, и главного стержня, на котором держится вся сюжетная канва... Примерно так пояснил я приятие заголовка, возвращая Каролине Ивановне рукопись Дворцова, подкрепленную более чем одобрительной своей рецензией. Каролина Ивановна улыбнулась и мягко сказала: «Очень рада, что наши мнения совпали».

Вот на столь высокой ноте мы и поставили точку. И вскоре эпизод этот как бы сам по себе отодвинулся, а потом и вовсе выпал из головы – другие дела, заботы нахлынули, жизнь не стоит на месте.

И вдруг – новый поворот! Звонит Николай Григорьевич, поговорили о том о сем, чувствую – заходит с другой стороны: «Знаешь, а я к тебе с просьбой. Ты не будешь возражать, если твою рецензию поставим предисловием к моей книге?» Просьба была неожиданной, и я слегка растерялся: «Не пойму, как это можно сделать?» – «Очень просто, я ж говорю: поставим твою рецензию вместо предисловия... ну, не всю целиком, а ту часть, где говорится о повести», – отвечает. «Но эта рецензия не для печати, а всего лишь для внутреннего пользования, «закрытая», можно сказать», – пытаюсь отговориться. «А что нам мешает «открыть» ее и напечатать как предисловие? – стоит на своем Николай Григорьевич. – Тем более, что отзыв хорош, меня он тронул – и не потому, что хвалебный, а потому, что сделан по-настоящему хорошо, по-писательски, – добавил многозначительно. – Иначе не стал бы я обращаться с такой просьбой».

Кстати, и мысль о предисловии не я придумал, Каролина Ивановна подсказала... Как видишь, решение коллективное, – посмеивался в трубку, настроен он был хорошо. – Вот и тебе мой совет: не отрывайся от коллектива, – свел к шутке, но спросил вполне серьезно – Ну, решили?»

А как иначе! Отношения наши в то время были такими, что не решить этого пустяка мы не могли. Правда, я попытался еще предложить некий компромиссный ход – мол, давайте, Николай Григо-

рьевич, я специально напишу коротенькое предисловие, но он вдруг построжел и заупрявился: «Зачем? Пойми, мне интересен и важен первоисточник твоего отзыва, а специально ты напишешь, может, и лучше, но...»

Одним словом, все сделано было так, как и пожелал Николай Григорьевич. Книга его «Два дня и три ночи» открывалась моим коротеньким предисловием, лучше сказать, отрывком из моей «закрытой» рецензии, но, думаю, читателей эти деликатные мелочи вовсе не интересовали.

Вышла книга осенью 1971 года, где-то в конце октября. Заметим: скоропалительно книги в то время не делались, готовились издания (особенно новых произведений) тщательно и довольно длительно – так что к концу года наслоилось немало и других, не менее важных событий; и самое неожиданное из них заключалось в том, что мы с Николаем Григорьевичем поменялись «ролями». Знаю, Дворцову предлагали остаться на третий срок, но он решительно отказался да еще и пошутил: мол, нет-нет, дорогие друзья и недруги, на «сверхсрочную» я не иду.

И на отчетно-выборном собрании весной того же семьдесят первого года избрали меня ответственным секретарем краевой писательской организации – так случилось. И Николай Григорьевич первым поздравил меня, крепко тряхнув ладонь, будто из руки в руку передал эстафету.

Скажу одно: перемены эти никак не поколебали наших добрых отношений – ни в ту, ни в другую сторону – все оставалось, как и прежде, а может, чуточку даже и потеплело.

И Панна Ивановна, жена Дворцова (давняя «хозяйка», хранительница нашей организации – бухгалтер, секретарша, кассир и советник по многим вопросам), осталась на своем месте – все пять лет моего секретарства мы с ней проработали душа в душу; и Николай Григорьевич, оставив секретарство, не замкнулся и не ушел в себя, как говорится, нередко заглядывал на Ленина, 8, где в старом казенном здании несколько лет квартировали писатели.

Особенно прижились и полюбились затеянные нами еженедельные литературные «вторники», гостями которых были такие, скажем, замечательные люди, как известный хирург профессор (создатель

краевого хирургического общества) Израиль Исаевич Неймарк, знаменитейший в то время алтайский председатель колхоза, Герой Социалистического Труда Илья Яковлевич Шумаков, главный садовод Сибири и нашего края, доктор наук, умнейшая и чудеснейшая Ида Павловна Калинина, в которую, по словам Дворцова, «не влюбиться нельзя»...

Встречи с такими людьми были всегда волнующе интересны, полезны, но главное все-таки содержалось в другом: здесь, на литературных «вторниках» (как и на других писательских собраниях, совещаниях и прочих «посиделках»), наши прозаики и поэты могли, что называется, отвести душу – почитать новые стихи, рассказы, поспорить, поговорить, поискать истину...

И так уж повелось, почти все наши собрания-совещания либо начинались, либо завершались выступлениями Володи Сергеева – все зависело от настроения Владимира Андреевича, человека непредсказуемого, дотошного, но порядочного, умного, а по большому счету – добрейшего. Чаще всего выступления его оказывались не по шерсти, как говорится, а против шерсти. Встает Володя и неспешным хрипловато-тихим голосом начинает шерстить всех бывших и нынешних литературных начальников – и поделом иногда...

Однако на том памятном «вторнике», который не только запомнился, но и остался в душе, Владимир Андреевич настроен был благодушно и говорил не о наших вечных просчетах и недочетах, а всего лишь о характере писателя, который так или иначе отражается на творческом процессе.

«Вот представьте, – говорил Владимир Андреевич тихим проникновенным голосом, – театр начинается с вешалки. А писатель? – Кто-то из сидящих рядом подсказывает: «А писатель с гонорара». Но Сергеев пропускает это мимо ушей и продолжает свое: «А писатель начинается с письменного стола...».

Достаточно взглянуть на письменный стол того или иного писателя – и характер как на ладони. Вот, например, на столе Николая Григорьевича Дворцова всегда лежит словарь Ожегова или Ушакова, а стол Льва Квина завален альбомами и журналами по филателии, у Егорова на самом видном месте хранится измятая бронебойная пуля, с войны...» – «А что у тебя на столе, Владимир Андреевич?» –

поинтересовался Гена Панов. Сергеев улыбнулся снисходительно и, чуть помедлив, сказал: «Портрет Льва Толстого».

Сидевший все это время молча Дворцов разом воспрянул и подал голос: «Володя, а новая рукопись не лежит у тебя на столе? – и, не ожидая ответа, как бы подвел черту: – Вот с этого и начинается писатель...».

Могу твердо сказать: сам же Николай Григорьевич в те годы (семидесятые) работал много и плодотворно – и книги его издавались, в сущности, ежегодно.

Убедит вас в этом элементарный список, и я охотно его привожу: 1971-й, как уже говорилось, книга «Два дня и три ночи»; 1972-й, однотомика «Море бьется о скалы» (роман и повесть «Двое в палате»); 1974-й, книга повестей и рассказов «Дважды жить не дано»; 1975-й, «Друзья жданные и нежданные» (Дворцов не был ни рыбаком, ни охотником, но природу любил, а птиц и вовсе боготворил, о них и написал книгу); 1976-й, «Августовские ночи» (еще один поклон природе, хотя наряду с этим и глубокие, психологически выверенные рассказы и очерки вошли в сборник); и, наконец, 1977 год, юбилейный однотомика, довольно объемистый, более семисот страниц, под знаковым названием «Река времен» – Дворцову в том году исполнялось шестьдесят, пора строгой зрелости и подведения предварительных итогов.

Так и воспринималась эта книга. Да и сам Николай Григорьевич не давал повода иначе думать, выглядел он вполне крепким, бодрым и, казалось, еще на многое способным. Тогда и в голову не могло прийти, что солидный однотомика «Река времен» окажется последним крупным изданием.

Может, в этом была и моя вина? – возникли сомнения, я ж видел все воочию. И слишком хорошо помню, как наши добрые многолетние отношения (казалось, ничто и никогда их не порушит!) вдруг на глазах у всей писательской организации дали трещину, рухнули и сошли на нет, можно сказать, в одночасье. Многие нам сочувствовали, сожалели о случившемся, а кто-то, вполне возможно, втихую злорадствовал и всячески разжигал конфликт – не без того.

Можно было бы и умолчать, не говорить об этом. Но то, что было, то было – из песни слова не выкинешь...

Сгоряча наговорили мы друг другу с три короба. Так вот и пробежала между нами черная кошка. Обида не затаилась даже, а нарастала, как снежный ком, пущенный с горы, и овладела нами надолго. Мы избегали встреч, перестали здороваться, старались не замечать друг друга... Наверное, это было смешно, но скорее печально.

Шло время. А время иногда лечит человеческие недуги. Наверное, лечит... Так мне кажется.

Вхожу однажды в троллейбус и лицом к лицу сталкиваюсь с Дворцовым. Оба слегка опешили, растерялись – так давно не сходились один на один. Смотрю на него – и не вижу в его глазах какой-либо ненависти, обиды и злобы, думаю, и он в моих глазах ничего подобного не увидел.

Минутное замешательство – и вдруг как будто что-то обоих толкнуло нас и сблизило снова, подали мы и пожали друг другу руки, Дворцов показавшийся мне похудевшим, усталым и постаревшим. Я не знал еще тогда, что он уже был серьезно болен... «Ну, как живете, Николай Григорьевич? – спросил я. – Давно мы с вами не виделись, не разговаривали...» Он согласился: «Давно. А живу... как живу? – помедлив, сказал. – Двигаюсь вот потихоньку... к финишу. Чего уж теперь ждать...» Кажется, я сказал, что рано еще, что к финишу, в конце концов, мы все движемся...

Доехали до конечной остановки – тоже ведь «финиш», пожали друг другу руки и разошлись. Николай Григорьевич отправился на рынок Старого базара, а я в Архив на Большую Олонскую, в гости к Петру Антоновичу Бородкину. Оглянулись одновременно и помахали руками – и не только попрощались, но и простили друг другу все свои архиглупости, сняв камень с души.

И легко стало.

Легко, как и сегодня, после всего сказанного о Николае Григорьевиче Дворцове, которого любил я как писателя, как человека, как старшего брата – и это чувство братской любви осталось во мне навсегда.

Виталий Сафронов,

секретарь Алтайского крайкома ВЛКСМ (1965-1971)

ПОЕЗДКА В НОРВЕГИЮ

В марте 1965 года меня избрали секретарем Алтайского крайкома ВЛКСМ. Среди прочего в мои обязанности входило установление тесного взаимодействия по патриотическому воспитанию молодежи с соответствующими государственными структурами, общественными организациями, творческими союзами, в том числе и с краевой писательской организацией.

Я регулярно бывал на собраниях, конференциях и других форумах писателей.

Именно там я и познакомился с Николаем Григорьевичем Дворцовым, долгое время возглавлявшим Алтайское отделение Союза советских писателей. Дворцов – человек трагической и в то же время героической судьбы, огромного таланта и обаяния. За его суровой внешностью скрывалась отзывчивая натура.

В 1966 году при крайкоме ВЛКСМ был создан краевой Совет ветеранов войны и комсомола. Николай Григорьевич активно включился в его работу. Он часто бывал в крайкоме комсомола, регулярно встречался с молодежью в школах, вузах, трудовых коллективах. Одним словом, Николай Дворцов вел в это время большую общественную работу, оказывая неоценимую помощь комсомольским организациям в налаживании патриотического воспитания молодежи.

В 1967 году ЦК ВЛКСМ предложил мне возглавить молодежную туристическую группу в Норвегию. Группа была сборная: шесть человек с Алтая, остальные – из Владивостока, Вологды, Москвы, Ленинграда. Всего двадцать семь человек.

Николаю Григорьевичу стало известно о готовящейся поездке. Как-то при встрече он признался, что давно мечтает побывать в Норвегии: «Виталий, дорогой, я век тебе буду благодарен. Пойми, как это для меня важно».

Сложность состояла в том, что группа формировалась ЦК ВЛКСМ как чисто молодежная. По своему возрасту Николай Дворцов под эту категорию не подходил.

Пришлось звонить первому секретарю ЦК комсомола Сергею Павлову и просить включить Дворцова Н.Г. в состав формируемой туристической группы. Я ему объяснил, что Николай Григорьевич известный писатель не только на Алтае, но и за его пределами, член Союза писателей. Он героически воевал, но попал в плен и провел не один год в фашистских застенках в Норвегии, где имел тесную связь с местными коммунистами и партизанами. Дворцов ведет активную работу по патриотическому воспитанию молодежи края.

Согласие было получено. Выездные документы долго и сложно оформлялись через КГБ.

Как показали дальнейшие события, включение в нашу туристическую группу Николая Дворцова придало ей особый колорит и вызвало повышенный общественный интерес. В Норвегию приезжал широко известный писатель, годы пребывания которого в этой стране были самой трагической страницей его жизни. Но, несмотря на это, Дворцов с большой добротой и даже любовью пишет о норвежцах в своем романе «Море бьется о скалы».

Поэтому не случайно в аэропорту Осло нас встречали секретарь Компартии Норвегии с сыном, представители нашего посольства, общества дружбы Норвегия – СССР.

Было запланировано достаточно большое количество экскурсий. Мы, буквально, открывали для себя прекрасную и суровую северную страну Норвегию – страну голубых фиордов и скалистых гор.

Простые норвежцы охотно шли на контакт с нами, приглашали к себе домой в гости, на что мы отвечали взаимностью. Николай Григорьевич подавал нам в этом пример.

Однако чувствовалось, что официальные структуры относятся к нам, посланцам СССР, с некоторой настороженностью. Возможно, это было связано еще и с тем, что в это время шла кровопролитная война между Израилем и Египтом. СССР поддерживал Египет, Запад – Израиль.

Несмотря на полную загруженность интересными экскурсиями и встречами, я видел и чувствовал, что Николай Григорьевич с нетерпением ждет поездки в Берген.

«Шли годы... Они не могли стереть прошлого. Сердце помнило и звало в Норвегию. Хотелось побывать на могилах друзей, пови-

даться с норвежцами, которые, делаясь последним, спасали нас от голодной смерти, рука об руку с нами шли к трудной победе».

Н. Дворцов «Норвегия, двадцать два года спустя»

ж. «Алтай», 1967 г., №4, стр. 116 – 129

До Бергена ехали поездом – вся группа полностью. Нас встретил Кэре Грюн, сухой, подтянутый норвежец – коммунист, секретарь бергенского отделения Общества норвежско-советской дружбы.

Приехали туда где-то в полдень. А вечером в квартире Кэре Грюна – встреча. Пригласили Николая Григорьевича, меня и двух преподавательниц английского языка из Рубцовска в качестве переводчиц. Норвежцы хорошо говорят по-английски. Встретили очень радушно: хозяин, его жена и сын. Причем, интересно, что сын-мальчишка этот два раза у нас уже в Артеке побывал. Вся семья по-русски немного говорила, особенно хорошо общался мальчик.

И пришли еще две женщины норвежки: жена Свена Кнудсена и Оддрюн, сестра Нурвальда Кваля. Оддрюн Дворцов хорошо знал во время войны. Работая на строительстве базы, она связывала военнопленных с братом, заместителем командира партизанского отряда. Женщины хорошо знали Николая Григорьевича. Когда мы зашли в дом, одна из них (жена Свена Кнудсена) бросилась к Дворцову: «Николя, Николя!»

Она вытащила из кармана маленькую фотографию. На ней – Николай Григорьевич, совсем мальчишка, худой, с гривой волос. Рядом – друг Николая Дворцова Иван Сучков и норвежец-коммунист Свен Кнудсен со своими детьми. По времени – май 1945-го года, как раз их только освободили из лагеря.

Друзья-норвежцы не дожили до встречи с Николаем Григорьевичем. Нурвальд Кваль и Свен Твед Кнудсен умерли за год до его приезда.

Хозяин объявил: «Подождем немного – должна приехать “русская мама”».

Мария Эстрем – женщина, которая вместе с теперь покойным мужем кузнецом, несмотря на все угрозы, опасность, всячески помогала русским военнопленным – едой и одеждой. Наше правительство наградило супругов орденами Отечественной войны Первой степени. Еще ей подарили соболью шубу с большим воротником.

Вскоре появилась Мария Эстрем. Хотя вечер был теплый, она в знак благодарности была в этой шубе с огромным воротником. «Русская мама» была уже в возрасте, но очень энергичная. Пошли разговоры, воспоминания – с переводчиками и напрямую. А потом норвежцы начали петь русские песни на русском языке. Как они пели – это надо было слышать! Пели великолепно. И, что интересно, голоса очень хорошие. Они эти песни слышали от русских военнопленных в годы войны.

Николай Григорьевич подарил Марии Эстрем роман «Море бьет о скалы», она ему – свою книгу, которая переиздавалась у нас под названием «Дневник русской мамы».

Встреча закончилась за полночь.

Николай Григорьевич очень волновался, ожидая поездки в Лаксевог – места, где был когда-то концлагерь военнопленных, места страданий, унижений, смерти.

Он рассказывал мне (я это хорошо запомнил): открытая площадка, колючая проволока, наспех сколоченные деревянные бараки. Внизу – болотистое место. Кто из пленных умирал, бросали туда, как следует даже не прикопав.

Николай Григорьевич с содроганием ожидал встречи с прошлым.

«Двадцать два года назад от сокрушающего удара Красной Армии в сердце Германии распахнулись ворота фашистского лагеря в местечке Лаксевог, что на окраине норвежского города Бергена. Не всем посчастливилось дожидаться освобождения – десятки и сотни наших ребят, стойких и мужественных, погибли от голода, побоев, пуль. Оставляя их на чужбине, мы поставили им памятник, на котором выбили слова: “Мать Родина вас не забудет”. Мы посадили цветы...»

Н. Дворцов «Норвегия, двадцать два года спустя»

Приехав в Лаксевог, мы были потрясены увиденным. На месте бывшего концлагеря расположилось мемориальное кладбище с парком – совершенно великолепное. Дорожки посыпаны красным тертым кирпичом, цветы. Видно было, что захоронено достаточное количество людей, некоторые, может быть, символично. Николай Григорьевич не выдержал – зарыдал и упал на землю.

Из Бергена мы возвращались на кораблике. Ребята на катере, капитан и матросы, знали о напряжении в отношениях СССР и США. Капитан говорит: «А хотите – я вам покажу американский корабль. Давайте устроим диверсию – под ними пройдем». Там, действительно, были огромные американские серые военные корабли. И он нас действительно около них прокатил. Но на нас это не произвело впечатления – наши-то корабли помощучее!

Николай Григорьевич очень был доволен поездкой. Он посвежел, помолодел. Везде вместе с нами по горам лазил.

Что характерно, он не любил вспоминать военное прошлое, годы, проведенные в концлагере. Я чувствовал, что ему тяжело говорить об этом. Но в часы откровения Николай Григорьевич рассказывал, что держали их, как скот, даже хуже скотины.

Еще я понял, что он пользовался большим авторитетом среди норвежцев. Это чувствовалось в разговорах, в воспоминаниях с норвежцами и в отношении норвежцев к нему.

После поездки в Норвегию Николай Дворцов написал очерк «Норвегия, двадцать два года спустя», опубликованный в альманахе «Алтай» (1967 год, № 4, стр. 116 – 129).

Он продолжал большую литературную и общественную деятельность, любил встречаться с молодежью.

С Николаем Григорьевичем после нашего путешествия мы часто виделись: очень мудрый человек. С ним интересно было поговорить, порассуждать – не спеша; и почувствовать себя обогащенным чем-то серьезным и важным.

Ольга Баранова,

зам. директора по научной работе (1972 – 1994) НИИ садоводства Сибири имени М.А. Лисавенко

«Я ВСПОМИНАЮ, СЕРДЦЕМ ПОСВЕТЛЕВ...»

Нашему институту садоводства повезло – у нас работал научным редактором в период с 10 марта 1980-го года по 15 октября 1982-го года Николай Григорьевич Дворцов.

Дворцов – член союза писателей СССР, опытный литератор, длительное время возглавлявший Алтайскую писательскую организацию.

Мы знали, что он участник Великой Отечественной войны.

В 1940 году, после окончания Саратовского Учительского института, был призван в армию, участвовал в занятии нашими войсками Ирана.

С началом войны с Германией воевал на юго-западном и западном фронтах.

В 1942 году попал в окружение, находился в пересыльных лагерях на территории Польши и Германии, затем – Норвегия, до 1945-го года. Чудом остался живым.

В январе 1947 года приехал в Барнаул, работал в разных организациях. Работу часто приходилось менять потому, что существовало недоверие к бывшим военнопленным. Это травмировало, но Николай Григорьевич всегда верил, что время все расставит по своим полочкам, поэтому упорно продолжал трудиться: днем – на службе, ночью – за письменным столом.

Он создал семью, воспитывал трех дочерей. Его стойкость, вера в свою правоту, самоотдача и азарт были награждены. Все чудесным образом изменилось, когда в печати один за другим стали появляться его очерки, рассказы, повести, а затем и сборники: «Мы живем на Алтае», «Наше счастье», «Дружба», «Родная семья».

В 1955 году Дворцов был принят в члены Союза советских писателей. В 1957 году вступил в ряды Коммунистической партии СССР.

Он активно занимался творческим трудом.

Но много сил и времени отдавал общественной работе: изби-

рался депутатом городского совета г. Барнаула, дважды – кандидатом в члены крайкома КПСС, был делегатом двух съездов писателей РСФСР, долгое время возглавлял Алтайское отделение Союза советских писателей; был редактором альманаха «Алтай» и членом его редколлегии.

Такая жизнь, такая судьба не под силу слабым людям. И в то время Николай Григорьевич оставался простым, добрым, отзывчивым человеком, с ним интересно и радостно было общаться.

Лисавенко в жизни и творчестве Дворцова – это особая история.

«О Лисавенко я услышал почти сразу по приезде на Алтай – в 1947 году.

О нем просто нельзя было не услышать. Как только дело касалось вопросов сибирского садоводства, проблем его развития, неизменно, будто само собой, всплывало это имя. Газеты и радио говорили о нем, и сам он нередко выступал со статьями и беседами».

Н. Дворцов «Нужны энтузиасты»

3 октября 1947 года в Барнауле проходил первый съезд колхозных садоводов края с выставкой плодов. Так совпало, что в этот день М.А. Лисавенко исполнилось пятьдесят лет, его от имени крайкома и крайисполкома наградили золотыми часами. И это была вполне заслуженная награда активного борца за сады на Алтае. О нем писали газеты, говорили по радио. Михаил Афанасьевич сам писал в газеты, выступал на всех совещаниях. На Алтайскую опытную плодово-ягодную станцию водили гостей края.

Николай Григорьевич, давно интересуясь этим энтузиастом, учеником Мичурина, на съезде колхозных садоводов наконец-то познакомился с Михаилом Афанасьевичем.

Но настоящее знакомство произошло позже.

«Летом 1958 года, будучи корреспондентом “Учительской газеты”, я заинтересовал редакцию деятельностью Михаила Афанасьевича...

Мне сказали, что можно дать двести строк – на большее нет газетной площади.

Получив от Михаила Афанасьевича по телефону согласие на встречу, чтобы не оказаться невеждой, снова усиленно «подковывал» себя в вопросах садоводства.”

Н. Дворцов «Нужны энтузиасты»

Николай Григорьевич встретился с Лисавенко у него на работе, в его кабинете, побывал в саду опытной станции, в дендрарии. У них возникло взаимопонимание, потом – дружеская теплота отношений. Михаил Афанасьевич был легким человеком в общении, много писал, читал и знал всех алтайских писателей и поэтов, свободно мог говорить о литературе. А это было родной стихией Николая Григорьевича, что и облегчало ему общение с ученым.

Позднее, в очерке «Эстафета» писатель так характеризует Лисавенко:

«Природное обаяние Михаила Афанасьевича подкреплялось его умом, эрудицией, доброжелательностью. Он притягивал к себе, подобно магниту. Притягивал и заряжал своей убежденностью энергией, своим трудолюбием. Заряжал на долгие годы, на всю жизнь. Люди, общаясь с ним, становились добрей, честней, обретали силы и уверенность».

Газетный материал был сделан, но герой так лег на душу Николая Дворцова, «зацепил» его, что хотелось написать что-то более масштабное.

Лисавенко умер неожиданно, от сердечного приступа, 27 августа 1967 года.

«Документы в идеальном порядке, все подобрано, проставлены даты, фамилии, адреса...Выходит, Михаил Афанасьевич смотрел на все трезво, без иллюзий, чувствовал, что тот последний час не за горами, и спокойно готовился к нему, хотел и после смерти помочь живым.

Досадно от того, что я откладывал за недосугом встречи, надеялся, что будет еще время. А его вот не оказалось...

В первые встречи Михаил Афанасьевич напомнил мне айсберг: много его на виду, а еще больше скрыто от первого взгляда. Глубину его большой души мне и хотелось постичь. Постичь и как можно лучше рассказать.

А теперь только документы и люди. Люди и документы...»

Н. Дворцов «Нужны энтузиасты»

Николай Григорьевич часто приходил на Алтайскую станцию, беседовал с Идой Павловной Калининой, Зинаидой Ивановной Лучник,

Надеждой Ивановной Кравцовой, Ириной Викторовной Верещагиной, работал в архиве станции, где хранились документы о начале деятельности Лисавенко в Ойрот-Туре с 1933 года.

В 1969 году Николай Дворцов закончил свой труд – документальную повесть о Лисавенко «Нужны энтузиасты». Повесть очень понравилась коллективу станции, ее дарили гостям, вручали передовикам-садоводам, гордились тем, что писатель Дворцов сумел достоверно и с любовью рассказать о непростом жизненном пути академика ВАСХНИЛ М.А. Лисавенко.

Будучи на пенсии, Николай Григорьевич Дворцов в 1980 году был приглашен директором НИИ садоводства Сибири имени М.А. Лисавенко Идой Павловной Калининой на редакторскую работу.

Алтайская станция была преобразована в институт 22 августа 1973 года.

Возросли требования к трудам, ежегодно публикуемым в печати. Николай Григорьевич редактировал сборники, статьи, учил нас правильно ставить ударения в словах в устной речи. Он присутствовал на Ученых советах, занимался издательским делом, ездил в командировки по садам края вместе с сотрудниками НИИ садоводства Сибири. Мы были с Николаем Григорьевичем в Алтайском, Поспелихинском, Родинском плодосовхозах треста Плодопром, то есть там, где уже были заложены товарные сады и питомники.

«... Все хорошее перешло от Лисавенко в людей, которые на протяжении многих лет делили с ним и муки и радости творческого труда. Перешло и прочно впиталось, стало их характером, их натурой.

...Так, в разных отделах и лабораториях института люди разных профилей знаний и разных характеров, объединенные единым устремлением, упорно сквозь годы несли эстафету, принятую от Михаила Афанасьевича Лисавенко».

Н. Дворцов «Эстафета»

Николая Григорьевича, по моему наблюдению, интересовали больше всего люди, их жизнь, бытовая обстановка, условия труда, дети, их трудовое воспитание. По-видимому, это особенность настоящего большого литератора: любовь и интерес к простому человеку.

В 1982 году Николай Григорьевич заболел, и он решил расстаться с постоянной работой.

Все мы навсегда запомнили Николая Григорьевича как умного, спокойного, доброго человека, мастера слова. Такой человек не забывается никогда. Спасибо ему и за нашего великого сибирского садовода Михаила Афанасьевича Лисавенко, чей трудный жизненный путь с огромным уважением и любовью писатель показал в своих произведениях: документальном очерке «Нужны энтузиасты», драме «Дважды жить не дано» и очерке «Эстафета».

Напоследок хочется вновь обратиться к страницам очерка «Эстафета». Тем более, что эти строки не только о Лисавенко, но и о самом писателе:

«Смерть дает окончательную оценку человеку, обретают значимость умственные и душевные качества его и все содеянное. Все это становится четким, будто высвечивается на белом полотне экрана...

Его жизнь не была накатанной дорогой. За семьдесят лет, особенно в начале, когда не было опыта и он только приступал к созданию в Сибири совершенно новой, неведомой здесь доселе отрасли – промышленного садоводства, ему пришлось встретить немало трудностей. Но это не только не разрушало, всякий раз, наоборот, укрепляло его оптимизм, его веру в себя и в свое начинание».

Владимир Коржов,

поэт, член Союза писателей России

(Публ. по: Коржов В. За чаем с Дворцовым // Культура Алтайского края, 2017. – № 4)

ЗА ЧАЕМ С ДВОРЦОВЫМ

Далекий 1963 год. Седьмой класс. Классный руководитель предложила мальчикам и девочкам нашего класса обменяться подарками. И одноклассница Нина Сафонова подарила мне книгу Николая Дворцова «Море бьется о скалы». Книгу я прочитал не сразу, да и читал медленно: может, кому-то покажется странным, но книги о Великой Отечественной войне я, в отличие от многих мальчишек, не жаловал. Наверное, потому что мой отец вернулся с той страшной войны без ноги, ходил на костылях и не любил ни вспоминать, ни рассказывать о суровых военных буднях.

Книга Николая Дворцова поразила меня жестокой правдой о пребывании советских людей в фашистском плену в далекой Норвегии, где они, находясь в нечеловеческих условиях, проявляли мужество, стойкость и продолжали бороться с врагом. Я долгое время пребывал под впечатлением от ее прочтения. Мой отец сказал, что это достойная книга правдивого человека.

С Николаем Григорьевичем Дворцовым я познакомился в 1965 году, когда он по приглашению руководителя литобъединения при газете «Алтайская правда» Марка Иосифовича Юдалевича провел одно занятие с нами, начинающими литераторами. Он рассказал о своем творчестве и ответил на наши вопросы, а мы прочли стихи и короткие рассказы. Подобную встречу спустя год организовал Геннадий Панов в редакции газеты «Молодежь Алтая». Меня удивило, что, несмотря на большую разницу в возрасте, Николай Григорьевич, внешне неулыбчивый и неразговорчивый человек, держался с нами на равных. Он советовал, но не поучал.

В те годы Алтайская краевая организация Союза писателей СССР находилась на втором этаже старинного здания, на проспекте Ленина, 8, между улицами Ползунова и Пушкина. Я жил неподалеку на улице Приречной, плавно переходящей в Ленинский проспект. Иной

раз, проходя мимо, заглядывал к писателям на огонек и посещал литературные мероприятия.

Помню, в июле 1969 года, в хмурый пасмурный день, едва я ступил на асфальт Ленинского, как небо над городом накрыла гигантской улиткой тяжелая лиловая туча, сопровождаемая зигзагами молний и раскатами грома. Подул шквалистый ветер, хлынул ливень. Спасаясь от дождя, я забежал в краевую писательскую организацию в надежде, что вдруг встречу или Геннадия Панова, или Владимира Казакова, пережду непогоду да прочту им стихи, написанные недавно. Но кабинет, где находилась редакция альманаха «Алтай», был закрыт, а соседний, занимаемый ответственным секретарем писательской организации, им в то время был Николай Григорьевич Дворцов, – открыт. Известный писатель услышал шум и выглянул в коридор. Он едва сдерживал улыбку на лице, глядя на меня, промокшего и растерянного. Николай Григорьевич пригласил нежданного посетителя в кабинет.

– Старина, извини, я тебя знаю, но, чтобы не спутать с кем-либо, напomini, как тебя звать-величать?

Я ответил на вопрос Дворцова. Он усадил меня на стул и сказал, что сейчас мы будем пить чай. Алюминиевый чайник с кипятком стоял на электрической плитке, и над его крышкой с клювообразным носиком поднимались белесые струйки пара.

– Николай Григорьевич, право неудобно, я заскочил на минутку, думал, что застану кого-нибудь из руководителей литобъединения.

– Володя, лето на дворе, разве кого застанешь! – ответил он, доставая из стола сверток. – Потому я не принимаю никаких возражений, считай, ты попал к новому руководителю литобъединения. Тебе не отвертеться и не ускользнуть от бывалого человека, а от домашних пирожков да чая грех отказываться.

И за чашкой чая потекла беседа. Дворцов спросил, где я живу, кто мои родители. Николай Григорьевич сумел подобрать ко мне ключик, и я, в общем-то, скрытный юноша, рассказал ему, что отец погиб в сентябре 1964. года на работе, повесившись на костылях, что он участник Великой Отечественной войны и в 1942 году попал в фашистский плен. Во вражеском лагере, стоявшем в поле недалеко от села, он находился несколько месяцев. Затем ему с группой друзей удалось совершить побег, но уже у нашей линии фронта отец по-

дорвался на mine. Его контузило, тяжело ранило и в госпитале ему выше колена ампутировали ногу. После войны отец скрыл от органов пребывание в немецком плену, но сексоты донесли на него в КГБ. Летом 1947 года, когда мама была беременна мной, отца арестовали, и пока шла проверка, две недели держали в подвалах учреждения и три месяца в СИЗО на улице Канатной. Прерывая нить рассказа, взгляну в будущее и скажу, что много позже, в 2002-2003 году, я работал над книгой «Повествование о городских окраинах» и написал стихотворение о смерти отца.

Мой отец, тебя доконала
Водка злая, война, серость дней...
Смерть усталое тело качала
На кресте из двух костылей.
На веревке...
Сквозняк.
Магазин.
И записка:
«Прости меня, сын!»

А тогда Николай Григорьевич слушал молча, его крупное лицо мрачнело, оно каменело на глазах, и на нем резче проступали морщины.

– Да! Мне это все знакомо до боли. Многое из того, что ты рассказал, пришлось пережить. Застенки КГБ находились рядом, на улице Ползунова, сейчас там здание мединститута, – вымолвил автор книги «Море бьется о скалы».

А я подумал, что пусть на дворе и стояла хрущевская оттепель, но от писателя требовалась недюжинная смелость, чтобы написать столь значимый роман на тему, более десяти лет пребывавшую под запретом.

Николай Григорьевич поинтересовался, где я работаю. Затем я прочитал ему несколько стихотворений. Суровость исчезла. Улыбка озарила его лицо. За окнами стих шум. Дождь перестал. Я поблагодарил Николая Григорьевича за чай, похвалил вкусные пирожки, и такая доброта, домашность исходила во время прощания от его крепкой фигуры, подобрешего лица и сочувственного взгляда, что не хотелось покидать уютный кабинет.

Николай Григорьевич Дворцов (1917-1985) прибыл на Алтай после войны, в 1947 году. А родился на Саратовщине, в селе Курилово. Учился в школе колхозной молодежи, летом работал табельщиком в полевой бригаде. В 1940 году он окончил Саратовский учительский институт, преподавал в средней школе русский язык и литературу. В Барнауле Дворцов работал в книжном издательстве, на краевом радио, в молодежной газете. Он несколько лет редактировал альманах «Алтай», четыре года был ответственным секретарем Алтайской писательской организации. Избирался членом правления Союза писателей РСФСР.

Николай Григорьевич Дворцов – автор 14 книг прозы. Его роман «Дороги в горах» выдержал пять изданий, в том числе в Москве и Новосибирске, а роман «Море бьется о скалы» четыре раза увидел свет в Алтайском книжном издательстве.

Николай Дворцов награжден орденом «Знак Почета», удостоен звания «Заслуженный работник культуры России» (1984).

Прошли годы. И в наши дни меня гложет чувство вины, что я слабо настаивал, убеждая Владимира Борисовича Свинцова, инициатора и редактора популярной книжной серии «Городская библиотека», а затем и Галину Дмитриевну Колесникову, продолжателя этого проекта, переиздать роман Николая Дворцова «Море бьется о скалы». Тем более – это произведение стояло в плане книжной серии.

Крайне несправедливо и нечеловечно, но с пришествием капитализма книги известного писателя, участника Великой Отечественной войны, стоявшего у истоков создания альманаха «Алтай» и образования краевой писательской организации, не переиздавались. В 2017-м исполняется 100 лет со дня рождения писателя. Не пора ли преодолеть забвение?!

Владимир Смирнов,

профессор, доктор физико-математических наук (г. Москва)

«МИНУВШЕЕ ПРОХОДИТ ПРЕДО МНОЮ...»

Июль 1963 год. Ялта. Мы с сестрой Леной (студенты-физики) приехали из Москвы в Дом творчества писателей (отцу почему-то достались путевки именно туда).

Собирались уже подниматься по серпантинной дороге на гору, где расположен Дом творчества, но тут из подъехавшего такси вышел мужчина с девочкой лет 14-ти. Поприветствовали друг друга – их путь лежал туда же.

Мы часто останавливались, переговаривались, любовались видом открывающейся Ялты: она лежала, как на ладони, у подножья нашей горы.

Неожиданно нас нагнал легковой бежевый автомобиль. Остановились, и седой грузноватый человек с добродушной улыбкой предложил подвести. Это был Самуил Яковлевич Маршак.

Мы с радостью усадили Лену и Таню (так звали девочку) в машину к Маршаку, чемоданы в багажник, а сами налегке пошли в Дом творчества.

Мне тогда было 18 лет – я казался себе очень взрослым. Мой попутчик – писатель Николай Григорьевич Дворцов, из Сибири, с Алтая.

Нас, как вместе прибывших, усадили за один обеденный стол – на застекленной веранде, причудливо увитой плющом. Мы очень подружились. Вместе ездили на море, ходили на рынок за персиками, сливами, арбузами, облазили все окрестности вокруг Дома творчества. Вечерами, любуясь лунной дорожкой, бродили по многолюдной шумной набережной, залитой огнями. Или в вечернем сумраке, пропахшем горечью кипарисов, сидели на балконе под неназойливый перебор гитары местного барда и металлический стрекот цикад.

Потом вчетвером решились на автобусные экскурсии по побережью Крыма, где пестрым калейдоскопом мелькали Алушта, Ливадия, Мисхор, Алушка, Массандра, Коктебель, Гурзуф. И нас, конечно, покорила строгий Севастополь с его грандиозной панорамой, Малаховым курганами Сапун-горой.

Осталось море фотографий от этих поездок – и я, и Николай Григорьевич активно фотографировали.

Месяц пролетел как один день. Хотя была иногда и ненастная погода, когда отдыхающие забивались в библиотеку, в кинозал, или отсиживались в своих комнатах с книгой в руках.

Я всегда был очень любознательный, читающий и думающий человек. Поэтому с Николаем Григорьевичем мне было интересно. Он – хороший рассказчик, я – благодарный слушатель.

Он рассказывал о своем трудном крестьянском детстве, большой семье, и раннем уходе отца. О голоде в Поволжье – для меня это была неизвестная информация. Но главное – война, окружение, концлагерь. Тогда уже вышла его книга «Море бьется о скалы». (Я ее прочитал позже – осенью Николай Григорьевич прислал нам с Леной экземпляр).

Помню, в какой-то вечер известный поэт Михаил Светлов и Николай Дворцов бродили по набережной Ялты (я увязался за Николаем Григорьевичем). Вели разговоры о литературе, последних ее новинках и открытиях. Но в памяти моей отпечатался вопрос Светлова: «В каких лагерях труднее: немецких или советских? Как думаете?» «Хрен редьки, думаю, не слаще», – был ответ Николая Григорьевича.

Впечатлений от той поездки осталось множество. Это было незабываемое лето 1963 года.

Потом были годы переписки. Я рассказывал об институте, своей любимой ядерной физике, работе на кафедре в вузе, научной деятельности, защите кандидатской и позже докторской диссертации, о моей личной жизни.

Из писем Николая Григорьевича я узнавал, что он возглавлял Алтайскую краевую писательскую организацию, был редактором альманаха «Алтай», членом правления Союза писателей РСФСР. А также о том, что Таня поступила в пединститут, на историко-филологический факультет, отделение русского языка и литературы.

Несмотря на большую разницу в возрасте, нам с Николаем Григорьевичем всегда было интересно общаться. Такая вот случилась мужская дружба (хотя я ему годился в сыновья).

Кстати, мы оба были заядлые курильщики. А с хорошими сигаретами, с фильтром, тогда было туго: только в столице можно было

достать. Помню его благодарность за мои посылки.

И еще мы оба страстно любили хороший чай, который, конечно, тоже был дефицитом. Но в Москве я доставал. А Николай Григорьевич присылал мне свои новые книги – так что я был абсолютно в курсе его литературной деятельности, его творчества.

Благодаря именно Николаю Дворцову, я собрал большую хорошую библиотеку, научился бережному, почтительному отношению к ее величеству Книге.

Когда Николай Григорьевич приезжал в столицу, мы обязательно встречались, гуляли по Москве, беседовали.

Хорошо помню его поездку в Норвегию в качестве туриста в июне 1967 года. Он путешествовал в составе группы, я приезжал к нему в гостиницу «Москва». Если для членов туристической группы Норвегия была просто скандинавской страной, то Николай Григорьевич – особый случай.

От него я узнал, что именно в Норвегии, в местечке Лаксевог, что на окраине города Бергена, он два с половиной года маялся в фашистском плену. Что не всем советским военнопленным посчастливилось дожждаться освобождения. Десятки и сотни наших ребят, стойких и мужественных, погибли от голода, побоев, пуль. Оставляя их на чужбине, Николай Дворцов с товарищами поставили им памятник, на котором выбили слова: «Мать Родина вас не забудет», и посадили цветы.

Шли годы... Но сердце помнило и звало в Норвегию. Хотелось побывать на могилах друзей, повидаться с норвежцами, которые, делая последним, спасали от голодной смерти советских военнопленных, рука об руку вместе с ними шли к трудной победе.

Я так понимал Николая Григорьевича! За долгие годы общения я хорошо узнал этого человека, полюбил его и бесконечно уважал.

После поездки в Норвегию, Николай Дворцов написал документальный очерк «Норвегия, двадцать два года спустя». Сразу же после публикации очерка он прислал мне экземпляр альманаха «Алтай» №4 за 1967 год и норвежские фотографии.

Я навсегда запомнил слова Николая Григорьевича, которые он неоднократно повторял мне при встрече и в письмах: «После окон-

чания войны неустанно, ежедневно боритесь за мир, потому что в дни, когда вы не боритесь за мир, вы помогаете войне». Эти слова норвежский писатель-патриот Нурдаль Григ, боец Интернациональной бригады в Испании радировал со сбитого фашистами самолета. Радировал в последний раз.

Последняя весточка от Николая Григорьевича пришла в сентябре 1984 года. Это было небольшое письмо: о творческих замыслах, любимых внуках Иване и Косте, его саде на Кордоне (об этом он писал регулярно), совсем немного о болезни и операции. И еще – красивая поздравительная открытка к моему дню рождения.

И это было – в последний раз.

Валентина Новичихина,

поэт

ОДНАЖДЫ ЛЕТОМ

Однажды Анна Ивановна Пантелеева, мой лечащий врач, дала почитать книгу Николая Дворцова «Море бьется о скалы».

Она эвакуировалась из Ленинграда в годы войны. С писателем Дворцовым была лично знакома, рассказывала, какой это простой и скромный человек; трудоголик; в меру общительный, очень доброжелательный. А главное – фронтовик, прошел фашистский концлагерь.

Это меня потрясло! Мое глубокое убеждение было: с войны не возвращаются!

Погибли мой отец и брат. Пали смертью храбрых два маминых брата и два племянника родителей. С фронта из нашей многочисленной родни вернулись только два моих дяди, но я их никогда не видела – жили далеко.

Я знаю о войне не понаслышке.

Страх от нее мне с детских лет знаком.

Все тяготы войны, потерю близких

Впитала с материнским молоком.

Книгу Дворцова я просто проглотила, и очень долгое время жила под сильнейшим впечатлением от нее.

С моим воображением поэта буквально видела суровое море Норвегии, голые скалы, вечно дождливое небо. За колючей проволокой в сырой низине – бараки военнопленных. Побои, издевательства, каторжный труд и вечный голод. У всех военнопленных потемнели и глубоко запали глаза. От истощения обвисла кожа, и даже совсем молодые были похожи на стариков.

Ад! И в этом аду люди умудрялись не только жить, не теряя человеческую суть, но и противостоять, бороться.

Более того, в этом кошмаре каким-то необъяснимым чудом родилась любовь – как скромный нежный цветок. Белокурая норвежка Инга и пленный художник Андрей Куртов... Сцена гибели Андрея неизбежна – так тонко, поэтично и в то же время трагично выписана она.

Помню, в начале лета 1963 года Анна Ивановна сообщила, что будет встреча с Николаем Дворцовым. Конечно, идем!

Жаркий июнь. Площадь Октября. Дом культуры Барнаульского меланжевого комбината. Николай Григорьевич на сцене – строгий, собранный.

Полный зал читателей и почитателей. В те годы писатели казались людьми какой-то особой породы, почти небожителями. В стране был, буквально, культ Книги, читали много, гонялись за новинками литературы, занимали раным-рано очередь в магазин «Подписные издания» на проспекте Ленина.

А здесь еще нашумевший роман «Море бьется о скалы»! Он не просто завоевал популярность, но и сыграл заметную роль в духовной жизни нашего края.

Николай Дворцов рассказывал, что замысел романа возник сразу после войны и долго вынашивался. Вспоминал, как в 1961 году, когда книга уже вышла, он из очерка, опубликованного в центральной «Комсомольской правде», узнал, что Садовников жив!

Николай Васильевич Садовников (в романе Олег Петрович) – один из главных персонажей романа, организатор подполья в концлагере.

Они встретились в Барнауле, спустя 19 лет... Дни и ночи незаметно протекали в беседах.

Хорошо помню, что много было вопросов, как Николай Григорьевич оказался в плену. Видно было, что ему тяжело говорить об этом, но он продолжал рассказывать. Не полк, не дивизия, а целая армия попала в окружение, а затем и в плен в наступлении под Харьковом в начале лета 1942 года. А на это наступление возлагались такие надежды...

Вскоре появится повесть «Двое в палате», где писатель подробно и пронзительно расскажет об этих трагических днях своей жизни.

По всей атмосфере встречи ощущалось, что Николай Дворцов пытается донести до собравшихся понимание необходимости быть бдительными, беречь мир на планете Земля, воспитывать чувство патриотизма – в себе, детях и внуках.

Когда встреча с Николаем Григорьевичем закончилась, и мы вышли на площадь, пошел снег. Вот так чудо!

Неожиданные грациозные снежинки ложились на ярко-зеленую траву газона, не так давно высаженные красные тюльпаны, шуршали в листве деревьев и белили крыши домов. Мы с Анной Ивановной, конечно, были в босоножках и летних платьях. Снег падал на наши горячие лица, волосы, плечи.

Анна Ивановна, благо, жила совсем рядом. Мы добежали до нее, скинули мокрое- сушить, закутались в теплое, напились чаю.

Вскоре картина за окном стала прежней: голубизна неба, яркое солнце, июньский зной.

Такое вот случилось однажды летом – далекого 1963 года.

Тамара Слибченко,

декан факультета дополнительных педагогических профессий
Алтайского государственного педагогического университета
(1980 – 2014)

«ЖИЗНИ МОЕЙ ПРОХОЖИЕ»

Я училась в 27-й средней образцово-показательной школе, директором которой являлась заслуженный учитель Галина Иосифовна Юдалевич, родная сестра известного писателя Марка Юдалевича. В нашей школе была большая картинная галерея, в которой несколько подготовленных учениц проводили экскурсии и великолепный литературный музей под началом Людмилы Михайловны Остертаг. Не забыть и увлекательные уроки литературы обожаемой нами Лидии Семеновны Новоселовой, нашего классного руководителя.

Именно она пригласила отца моей одноклассницы Тани Дворцовой – писателя Николая Григорьевича на вечер, посвященный Дню Победы. Зал был полон. Объявление о предстоящей встрече с настоящим писателем заинтересовало школьников. Ведь мы тогда очень много читали! Помню, что все разговоры и споры велись около нашумевшего романа «Море бьется о скалы». Нам, молодым, трудно было поверить, что человек на сцене не просто написал роман о фашистском плене, но сам пережил весь ад немецкого концлагеря. Он охотно общался с читателями, рассказывал о своей не простой биографии, отвечал на многочисленные вопросы присутствующих.

Многие из нас тогда уже были знакомы с его творчеством, но после этой встречи поклонников у Николая Григорьевича точно прибавилось! Более того, благодаря ему мы стали бережнее относиться к книгам. Возможно, эта встреча повлияла и на мой выбор профессии. Ведь после нее я все больше стала задумываться о поступлении в Педагогический институт, на историко-филологический факультет. Так и случилось.

И именно во время учебы здесь я встретила человека, с которым связала свою дальнейшую судьбу. Тогда я даже и подумать не могла, что наши отношения с Толей лягут в основу одного из рассказов Николая Григорьевича. А произошло все следующим образом. Мы второ-

ем, я, Таня и Наташа Бутрина сидели в гостиной просторной квартиры Дворцовых и готовились к экзамену по зарубежной литературе.

А на улице – весна. Литература, даже самая любимая в голову не лезла. Каждый думал о своем. Я все чаще посматривала на часы – вечером меня ждала встреча с Толей.

И вдруг Таня заявила: «Девочки, так у нас ничего не получится! И не только сегодня – вообще... Надо все-все отбросить, от всего отрешиться, если мы хотим чего-то добиться в жизни!» Еще несколько минут непрерывного потока доказательств, и мы решили «Все, что мешает – безжалостно в сторону!»

Помню, что я вдруг, неожиданно для себя, стремительно встала и вышла в прихожую, где рядом с трюмо на тумбочке стоял телефон. Подняла трубку, набрала номер пединститута, лаборатории звукозаписи, и пригласила Толю. За ним ходили как-то очень долго. Или мне так показалось?

Услышав на другой стороне провода его радостный голос, я твердо произнесла: «Давно хотела тебе сказать... В общем, ты – моя роковая ошибка!» Несколько минут тишины... Удивленные лица подруг... «Все. Мосты сожжены. Впереди только зарубежка и другие литературы» – подумала я.

Но, уже где-то через полчаса поняла, что я наделала! Быстро оделась и побежала в институт, стояла под дверью лаборатории звукозаписи и просила: «Толя, прости! Открой! Я знаю, что ты там!»

Вот такой забавный случай. Таня рассказала об этом Николаю Григорьевичу. А через какое-то время появился рассказ «Роковая ошибка». Позже под названием «Тяжкий путь познания» он был опубликован в первом номере альманаха «Алтай» за 1969 год.

Минуло много лет. Я практически всю жизнь проработала на одном месте – в педагогическом институте – пространстве нашей молодости. И наши юные годы всегда были рядом со мной:

Какие мы все непохожие
В дырявом небесном чехле.
Вы – жизни моей прохожие,
Со мной разделившие хлеб.
Со мной разделившие облако,
Со мной разделившие смех...

От слов незаметных тепло пока
А холодно будет – во сне.

Сегодня многих дорогих людей уже нет рядом: моих родителей, Таниных родителей, моего мужа Толи, с которым мы прожили годы и вырастили дочь. Рано ушел из жизни любимец нашей компании, поэт Сережа Зверев. А рассказ Николая Григорьевича – со мной.

Перечитывая его, я вновь и вновь ощущаю себя счастливой и молодой. И Толя вечером вновь ждет меня на свидание. И я больше никогда не скажу ему: «Ты – моя роковая ошибка». И у нас с ним еще все впереди.

Спасибо, Николай Григорьевич!

Ольга Нечунаева,

зав. читальным залом ГААК

НИТИ СУДЬБЫ

В 70-е годы я работала в Государственном архиве Алтайского края. Он тогда находился на Большой Олонской в здании нынешней Знаменской церкви. В этом же здании расположился тогда и архивный отдел крайисполкома, который возглавлял Петр Антонович Бородкин.

Непосредственное место работы – читальный зал, заведующей которого я и являлась. Интересно, что в архиве тогда старшим методистом работала Татьяна Дворцова, дочь писателя Николая Григорьевича. Ее рабочий стол – в читальном зале, рядом с моим.

В 1973-1974 годах нам с Татьяной Николаевной было дано задание: начать формирование личных фондов известных людей города. Помню, что Татьяне достались народный артист Дементий Паротиков и профессор, доктор медицинских наук Овчинников. А мне – Николай Григорьевич Дворцов.

Если специалисты точных наук спокойно передавали свои документальные материалы в архив, то люди творческих профессий воспринимали это в штыки: «Что я – старик? Умирать собрался?»

Но мне помогли дружеские отношения Дворцова и Бородкина. И, конечно, то, что я была женой поэта Василия Нечунаева. Немаловажным являлся и тот момент, что мы работали вместе с Таней и общались не только на службе – она забегала ко мне домой.

С Николаем Григорьевичем у меня было несколько встреч на Ленина, 49.

Хорошо помню их квартиру: просторная, высокие потолки, большие окна – старый фонд. Рабочий кабинет Дворцова. Стены в книжных стеллажах, святая святых письменный стол, небольшой диван, кресло, торшер. А в окно, покачивая ветвями, заглядывал клен – квартира находилась на первом этаже.

Хозяином я была очарована, покорена. Мужественное лицо, умные добрые глаза, сдержанно приветлив, в меру общителен. Я, конечно, читала его книги, знала вехи нелегкой судьбы, доставшейся ему. И волновалась, переступая порог этого дома.

Но Николай Григорьевич как-то быстро растопил мою скованность, расспрашивая о родителях, моей работе, сыне-дошкольнике Вите.

Я брала в фонд и первые рассказы писателя 1938-1939 годов – «Маленький герой» (впоследствии «Бельчик») и «Дошкольники», рукописные и машинописные подлинники. А вот – первая в жизни Дворцова рецензия на первый его рассказ.

Доктор филологических наук, профессор И. Скафтымов отмечал несомненное литературное дарование молодого автора, студента учительского института. Подчеркивал, что рассказ написан занимательно, живо, энергично; отмечал ясный, сочный язык рассказа.

Конечно же, мы много говорили о детях, их уникальном мире, сложностях воспитания и взаимопонимания.

С первой встречи я почувствовала отеческое отношение к себе со стороны Николая Григорьевича, поэтому мне было как-то уютно и защищенно с ним.

Но главное – я ощущала в писателе огромную внутреннюю силу, строгость, мужской стержень. И – любовь к жизни, доброе и бережное отношение ко всему окружающему, мягкий юмор.

Мы разбирали документы, рукописи, рецензии, письма, фотографии, подготовленные Дворцовым для передачи в архив. Николай Григорьевич что-то комментировал, я записывала.

Машины у архива тогда не было, все носили на себе, поэтому – к счастью! – наше общение растянулось на несколько встреч.

В опись № 1, которую я составляла, включены материалы постоянного хранения за 1938-1969 годы.

Здесь рукописные и машинописные подлинники произведений писателя, газетные вырезки (отзывы и рецензии), памятные адреса, справки о работе краевой писательской организации. Кроме того – переписка Дворцова с редакциями и издательствами «Детгиз», «Сибирские огни», Алтайским книжным издательством, Новосибирским областным издательством. И конечно – тексты выступлений Николая Дворцова (на радио и телевидении, на Пленуме райкома КПСС).

А в фондах госархива навсегда осталась частица моей работы, моя метка:

«Опись составлена зав. читальным залом. О. В. Нечунаева, 1977 год».

Ниточка, волею судьбы связавшая меня с удивительно светлым, мужественным, мудрым человеком и писателем – Николаем Григорьевичем Дворцовым.

Владимир Шнайдер,

писатель, член Союза писателей России

Герман Шнайдер,

член Союза журналистов России

ПИСАТЕЛЬ ВНЕ ВРЕМЕНИ

Читатели, в основном, отождествляют главных героев художественных произведений с самим автором. Но это не совсем правильно. Конечно, писатель, создавая героев, отображает в них свои переживания, радость и горе, раздумья. Но, чтобы понять душу писателя, глубину его внутреннего мира, его взгляд на жизнь, одних художественных произведений недостаточно.

Работая над сбором материала о Николае Григорьевиче Дворцове, мы проработали практически все его художественные произведения и думали, что познали писателя Дворцова. Казалось – вот он весь: в делах и мыслях своих героев, вот она – его огромная ранимая и любящая всех и все душа. Но это оказалось далеко не так. На первых же шагах по архивным материалам, мы поняли, что пока увидели только крохотную верхушку айсберга творца и человека НИКОЛАЯ ДВОРЦОВА. И чем глубже уходили в поиск, тем больше убеждались, что вряд ли удастся раскрыть полностью не только душу и характер Николая Григорьевича, но и все грани его таланта.

Изучая его письма родным и близким людям, друзьям и товарищам, мы каждый раз открывали какую-то новую сторону натуры Николая Григорьевича. То же самое можно сказать и о его литературном даре.

Возьмем один, несколько неожиданный момент: Дворцов-рецензент. Он работает над рецензиями на произведения собратьев по перу. «Разбирая» рассказ или повесть на бытовую тему, он как бы разговаривает с автором, ненавязчиво указывая на недоработки. И мы видим писателя-наставника, старшего друга или товарища.

Но, когда в его руках произведение на военную тему, Дворцов-рецензент становится совершенно другим – он анализирует глубже, его суждения короче и резче. Чувствуется, что в этой теме Николай Григорьевич не может терпеть ни малейшей ошибки, и уж тем более

дилетантства. Но в то же время, как бы жестко и резко он не говорил, автора это вряд ли обижало. Ведь в итоговых строках каждой рецензии видно, что Николай Григорьевич проделал работу для блага автора и произведения. Читатель, в конечном счете, должен взять в руки хорошую книгу, которой веришь, которая заставляет думать, сопереживать. Это главное.

Как пример, приведем выдержку из письма начинающего литератора Николая Гостева Николаю Дворцову 10 февраля 1956 года:

«Уважаемый товарищ Дворцов!

Получил Ваше письмо. Большое Вам спасибо за то откровение, с каким вы начали разговор о моей литературной работе.

Признаюсь, нелегко все это было выслушать, но это лучше, чем слащавое сюсюканье. И еще раз благодарен Вам за прямолинейность в своих суждениях.

Я рабочий, и как рабочий люблю, чтобы на мои ошибки указывали прямо без каких либо туманностей...».

Многие современники Николая Григорьевича – Николай Чебаевский, Алексей Сотников, Иван Шумилов и другие, видимо, именно за неравнодушие и прямолинейность, откровенность и широту души уважали и ценили его. Кстати, если между писателями возникали какие-либо шероховатости в отношениях, то в качестве судьи и примирителя они выбирали Николая Григорьевича.

К примеру, такой случай. Алексей Сотников, известный в крае эпиграммист, написал и опубликовал в альманахе «Алтай» на Ивана Шумилова эпиграмму:

«Не сосчитать уже всего,
Что было автором обещано.
Однако в творчестве его
Пока сияет только «Трещина»,

Шумилова это очень обидело, но напрямую высказать Сотникову он не решился и написал Николаю Григорьевичу письмо, в котором говорит: «...я все-таки считаю, что эпиграмма не должна быть оскорбительной. А ведь Алексей именно оскорбляет меня: «Не перечить всего того, что было автором обещано». Где, когда и что я обещал?.. Если первые две строчки будут заменены, дуэль между мною и Сотниковым не состоится, и страницы альманаха не будут обгарены

кровью...». Николай Дворцов сумел сгладить ситуацию, примирить враждующие стороны.

Литературный талант Николая Григорьевича был признан задолго до его вступления в Союз писателей. И нужно сказать сразу, что в писательской среде, в те времена, хвалить произведения собрата было не принято. Критиковать – сколько душе угодно, по любому поводу, а вот хвалить – крайне редко.

А вот повесть Дворцова похвалил один из самых близких друзей. Дело было так: в начале 1951 года в газете «Сталинская смена» были опубликованы главы будущей повести Дворцова. Отзывы, естественно, были разные. Но Николай Чебаевский, после прочтения повести, написал Дворцову письмо, в котором есть такие слова: *«... Сознаюсь честно: хоть я и верил в Дворцова, а все же такого мастерства не ожидал. Снимаю перед ним шляпу...»*.

В завершении хочется сказать, что Николай Григорьевич, видимо, и сам не осознавал всю ширь и глубину своего таланта. Да, сделал он много. Его произведения стали неразрывной частью культуры и литературы Алтайского края. Не одно поколение вместе с героями Дворцова будет радоваться и переживать, смеяться и плакать, размышлять над сущностью человеческого бытия. И еще не одному десятку читателей они помогут найти в жизни свою дорогу, обрести смысл жизни. Это так.

Но, изучив творчество Николая Григорьевича, все-таки остается чувство, что какую-то важную книгу Николай Григорьевич не успел написать. Подготовил материал, обдумал, выстроил мысленно... но не успел.

А, может быть, это так и должно быть?

Василий Нечунаев,

поэт, член Союза писателей России

ОСТАЛСЯ В ПАМЯТИ

60-е годы прошлого века, вторая их половина. Не понимая этого, да и не думая об этом, мы жили в золотое для литературы время. Вот в эти-то годы мне и довелось общаться с Николаем Григорьевичем Дворцовым. Нет-нет, это было вовсе не дружеское общение. Это было общение литературного мальчишка, но все-таки собрата по перу с почтенным мастером – автором известного романа «Море бьется о скалы» и многих других повестей и рассказов.

Я в те годы учился в Литературном институте имени А.М. Горького. Николай Григорьевич был ответственным секретарем краевой писательской организации, и мне во время каникул приходилось частенько к нему обращаться за помощью. А помощь какая? Студент есть студент, надо как-то зарабатывать на прожитие. Николай Григорьевич это понимал, относился ко мне чутко. Пороется в столе, подаст мне рукопись:

– На вот, отрецензируй.

Отрецензирую и вскоре денежки получу. Выдаст их мне Панна Ивановна – секретарь-машинистка, она же и бухгалтер, и кассир, она же и жена Николая Григорьевича.

Писательская организация была тогда небольшая, владела всего двумя комнатами на проспекте Ленина 8. Одну комнату, которая побольше, занимал ответственный секретарь и редактор альманаха «Алтай». Вторую – маленькую – бухгалтерия.

Просто и дружно тогда все было. Основной костяк писательской организации составляли бывшие фронтовики. Хорошие они были люди. Честные, добрые, товарищеские и простые. Фронтовиком был и Николай Григорьевич. Ему не только повоевать довелось, но и пережить немецкий плен в Норвегии. И вот обмолвился как-то Николай Григорьевич, что был недавно в местах своего пленения, упомянув город Киркенес.

При слове Киркенес вспомнилась мне служба моя в Северном пограничном округе, контрольно-пропускной пункт на границе с

Норвегией, заброшенный храм Бориса и Глеба за спиной нашей казармы, а впереди чужие норвежские сопки. И где-то там, за ними, таинственный город Киркенес. Это же совсем рядом от места, где Николай Григорьевич нес тяжелую пытку. Довелось мне видеть и бьющееся о скалы море у норвежской границы. В командировке я был у моряков-пограничников. Море Баренцево, суровые берега. Тяжелое море. Оно действительно бьется и бьется о скалы. А скалы высокие, отвесные, угрюмые.

Я поделился своими воспоминаниями с Николаем Григорьевичем. В ответ он только улыбнулся своей вдумчивой улыбкой.

Определение «вдумчивость» пришло ко мне, когда смотрел на портрет Дворцова в мастерской художника Николая Петровича Иванова. Они дружили – два Николая – художник и писатель. И художник с любовью и глубоким проникновением вжился в образ писателя. Я был хорошо знаком с Ивановым. Часто бывал у него в мастерской. И когда мы беседовали, с портрета на нас смотрел мудрый, вдумчивый человек. Вдумчивость была во всем его облике. В глазах, погруженных в глубины души, в каждой морщинке лица, в крупной, слегка сутулой фигуре.

Таким и в реальности был Николай Григорьевич – крупный, спокойный, рассудительный, интеллигентный, вызывающий уважение. Таким он и остался в моей памяти.

В наши суетные дни население почти перестало читать, но теплится надежда, что население опомнится и вновь станет народом. А народу без литературы нельзя. И думаю, придет время содержательной прозе Николая Григорьевича Дворцова.

Михаил Кульгачев,

скульптор, член Союза художников России

МОЙ ДВОРЦОВ

С Николаем Григорьевичем Дворцовым я познакомился в 1983-м году.

В те годы я неоднократно бывал в мастерской известного художника Николая Петровича Иванова на улице Советской.

Я уже закончил Строгановское училище в Москве, был участником многих разного уровня выставок, и в 1980-м году меня приняли в Союз художников.

Как-то раз Николай Петрович рассказал о своем друге – писателе-фронтовике Николае Дворцове, о его сложной судьбе, фашистском концлагере, стойкости и мужестве этого незаурядного человека. «Вот кого тебе надо сделать», – подытожил он.

Портрет Николая Дворцова работы Иванова был уже написан. Николай Петрович точно и тонко передал тяжелый, во многом трагический жизненный путь своего героя.

Иванов переговорил с другом и получил согласие.

В те годы у меня не было своей персональной мастерской, и я работал в общей мастерской (была такая) на улице Горького.

Там-то мы и встретились с Николаем Григорьевичем. Причем Иванов тоже пришел, чтобы помочь творческому процессу.

Часто перед скульптором человек зажимается, сидит, как мумия, не шелохнувшись: позирует. И через этот психологический барьер, через это напряжение невозможно пробиться.

Здесь же получилось иное. Николай Григорьевич и Николай Петрович свободно ходили по мастерской, разговаривая на самые разные темы. Я тоже слегка поддерживал беседу.

Здесь очень важно, чтоб человек лег на душу. Если этого нет, ничего не получится. Пальцы не слушаются, глина не поддается, будто ты никогда не занимался скульптурой.

С Дворцовым творческий процесс как-то сразу заладился.

На первом сеансе (около четырех часов) я быстро нашел масштаб, было выстроено лицо, соотношение его черт, движение головы.

В следующий раз – уже работа над образом. Это тонкая вещь, работа «на чуть-чуть». Она строится исключительно на нюансах, надо расставить акценты: чуть поджал уголок рта, смягчил лоб, что-то убрал, что-то подчеркнул. Тут главное – вместить, вложить в портрет то, что хотел сказать, донести до зрителя.

Большую роль играет освещение. Я несколько раз передвигал работу, чтобы прочесть одну часть лица Николая Григорьевича или другую.

Я хотел передать стойкость, мужество Дворцова. Крупные черты лица говорят об определенных чертах характера – внутренней силе.

Если Николай Петрович в живописном портрете подчеркнул трагичность судьбы своего друга, мне хотелось донести несколько иное.

Я читал, конечно, нашумевший роман «Море бьется о скалы» и повесть «Двое в палате», тематически связанную с романом.

У меня осталось в памяти пронзительное ощущение – обреченность (иного слова не придумать), бессилие, невозможность что-то исправить, переиграть: «Второй дубль, третий дубль...» Молодые мужественные бойцы оказываются в окружении, потом – в плену. Писатель очень подробно показывает окружение («Двое в палате») и плен («Море бьется о скалы»).

И у меня перед глазами – образ березок из повести «Двое в палате». Окружение, пересыльный лагерь советских военнопленных. А рядом, за колючей проволокой – несколько белоствольных березок, которые как бы дразнили, «сводили с ума», напоминая о свободе, мире, жизни. И – растерзанной Родине.

Как все это пережить, принять, не сойти с ума и жить дальше?

Прошлое не уходит, оно всегда с человеком. Это я читал, видел, чувствовал в облике Николая Дворцова, его лице, глазах.

Но мой герой, мой Дворцов, силен духом – он может подняться над пережитым, над страшными страницами своей судьбы. Он как бы берет другую точку отсчета, другую высоту видения.

Поэтому лицо его спокойно – он принимает жизнь во всех ее проявлениях, не кляня никого и ничего. Более того, он – оптимист. А иначе не появилось бы из-под пера писателя светлой, поэтичной повести (или цикла рассказов, как называют некоторые) «Друзья жданные и нежданные», которую иллюстрировал такой же оптимист и лирик Владимир Раменский.

Скульптурный портрет Николая Дворцова получился очень живой. Николаю Григорьевичу работа понравилась. Я заформовал ее и отлил в бронзе. Портрет Дворцова хранится в Художественном музее, являясь на сегодня его собственностью.

Постскриптум. Скульптурный портрет делается больше натуры, чтоб голова не казалась маленькой, потому что, когда не берется туловище, воздух как бы съедает форму. Это первое. И еще один любопытный момент творческой «кухни» – работа моя как бы чуть-чуть недоделана, не завершена. Кто-то из мудрецов сказал, что законченным может быть только дурак. Чтобы скульптурный портрет человека не был статичным, неживым, надо оставить вопрос, некую тайну.

Ведь человек – целый мир, огромная тайна.

Юрий Кабанов,
заслуженный художник России

«ГЛАГОЛОМ ЖЕЧЬ СЕРДЦА ЛЮДЕЙ...»

В 60-е годы Николай Дворцов был очень известным писателем на Алтае, да и за его пределами. Много работал, издавался и переиздавался: в Барнауле, Новосибирске, Москве.

Впервые я увидел Николая Григорьевича (я – художник, и первое, что делаю, – вижу) на художественном совете в книжном издательстве по улице Брестской.

Я был молод – лет двадцати четырех. А он – популярный писатель, глыба, вершина. С моей стороны было колоссальное уважение: приходишь – видишь – безоговорочно снимаешь шляпу.

Я, конечно, хорошо знал его романы: «Дороги в горах» и особенно «Море бьется о скалы».

Но хочу рассказать о специфической стороне работы писателя.

Книга – это не только огромный труд самого литератора. Чтобы рукопись, потом машинописный текст стали книгой как произведением искусства, необходимо еще много работы, много усилий. И достаточное количество людей вовлечены в этот процесс.

Надо утвердить написанное на художественных советах, согласовать с отделом печати. А художественный редактор и художник-оформитель? Надо придумать структуру, конструкцию будущей книги. Делается макет, согласовывается с худсоветом. Потом художник занимается иллюстрациями. И опять – утвердить на худсовете и с художественным редактором.

Очень важное звено в этой системе – дуэт писателя и художника. Важно найти друг друга. У каждого писателя – свои художники, у художника – свой круг писателей.

Николай Дворцов сотрудничал, в основном, с Александром Дерявским, который оформлял роман «Море бьется о скалы». И юбилейный сборник Дворцова (более семисот страниц) иллюстрировал тоже Дерявский.

Николай Дворцов сотрудничал с Владиславом Тумановым («Дороги в горах», «Опасный шаг», «Два дня и три ночи»), Борисом Лупаче-

вым («Августовские ночи»), Владимиром Раменским («Друзья жданные и нежданные») и другими.

Солидный сборник к шестидесятилетию или маленькая книга в мягком переплете – все дорого, во все вложено много сил, мыслей, часть души и часть жизни.

Помню, вышел цикл рассказов Дворцова «Друзья жданные и нежданные» (объем всего-то около 140 страниц). Тема – братья наши меньшие, пернатые друзья. Оформлял книгу Владимир Раменский. Она получилась чудесной: писатель и художник единомысленно – словом и иллюстрациями – создали гармоничный, светлый мир природы и скворчиного племени.

При встрече я высказал Николаю Григорьевичу свое восхищение: «Какая хорошая книженция!» На это Дворцов ответил: «Не книженция, а книжище!»

Хочу еще раз подчеркнуть, что создание и издание книги – это большой культурный пласт. Надо отметить, что лицо Алтайского книжного издательства создали, по большому счету, два мэтра: Борис Лупачев и Владимир Раменский.

Это как бы один блок, связанный с памятью о Николае Дворцове.

Другой – переносит в художественную мастерскую Николая Петровича Иванова по улице Советской.

Иванов – один из лучших художников своего времени. В его мастерскую приглашались только те, кто умел интересно вести беседу – то есть не только умные и талантливые, но умеющие ярко и грамотно излагать свои мысли. Это первая категория. А вторая – те, кто умел хорошо петь. Я прошел по второй категории – любил и умел петь. И порой мы пели с Николаем Петровичем вдвоем.

Интересно, что чисто внешне Иванов походил на Шаляпина – высокий, броский, красивый. Всегда выделялся среди других – но не только внешностью, а какой-то внутренней силой, духовной мощью и дерзостью. Николай Петрович своими данными пользовался своеобразно – утверждал, что он внебрачный сын Шаляпина. Многие верили. И было много курьезных случаев на эту тему.

Дворцов и Иванов были очень большие друзья. Оба – личности масштабные, были на равных. Перефразируя Маяковского, можно было бы сказать: «Ты один мне ростом вровень – стань же рядом...».

Наверное, это была одна из причин их дружбы, долгой и верной. Кроме этого, масса каких-то оттенков, нюансов в организации человеческой личности, которые и рождают притяжение, симпатию, дружбу, любовь. Мы, молодые, смотрели на них как на иконы.

Конечно, Николай Григорьевич часто бывал в мастерской Иванова.

Помню, Николай Петрович работал над портретом писателя. Хотелось передать не только и не столько внешнее сходство, а тяжелую судьбу своего друга – то, о чем написано было в романе «Море бьется о скалы» и то, о чем они часто говорили в долгих беседах.

Иванов приглашал нас, художников, профессионально оценить свою работу.

Хорошо помню: на темном фоне – сидящий Николай Григорьевич, в костюме, выписаны руки, захвачены колени. Хорошая работа, хороший портрет.

Когда подошло время выставки, Иванов вырезал из полотна только лицо и вставил в раму. «Не получилось, как задумывал», – объяснил он. Насколько я понимаю, чтобы точнее передать внутренний мир писателя, надо было уйти от деталей, не рассеивать внимание, сконцентрироваться на лице, глазах.

Знаю, что Иванов на юбилей подарил другу свою новую работу: деревянное панно с изображением двух мощных быков. Позднее Татьяна Гущина, дочь Дворцова подарит это произведение ГМИЛИКА.

На обороте этой работы Иванов написал: «Мученику от мученика».

Что он имел ввиду? Обостренное восприятие Художником жизни? Обнаженными нервами? Мне сразу на ум приходит стихотворение Пушкина «Пророк»:

...И он мне грудь рассек мечом
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп, в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Алексей Дрилёв,

художник, член Союза художников России

Я ВСЕГДА УЧУСЬ

Тихая улица М. Горького, точнее ее небольшой отрезок между Чкалова и Кирова. Старые дома, высокие тополя, тенисто, зелено: частица старого Барнаула. И здесь – серое кирпичное здание Худфонда, как говорят художники. Если официально: Алтайская краевая организация Союза художников России, М. Горького, 63.

На втором этаже – портретная мастерская: огромные окна, высокие потолки. Идеальное место для нас, художников. Коля Петрухин, Гена Колпаков... и я, Алексей Дрилёв, трудимся здесь.

Николай Григорьевич Дворцов, известный на Алтае писатель – наш частый гость. Он живет в десяти-пятнадцати минутах ходьбы – на проспекте Ленина. Любит, оторвавшись от письменного стола, заглянуть к нам, посмотреть, как идут творческие дела и, как он любил говорить, потолковать о том, о сем. «То и се» для нашей братии – это дело, которому мы служим.

Нередкий гость: Николай Петрович Иванов – очень яркий талантливый художник. Его художественная мастерская – на Советской, тоже недалеко. Устав от одиночества, он заходит к нам, «собратьям по кисти».

Дорогие воспоминания, дорогие кадры нашей общей жизни.

В 1965 году в альманахе «Алтай» и в газетах «Алтайская правда» и «Молодежь Алтая» была напечатана повесть Николая Дворцова «Двое в палате». Народ был тогда очень читающий, жадно следящий за всеми новинками литературы. Повесть вызвала большой резонанс, особенно среди творческой интеллигенции города и края.

И в нашей портретной мастерской с приходом Николая Григорьевича сразу начинались беседы о его новой работе.

Повесть «Двое в палате» продолжала тему войны, хотя действие в ней происходило в мирное время.

Думаю, тема войны всегда жила в Дворцове. Она, как старая рана, ныла, болела в нем. Нашумевшее «Море бьется о скалы». И вот теперь – «Двое в палате».

Действие происходит в больничной палате, где встретились два человека, чьи судьбы были тесно переплетены до войны: Илья Рыбин и Тимофей Козырев.

Козырев, видно сразу, узнал Илью. А вот для Рыбина – совсем иное дело. Узнать в исхудавшем, жалком до неприятности, больном, устало и неровно дышащем, старого знакомого?

«Илья все с большим интересом приглядывался к больному. Ему казалось, что он где-то встречал уже этого человека или здорово похожего на него. Когда-то давно-давно, может, десять или двадцать лет назад... Не давал покоя широко раздутый нос. И в губах знакомое. Кто он, интересно? Откуда?»

Тот неохотно назвал: Самохин, Сергей Иванович. Издалека, с гор – двое суток добирался до больницы. Чабан, работает в совхозе.

И вот между двумя больными начинается напряженный внутренний поединок: Илья мучительно пытается вытянуть из памяти нужную информацию. Но сосед упорно, часто зло, раздраженно, ускользает.

Николай Дворцов психологически тонко и точно показал эту странную схватку двух немолодых, больных мужчин.

Но в случайной ситуации память вдруг повела Рыбина в прошлое – повела напрямую, минуя все постороннее. Тимка! Тимка Козырев! Земляк! Односельчанин! Тоськин муж, по которой он, Илья, вздыхал в юности. Тимка, который отказал Илье в работе, когда тот, реабилитированный, вернулся в родное село из лагерей. Козырев, с которым Рыбин столкнулся в фашистском плену, в пересыльных лагерях. Козырев, как всегда по жизни был на коне – теперь в роли полица: помогал гестаповцам выискивать комиссаров, политруков, евреев.

Хорошо помню наши, художников размышления о судьбах Ильи Рыбина и Тимофея Козырева. Порой они перетекали в яростные споры.

Зачем все это? Зачем? Пусть не Самохин, а Козырев. Что с того? Двадцать лет минуло. Двадцать лет... Те, в лагерях, погибшие по вине Тимки, давно сгнили в земле. И сам Козырев на себя не похож уже. Все прошло... Пусть Тимка доживает свое – ему, похоже, немного осталось. Будь он здоровым – совсем иное дело.

Да Илья о себе позаботиться должен. Ему покой нужен. Покой, пожалуй, полезней всякого лекарства.

Глубоки и интересны для нас, молодых, были размышления Николая Дворцова о войне.

Почему война оказалась неожиданной для нас, советских людей? Почему не подготовились к ней – ведь вся Европа пылала? Почему уничтожили почти все руководящие военные кадры – всю военную элиту? Бесконечное удивление: почему?

И еще обескураживающее «как?». Как удалось одолеть фашистскую громаду, под которой лежала вся Европа, и вся Европа работала на этого монстра?

Несколько мучительных лет войны были адом на советской земле. По большому счету, наша Победа походила на Чудо.

Такое Чудо родилось из огромного единения народа, колоссального напряжения всех сил – на грани человеческих возможностей и четкого осознания, что «отступить некуда – за нами Москва». Москва была повсеместно.

Эти встречи с Николаем Дворцовым в портретной мастерской, наши разговоры стали для меня, тогда молодого художника, бесценным уроком.

Неудивительно, что мне очень захотелось сделать портрет Николая Григорьевича. Но Дворцов охладил мой молодой пыл: «Николай Петрович сделает. А ты пока учись!»

Писатель Дворцов и художник Иванов – это отдельная история. Два Николая – это была настоящая мужская дружба. Николай Иванов – высокий, броский, громкоголосый, какой-то дерзкий, любимец женщин. Он сразу выделялся в толпе – на него нельзя было не обратить внимание.

Николай Дворцов – выше среднего роста, сдержанный, глуховатый голос, старше друга лет на шесть-семь. Богатый жизненный опыт плюс опыт литературный. В меру открытый и общительный, но пустых разговоров не любил.

В дуэте Дворцов-Иванов, конечно, лидировал Николай Григорьевич. Они были «не разлей водой», верные друзья.

Николай Петрович со временем сделал портрет Дворцова – хороший, выразительный портрет.

После смерти Николая Григорьевича Иванов сказал: «Друзья уходят – и мне пора». Его не стало ровно через полгода – поспешил за другом.

Откуда берется такое?

А откуда берется любовь? А откуда берутся стихи?

Поэт сказал: «Стихи не пишутся – случаются»...

Так же и любовь. И крепкая мужская дружба двух Николаев – писателя Дворцова и художника Иванова – случилась. Николай Григорьевич мне однажды сказал: «Ты пока учись». Что ж, я пока учусь. Я всегда учусь.

Борис Лупачёв,

художник-график, член Союза художников России

РЯДОМ С ЧУДОМ

Мы живем рядом с чудом. Откройте, например, книгу Николая Дворцова «Река времен» и начните с любой строки. Тотчас оживут, зазвучат знаки: «Зима у нас, в Сибири, скажу я вам, особенная...Я имею в виду...ее талантливость. И талант этот, уверяю вас, не однобокий».

И растревожимся сопереживанием любви и боли, радости и грусти, покоя и счастья. Буквы шрифта, какими мы их видим, воспринимаются при чтении почти подсознательно, как воздух, которым дышим: «Зима наша и прекрасный художник, и тонкий стратег, и тактик. Мудрости ей тоже не занимать».

Пластика каждой буквы, конструктивная связь внутри слова, гармония строк, интервалов, полей на книжных страницах совершенствовались столетиями: «...У нее почти каждый раз новинки. И применяет их Зима разнообразно: то с первого шагу накидает кучу всяких разностей внезапных, а то, ровная, неохотная на выдумку в начале, поведет все привычно и вдруг озадачит неожиданным поворотом».

Художникам-графикам в работе над оформлением печатных изданий, в станковых композициях требуется огромное искусство. Ведь они, так или иначе, соревнуются, состязаются с существующей веками графической формой шрифта, с его предназначением абсолютно-го знака, символа звука человеческой речи.

Художнику-графику надо обладать талантом, художественным мастерством, чтобы, оставаясь верным великим традициям, привнести свой метод интерпретации литературного текста в графическое отображение.

Но невозможно добиться чего-либо значительного без внутреннего восторга, азарта и, может быть, куража.

Когда в 1961-ом году Николай Григорьевич Дворцов решил опубликовать свой роман «Море бьется о скалы», оформить книгу в Алтайском книжном издательстве пригласили молодого художника Александра Дерявского.

Драматичное содержание романа Николая Дворцова, несомненно, взволновало, взбудоражило Дерявского. И он нашел форму изображения, созвучную душевному состоянию людей, представленных в романе – живущих на грани жизни и смерти, преодолевающих унижение, голод, холод, истязания, все, что несет фашистский плен.

В черных пятнах силуэтов, в рваных линиях, в нервных штриховках просматривались людские фигуры, фрагменты их полосатой одежды, обломки скалы и брызги от волн, похожие на разлетающиеся камни.

Грозная пластическая музыка!

И эта грозная музыка подчеркивает, усиливает четкий ритм шагов наших военнопленных в самом начале романа: Трак, трак, трак...

«Низкое лохматое небо сеяло почти невидимую водяную пыль. Впереди колонны, с боков и сзади – штыки. Сплошной частокол штыков. Мокрая, холодно-синеватая сталь поблескивает с угрожающей ненавистью. Такая же угрожающая ненависть в глазах и на мокрых синеватых лицах конвоиров. Колонна, миновав круглую опрятную площадь, вышла на улицу. Трак, Трак. Трак, – тарыхтят о скользкую брусчатку деревянные подошвы пантофель (деревянная обувь – Т. Г.) ...

Пленные идут по пять в ряду. Пять, еще пять, еще... В колонне около шестисот человек. Идут, ежась от холода, покачиваясь от слабости... Голод так изнурил людей, что остались только кости да кожа. Желтая и тонкая до прозрачности, она виснет, собираясь в складки. И поэтому все пленные, сколько бы ни было им лет, выглядят дряхлыми, беспомощными старцами». Трак, трак, трак...

В романе «Море бьется о скалы» три части. Каждую из них Александр Дерявский открывает и завершает своим графическим прочтением: военнопленный на фоне концлагеря, колючей проволоки и вышки с охраной; измученные пленные на каторжных работах под дулами автоматов; а вот пошла тема норвежцев – их помощь нашим пленным была бесценна. Венчает последнюю часть книги мотив победы: огромное солнце, море и ликующая группа людей, пленных и друзей-норвежцев. Победа!

«Конец войны!..

Все срываются с места, обнимаются, жмут руки. Норвежца подбрасывают. Он потешно взлетает над головами.

Степан целует Бакумова и всех, кто попадает под руки. У Баку-

мова по черным щекам катятся слезы. Не замечая их, Никифор говорит: «Выстояли, друзья!» «Выстояли», – повторяет Степан.

Его глаза тоже полны слез, и он тоже не замечает их».

Алтайское книжное издательство располагало крайне скромной полиграфической базой. Ассортимент переплетных материалов был беден, непозволительно часто для книг использовалась желтеющая, непрочная газетная бумага. Каталог наборных шрифтов напоминал тонкую школьную тетрадку.

Но иногда удавалось подготовить для печати книгу по всем правилам – например, тот же роман Николая Дворцова «Море бьется о скалы».

Иллюстрированная книга всегда обладала преимуществом. Подобно музыкальному сопровождению кинофильма изобразительные средства преподносят читателю и зримо поддерживают звучание текста в пространстве – от титула до концевой строки.

Александр Дерявский оформил две книги Николая Дворцова: «Море бьется о скалы» и «Река времен». А представьте себе их без оформления художника? Как бы они обеднели, погасли! Визуальный ряд для человеческого восприятия очень важен: рисованные заголовки, заставки, декоративные буквицы-литеры, концевые украшения и иллюстрации: полуполосные, страничные или распластанные во весь разворот двух страниц.

В иллюстрациях Александра Дерявского к книге «Река времен», как громовые раскаты прошедшей грозы над полями, рассыпаны зримые приметы жизни, отраженные в раздумьях и словах писателя.

Вот лицо зрелого мужчины поддерживают его руки, крепкие руки труженика. Внимание приковывает затянутый узел пальцев кистей рук. Драматическое напряжение повествования усиливает этот изобразительный аккорд – графический образ темы.

Эта иллюстрация Дерявского предваряет роман «Море бьется о скалы», вошедший в юбилейный сборник Дворцова «Река времен».

Но иллюстрация сложная – она распластана во весь разворот двух страниц. И на второй странице мы видим жесткое, циничное лицо фашиста с автоматом и опрокинутого навзничь человека.

А перед этим, рядом с названием романа – небольшая иллюстрация: мощный взрыв и убегающий немец.

Вот так удачно найдена графическая метафора романа, посвя-

щенного борьбе советских военнопленных с фашистами в концлагере на территории оккупированной Норвегии.

Листаем дальше – звучит совсем другая тема: мирная жизнь, любовь и лукавство, искренность и расчетливость, верность и измена, сложности и тонкости семейных отношений. Это повесть Николая Дворцова «Святая простота, или телега семейной жизни».

Как здесь работает художник Дерявский? Вот кисть рябины – как символ жизни. Рябина – красивая и горькая.

На распластанной во весь разворот двух страниц иллюстрации – простодушный здоровяк-парень явно стесняется своего зажатого в кулачище букетика. Неприбранная, с лукавинкой деваха способна все-таки укротить и такое сильное существо. И рядом – мужик с хитроватым лицом и ехидной усмешкой. Вот он – классический треугольник. Это не иллюзорная мизансцена. Вернее всего – намек, предположение, догадка...

Так бывает с музыкой. Мы ведь точно знаем, что чувствуем, что происходит в нашей душе, когда она звучит. А рассказывать об этом словами невозможно.

Но перелистнем страницы. Может быть, писатель нам расскажет то, что мы только можем предположить?

«... Анята вела себя тихо, беспрекословно, – подчеркнуто в повести, – так что на первый взгляд казалось, что телегой семейной жизни правит муж, Петр. Сидит в передке и правит. Едет куда и как ему хочется. Анята же за его широкой спиной притулилась, так что со стороны не сразу заметишь, что она там есть. А Петр, рослый, плотный, издали приметный, правит полновластным хозяином».

Дворцов отмечает, что даже в случае размолвки Анята не повышает голоса. Она вообще ничего не говорит, молчит, как в рот воды наберет. А телега попетляет, повихляет и снова покатится. Покатится туда, куда желает Анята, со стороны почти совсем неприметная, скрытая широкой спиной мужа.

Такой вот семейный расклад. Это довольно часто встречается. В повести Дворцова мы увидим, во что может вылиться такая расстановка семейных фигур.

В рисунках Дерявского для этой книги крепко держатся настоящие абстрактные знаки- широкие прямые линии и полукружья. А без них все разваливается, беднеет. Нетрудно разглядеть в них фрагмен-

ты стоек и сопряжений шрифтовых конструктивных элементов, которые перекрываются реальными изображениями. Художник закрепил свободные вариации линий, пятен, штрихов точными, абсолютными формами знаков.

Эти абстрактные знаки, полукружья и прямые линии, открывают – как предисловие, как введение – все части сборника «Река времен». А он очень солидный, внушительный – семьсот двадцать страниц. В него вошел роман «Море бьется о скалы», повести «Двое в палате», «Святая простота, или телега семейной жизни», «Друзья жданные и нежданные» и цикл рассказов.

Работа над книгой требует большого мастерства художника, и не всякому это по плечу. Оформителю книги, особенно требовательному к себе, часто не хватает времени для исполнения им всего задуманного. И ведь приходят новые идеи!

Помню, что свои готовые рисунки Дерявский предпочитал показывать и обсуждать без посторонних. В художественной редакции он рассеянно слушал собеседника, курил и, похоже, продолжал работать. Вдруг просил тушь, кисть, долго смотрел на разложенный лист и неожиданно поправлял что-то, ставил ему необходимую точку или штрих...

Художник-график Владимир Раменский утверждал, что каждый настоящий художник книги – это, в какой-то мере, писатель: поэт или прозаик. Ведь прежде чем оформить книгу, ее надо прочитать и перечитать; не просто понять, а прочувствовать. И от слова строить свой уникальный мир, делая свои индивидуальные открытия.

Александр Дерявский становится, буквально, соавтором книг Николая Дворцова, которые оформляет. Не соавтором текстов, но именно – соавтором книг. Он точно и глубоко проживает содержание произведений Дворцова, тонко ощущает все повороты сюжета, малейшие оттенки характеров героев, моментально схватывает мотивировку их поведения в той или иной ситуации.

Так что писатель и художник совместно, словом и рисунком, ручкой и карандашом, создают общее творение. Вершится Чудо – рождение Книги.

Оксана Сидорова,

главный научный сотрудник ГХМАК, член Союза художников России

ПЕВЦЫ ПРИРОДЫ

Что служит человеку вдохновением? Мне – книги.

Люблю не только читать. Могу подолгу перелистывать знакомые страницы, любясь иллюстрациями. Книга без иллюстраций для меня, как мелодия для голоса, звучащая без вокала.

Любимые книги – добрые друзья. Они утешают в минуты душевной слабости, помогают ответить на насущное и тревожащее!

Одна из таких – «Друзья жданные и нежданные» Николая Дворцова. Эта книга мне особенно дорога: в ней содержатся удивительные истории, случившиеся с птицами, домашними животными или с красавицей русской – березой. Иногда забавные и трогательные, а порою грустные, они рассказаны человеком наблюдательным и страстно влюбленным в родную природу.

Словесно-образному повествованию сборника рассказов Дворцова, вышедшего в 1975 году в Алтайском книжном издательстве, созвучен иллюстративный ряд, выполненный Владимиром Александровичем Раменским.

Писатель и художник счастливо встретились. И Дворцов, и Раменский были к этому времени мастерами своего дела: известный писатель и известный художник. И оба служили его величеству Книге, каждый по-своему.

Николай Дворцов стоял у самых истоков создания литературы на Алтае – рождение краевой писательской организации, альманаха «Алтай», краевого книжного издательства. Он был в те годы одним из самых известных писателей в крае. Романы Дворцова «Дороги в горах» и «Море бьется о скалы» пользовались огромной популярностью. Он дважды был ответственным секретарем краевой писательской организации, делегатом двух съездов писателей России, членом правления Союза писателей СССР, редактором альманаха «Алтай».

Владимир Раменский начал сотрудничать с Алтайским книжным издательством, будучи студентом Московского полиграфического института (ныне Московский государственный университет печати),

а в 1968 году стал его художественным редактором. Ему удалось поднять издательское дело на Алтае на новый уровень: при В.А. Раменском впервые иллюстрации и макет книги выполняются одним человеком, отчего издание становится «цельным организмом».

Раменский неоднократно говорил о том, что у Алтайского книжного издательства должно быть свое лицо, свой стиль, что книги, сделанные на Алтае, должны быть узнаваемыми

Владимир Александрович учил окружающих любить книгу, понимать, что оформление книги – это искусство, что овладение им не каждому под силу. Раменский говорил: «Каждый настоящий художник книги – это и поэт, и прозаик. Ведь прежде чем оформить книгу, ее надо прочитать. А часто и перечитать. Надо же не просто понять, а прочувствовать. И строить свой мир от слова. Только так, если есть способности, можно сделать свое открытие – свое прочтение».

Владимир Александрович работал с различными материалами, в разных техниках оригинальной и печатной графики, создавая в каждой книге самобытную пластическую систему.

В иллюстрациях к сборнику рассказов Николая Дворцова мастер использовал тушь, перо.

Художник рассказывал: «Да я во всех авторов словно влюблялся. Порой так было: книга еще «в чернильнице», а мы уже об издании мечтаем, уже представляем с автором книгу. У меня, когда берусь за работу, словно крылья вырастают!»

Владимир Раменский работал над книгой Николая Дворцова с удовольствием, еще и потому, что сам обожал все живое. И Дворцов, и Раменский были людьми наблюдательными, тонкими, влюбленными в природу.

Николай Григорьевич всей душой любил свой сад на Кордоне – особый мир:

«Не знаю, кому как, а по мне самая лучшая пора в саду – это цветение. И не потому только, что оно красиво, но, главное, потому, что цветение – это демонстрация жизненных сил природы, их торжество.

Подумать только – всю долгую зиму нещадно били морозы. Били то залпами, то бегло. Ветер подпрягался в помощь, все рвал и метал. И когда эта объединенная ярость достигала наивысшего напряжения, невольно думалось в тревоге, что живого ничего уже не осталось, все живое погибло.

А теперь вот оказывается, что нет, не погибло живое. Зима, конечно, нанесла урон, но сгубила то, что оказалось при жестокой проверке наиболее хилым, наименее приспособленным. Стойкое же, затаясь, терпеливо одолевало невзгоды и терпеливо, исподволь, неприметно копило силы.

И как только солнце, щедрое, косматое солнце, опрокинуло на землю свое тепло, возвещая урочное время, – жизнь двинулась в наступление. Великое, неизменно победное, праздничное наступление!» (Н. Дворцов «Природа, люди и варвары»).

А вот трогательный образ березок. Березки от одного корня, посаженные на соседнем участке, ростом от силы в полметра и толщиной в карандаш, через несколько лет превратились в красавиц. Отклонились две сестрицы одна от другой, точно за руки схватились, чтобы озорно закружиться. Посмотрит на них главный герой повествования – и любая работа спорится.

Он хватает ручку и пишет, пишет, будто поднятый какой-то волной.

И льется у него, льется. И кажется ему, что каждое лыко угодает в строку...

Назавтра все началось так же. Отдернул утром оконную занавеску – березки в ожидании. Он сразу к ним – поздоровался, полюбился. Потом снова – за стол. И снова пошло у него все без сучка и задоринки: работалось ему легко и радостно. Сначала – за столом, до усталости в голове, потом на перекопке междурядий малины.

Владимир Раменский много времени проводил в селе Озерки, где когда-то жили родители художника. Он построил здесь усадьбу с мастерской и «классом» для занятий с деревенскими детьми.

Просторный деревянный двухэтажный светлый дом художника в Озерках окружен вековыми соснами. Зоя Ивановна вспоминала, как просыпаясь, Владимир Александрович шел к одному и тому же дереву, трогал его ствол, словно жизнью напивался, после садился за рабочий стол, рисовал.

Деревья, цветы, птицы – все это было частью бытия художника, наполняло силами, рождало образы. В одной из бесед Владимир Александрович вспоминал: «Прогуливался вечером в лесу – в Озерках. И вдруг ветка под моей ногой как щелкнет – сухо так и очень громко, прямо как выстрел! И тут же по всему лесу – как вспышка! –

птицы взлетели вверх и в стороны!.. Все это, представьте, на фоне догорающего заката! Меня так тронули эти лучи сквозь тучи и эти птицы в небе, что я тут же взялся за карандаш».

Пейзаж – главная составляющая иллюстраций Владимира Раменского к сборнику рассказов Николая Дворцова «Друзья жданные и неожиданные».

Птицы – один из любимых, знаковых образов. Они – символ окрыленной души художника. Изображения птиц сопровождают читателя на протяжении всей книги, начиная с обложки, где взору читателя предстает лес с разноцветным узорочьем стволов на фоне снежного сугроба или звучной синевы небес.

Это пространство наполнено мелодией: журчанием ручья, гомоном птиц, высоко парящих в воздухе. Красивым многоцветием, нарядным и праздничным, открывается иллюстративно-образный ряд произведения, главными персонажами которого, кроме птиц, стали мерин Сивака, собачонка по кличке Шарик, белоствольные березки – «символ Руси, души русской...».

«Березы-сестрички...Стройные, белые, как снежная пороша...», служившие талисманом главному герою повествования, художник поместил на фронтиспис книги, предваряющий рассказ. «...Беспорядочно, но страсть как живописно распустили они шелковистые пряди...стоят, белея стройным литым станом...», тонкими ветвями к солнцу тянутся.

Птицы, изображенные вереницей на титульном листе, словно с этих ветвей слетели. Пластически выразительные, каждая на свой манер, со своим характером, они визуальнo продолжают образное повествование, побуждая читателя перевернуть страницу и погрузиться в текст: «Зима у нас в Сибири, скажу я вам, особенная, никак не похожая на зимы в других местах». Художник вторит этим словам узорчатой заставкой, сотканной из веток, снежинок и комочков снежной пыли.

Шмуцтитул «Друзья жданные» к первой части книги переносит читателя в птичье царство. В центре повествования – дерево все сплошь в птичьих домиках-скворечниках. Здесь впервые, по замыслу автора, незримо возникают люди – садоводы, которые «эти скворечники ладят и развешивают».

Шмуцтитул «Друзья нежданные» ко второй части книги точно и образно иллюстрирует текст автора о тополе, который птицы «облюбовали для своих посиделок... И все у них по рангам и на особицу. У воробьев – место постоянное – нижние ветви... Там же на тополе – скворцы, дрозды. И вороны – там, как правило, на самом верху. Нахохлятся и молчат. Такой у них ежедневный порядок – посиделки, одним словом...»

Персонажами заставок в книге становятся бабочки, кузнечики, мураши-сладкоежки, ежонок Кузька.

Главный герой повествования вроде бы всегда рядом, но присутствует незримо. И только последний шмуцтитул «Природа, люди и варвары» художник целиком посвятил автору рассказов, его горю, порожденному варварством человека, сгубившего красоту белоствольных березок ради прибыли – банных веников «по тридцать копеек штука». Черный ворон за окном, кружащийся у берез «с выставленными во все стороны культями» – символ беды, символ опустошенной, обескрыленной чужим злом, души автора.

Иллюстрации Владимира Раменского к сборнику рассказов «Друзья жданные и нежданные» не просто сопровождают текст, украшая книгу.

Созвучные содержанию и стилю литературного произведения, рисунки художника расширяют информационное поле авторского замысла, обогащают словесно-образный строй. Акцентируя внимание на самом главном, сущностном, они способствуют цельному восприятию книги, заставляют задуматься!

Валентина Зинченко (Трушина),

племянница Николая Дворцова

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

Я – племянница Паны Ивановны Дворцовой (в девичестве – Трушиной).

В начале 1930-х годов наша семья жила в Славгороде. Тетя Пана Трушина (будущая жена Николая Дворцова) жила с нами – ей было лет пятнадцать.

Жили на квартире, но имели хорошую швейную немецкую машинку «Зингер». Мать прекрасно шила, причем даже пальто и шубы.

Надо отметить, что все в роду Трушиных (три брата и три сестры) были талантливыми портными – это досталось от родителей.

Одна из завистливых соседок-активисток донесла на родителей (в те годы это было частым явлением). До сих пор помню, как нас раскулачивали! Забрали весь нехитрый скарб и главное богатство – машинку. Нас, всю семью и тетю Пану отправили в далекую ссылку – в Нарым.

Долгая дорога: Томск, Кargasок, и по реке Васюган высадили в 150-200 км на берегу.

По всему Васюгану были ссыльные поселения. От голода, холода и болезней люди умирали, как мухи.

Когда нас сослали, благо, было лето – это спасло. Успели выкопать землянку и как-то обжиться до морозов. Отец познакомился с местными жителями – остяками. Они промышляли рыбой. Отец быстро освоил рыболовство – этим жили.

Дедушка с бабушкой часто слали посылки с сухарями. А зимой приехали сами из Барнаула – на санях по замерзшему Васюгану. Привезли продукты и забрали с собой тетю Пану и меня (видимо, было на то разрешение).

Потом в этом селе Уралка построят спиртзавод, где будет производиться древесный технический спирт и лак. Появится рыболовецкое хозяйство, и отец станет его председателем. Мама опять станет шить. Но все это будет – потом.

Помню, что в Барнауле жили на Короленко между 2-м и 3-м Прудскими, с бабушкой и дедушкой. Еще их сын с женой и двумя детьми. Тесно, но жили дружно.

Тетя Пана закончила учительский институт и работала в школе – преподавала математику. Познакомилась с Николаем Дворцовым, вышла замуж, и какое-то время молодая семья жила здесь же – на Короленко. Через год родилась у них дочь Таня.

Вскоре им дали квартиру – на Никитинской в деревянном двухэтажном доме. Меня они забрали к себе.

Николай Дворцов, или просто для меня дядя Коля, работал в краевом книжном издательстве техническим редактором, а по ночам писал. Я помню: в маленькой комнатке – его кабинете – настольная лампа порой горела до утра.

И вот – прорыв! Первый успех! Повесть «Мы живем на Алтае» опубликована в газете «Молодежь Алтая». Вскоре она вышла отдельным изданием.

Мы были так горды, что в нашей многочисленной родне появился необыкновенный человек – писатель!

И сама жизнь будто взяла другой уровень, другую ступень. Дядя Коля перешел на журналистскую работу в редакцию краевого радио. Позже – в газету «Молодежь Алтая» – командировки, командировки...

Но главная страсть – литературное творчество. Любимое место труда и отдыха – письменный стол. Это была святая зона в квартире. Когда мы с тетей Паной наводили порядок, нам категорически было запрещено касаться письменного стола: протирать пыль, перекладывать или переставлять что-то. Это место ревностно и крайне строго охранялось хозяином.

А будни шли своим чередом. Дочь дяди Коли Таня подрастала. Тетя Пана занималась домом. Воды, отопления, канализации не было. Вода – в колонке за квартал. Коромысло и два ведра – привычное дело. Хорошая печь, дрова и уголь – в сарайке во дворе. Стирка – в корыте на доске (и простыни, и пододеяльники).

Готовка – на примусе (долго и нудно), что-то – на печи. Такой вот быт.

Дядя Коля, конечно, помогал, но, в основном, по выходным (раз в неделю). С утра до вечера работал плюс командировки. По ночам – писал.

Я, конечно, тоже, как могла, суетилась: в магазин и за водой, полы помыть и дров принести.

Где-то в это же трудное для семьи время дядя Коля принял решение уйти с работы и заняться только литературным трудом. Всем было страшно – что из этого выйдет? Он один – кормилец, и столько ртов: родились еще две дочки-двойняшки. Столько забот, и проблем, и расходов.

А тут еще погибла родная сестра тети Паны! Она с мужем и двумя малолетними сыновьями уехала на Курильские острова – за лучшей долей. Там случилось страшное наводнение. Муж с мальчиками чудом спаслись. Но вернулись в Барнаул втроем – без жены и мамы.

Надо было помогать – поднимать детей. Старшего отдали в интернат, младший жил у Дворцовых. Жил до женитьбы отца.

В 1954 году вышла вторая повесть дяди Коли «Наше счастье». В следующем году две книги рассказов «Дружба» и «Родная семья». И в 1955 году он был принят в члены Союза писателей. Он победил! Победил свой и наш страх и трудные обстоятельства.

Я уже работала – в пожарной охране (выдавала и принимала огнетушители) и училась в вечерней школе.

Я тянулась за Дворцовыми: тоже поступила в институт – «на зоотехника», в сельскохозяйственный. Сама родом из деревни, работы не боялась, животных любила и жалела.

Хорошо помню, как дядя Коля подробно расспрашивал меня об учебе, о специфике моей будущей профессии. Он хорошо знал и понимал деревню, ее непростые будни, особенности сельскохозяйственного труда.

Закончив институт, я в 1957 году уехала по распределению в Калманский район, село Жданово, зоотехником отделения.

Когда появлялась в Барнауле – сначала одна, потом с мужем – дядя Коля, работая над первым своим романом «Дороги в горах», скрупулезно расспрашивал меня о тонкостях моей работы. Я с удовольствием и гордостью делилась своими познаниями.

Например, древний метод, оставшийся в наследство от кочевой жизни дедов и прадедов, – дойка с подсосом. Коровы доятся только со своими телятами. Они не подпускают доярку до тех пор, пока не увидят около себя теленка. Привязанный к ограде, теленок рвется

изо всех сил к вымени. Мать ласкает его языком, а доярка спешит взять молоко, потом пускает теленка.

Эта моя информация об особенностях дойки вошла в роман.

В 1959 году произошло два больших события разного плана: вышел первый роман дяди Коли «Дороги в горах» и у меня родился первенец – сын Сергей. Такой вот счастливый год!

Как можно догадаться, «Дороги в горах» – моя любимая книга.

Она вышла сначала в Новосибирске, в том же году – в Барнауле. Позже роман был серьезно переработан автором, дописана новая четвертая часть. В этом обновленном виде он был издан в Москве – в 1964 году, через год – переиздан в Барнауле.

Образ главной героини романа Клавы Арбаевой дорог и близок мне.

Эта простая девушка живет в селе. Мать – трудится дояркой, потом – заведующей животноводческой фермой колхоза. Не удивительно, что Клава мечтает стать зоотехником. После окончания школы пытается поступить в сельскохозяйственный институт, не проходит по конкурсу и возвращается в родное село. Что делать, куда идти?

Девушка рвется на ферму – хоть дояркой, хоть учетчицей. Мать, жалея Клаву, устраивает ее в контору райпотребсоюза. Так начались испытания молодой девушки. Немало ей пришлось пережить, увидеть, осознать, прежде чем она вышла на свою дорогу, именно – свою.

«...Ведь главное – решиться. Вот так бывает, когда купаешься. Топчешься на берегу, а в воду прыгнуть страшно. Когда прыгнешь – замрет от холода сердце, захватит дыхание...Но только на какую-то секунду, а в следующую все пройдет. Потом даже смешно станет, что боялась» (Николай Дворцов «Дороги в горах»).

Как будто обо мне написано.

Клава ушла на ферму, стала дояркой, встретила с нелегким трудом. Особенно тяжело приходилось в зимнюю стужу, когда девушки порой отмораживали пальцы во время дойки. Жизнь как будто испытывала Клаву – сильна ли, годится ли для больших дел.

Временами она, как и каждый человек в трудных обстоятельствах, как и я, поддавалась слабости, колебалась, у нее возникали сомнения в правильности своего выбора.

«Бывают времена, когда человеку кажется, что его жизнь окончательно зашла в тупик. Окружающий мир, большой, многообразный и яркий, покрывается мрачными тенями, становится ненавистным, постылым. Не находя себе места, человек терзается мучительной мыслью – зачем жить, если завтра, через месяц и год будет так же нестерпимо тяжело, как и сегодня? К чему такая жизнь? (Николай Дворцов «Дороги в горах»).

Моя любимая героиня Клава Арбаева все преодолела, духовно выросла, окрепла, научилась понимать красоту человеческой жизни, радость любимого дела. И мечта ее превратилась в быль – она стала зоотехником.

А я перебирала странички своей жизни.

Работа зоотехника – непростая.

Вначале у меня вообще не было выходных. Вставала рано – в пять надо было быть на ферме, которая находилась в нескольких местах: три коровника, где шла дойка; родильное отделение, где телились коровы; и телятники. Моя обязанность – проконтролировать всех рабочих: доярок, телятниц, скотников. Летом – проверить все выпасы: пасется скот или нет.

Дождь, мороз, буран – не имеет значение. Запрягаешь лошадь, которая была закреплена за мной, садишься в телегу или сани и – вперед. Болит голова или зуб, какой месяц беременности (у меня двое детей) – не имеет значение.

Как у Клавы, у меня были минуты слабости – как у любого человека. Но, по большому счету, не жалела, что я – зоотехник. Это мой выбор, моя судьба.

К первому изданию романа «Дороги в горах» эпиграфом были взяты строки стихотворения Сергея Острового:

...Уверенно вперед иди сквозь годы,
Оставь на этой лучшей из планет
Свой яркий след, свои живые всходы.

Думаю, эти слова актуальны на все времена – для всех поколений.

Юрий Громов,

племянник Н.Г. Дворцова

ДЯДЯ КОЛЯ

В начале 1950-х годов наша семья (родители и я со старшим братом) уехала из Барнаула на Курильские острова – за лучшей долей: заработать, укрепить материальное положение.

Сразу дали жилье, отец устроился на работу, мать занималась хозяйством и нами, детьми.

Беда пришла неожиданно. В результате сильного подводного землетрясения произошло цунами, наводнение. Гигантские волны безжалостно разрушали все вокруг, смывая дома и людей, унося в открытое море.

Все мы вчетвером успели выскочить из дома и стремительно бросились на спасительные сопки. Но мать решила вернуться – забыла документы и деньги. В доме ее и накрыла огромная волна.

Старшего брата отшвырнуло куда-то догнавшей нас водой, а меня отец крепко прижимал к себе. В конце концов мы ухватились за крышу разрушенного дома – так и унесло в море. Нас довольно быстро подобрала военная спасатели.

А брат Вова, как потом оказалось, вцепился в бревно – так его долго носило, говорят, около суток. Спасли военные.

Печальное возвращение в Барнаул – уже втроем, без мамы.

Помню, что жил у Дворцовых. Брата отдали в интернат. Отец где-то работал – постоянно в командировках.

На тете Пане (родная сестра моей мамы) – хозяйство, трое дочерей и я.

Наши двоюродные сестры Валя и Лариса (лет на пятнадцать старше меня) помогали тете Пане.

Дядя Коля напряженно работал в газете «Молодежь Алтая», а по ночам – писал. Уже вышла его первая повесть «Мы живем на Алтае». Я побаивался его за строгость и требовательность.

На всю жизнь запомнилось многодневное путешествие на теплоходе. Его нам подарил дядя Коля.

Он купил билеты от Барнаула до Каргаска, и мы поехали в гости к

тете Тане – старшей сестре тети Паны.

Вся каюта была наша. Я, как мужчина, хоть и лет десяти, занял верхнюю полку. Сестра Таня – тоже верхнюю. Тетя Пана и младшие сестры, Ира и Вера, – весь первый этаж.

Это был такой восторг и такие впечатления! Удивительной красоты рассветы и закаты на Оби, потрясающе вкусная сгущенка к чаю, причаливания и отчаливания, проплывающие по берегам реки деревеньки.

До сих пор помню, как теплоход мягко разрезает толщу воды, а мы, дети, зачарованно смотрим на волны за бортом.

Потом – целое лето вольготной деревенской жизни на свежем таежном воздухе. И все такое вкусное: молоко и картошка, огурцы и помидоры, рыба и кедровые орехи. Вкусная жизнь! Правда, помню, что Ира заявила: «Я из-под коровы молоко пить не буду. Только из магазина».

Когда отец вновь женился, меня забрали в новую семью. Но к Дворцовым я очень часто приходил.

Подростком лет четырнадцати прочитал «Море бьется о скалы» и был потрясен. Наш дядя Коля Дворцов пережил страшное окружение, испытал ад фашистского концлагеря и выстоял. Меня все время жег вопрос: «А я? Я бы смог? Как Садовников, Степан Енин, Федор Бойков, Васек Хорошаев и другие военнопленные? Пережить кошмар концлагеря и не сломаться?..».

Как-то я спросил об этом дядю Колю, но он, внимательно посмотрев на меня, ничего не ответил.

Шли годы, я учился в школе, набирался ума-разума. И однажды, перечитывая книгу «Море бьется о скалы», иначе увидел главного героя Степана Енина.

Ведь он совсем не сразу стал отважным антифашистом. Писатель подробно показал, как постепенно «закалялась сталь», мужал характер.

Попав в плен, Степан вначале считал, что все погибло. «Эх, жизнь несчастная, пропала», – думает он.

Но его окружают верные друзья – помогают вырасти в активного борца против фашистов. Жорка, говоря о предателях, которые служат гитлеровцам, убеждает Степана: «Ну, ничего, придет время – сведем баланс».

Степана Енина постепенно привлекает к подпольной работе Садовников, давая различные поручения. По его заданию Степан устанавливает связь с норвежскими коммунистами, через них регулярно получает правдивые сообщения о положении на фронте и передает их своим товарищам. Он понимает, что правда, точная информация – это оружие.

Енин вырастает до настоящего борца, способного на самоотверженные поступки. Он вместе с Цыганом устраивает в военном порту взрыв, который приносит немцам огромный вред.

Недаром один из эпитафов к роману – слова Николая Островского: «Мужество рождается в борьбе».

Хорошо помню, как я по весне, демобилизовавшись, зашел к Дворцовым. В военной форме, совсем другой человек – отличник службы. Как сейчас, вижу восторженные глаза сестер, Тани, Иры и Веры, с которыми вместе росли. Я чувствовал себя их защитником – солдатом и рыцарем.

Вышел дядя Коля из своего рабочего кабинета. «Ух ты, каков орел!» – сказал он, похлопав меня по плечу.

Потом, подмигнув, спросил:

– Ну что, решил свой давний вопрос? Смог бы выстоять?

– Думаю, смог бы, – серьезно ответил я.

– Ладно, пошли пить чай – девчонки торт купили к твоему приходу, – улыбнулся дядя Коля.

Иван Дворцов,

внук Н. Г. Дворцова

(Публ. по: Дворцов И. Встреча. // Барнаул. 2007. – № 4)

ВСТРЕЧА

Дед умер, когда мне едва исполнилось три года.

Смутно помню, как в его кабинете я карабкался в высокое (или так казалось?) кресло и мостился в нем. Меня ждали счастливые минуты – любимая программа «Спокойной ночи, малыши» с увлекательными мультиками. Иногда дед забирал из кресла к себе на диван и, глядя по голове, усаживал рядом.

Но главная встреча произошла позже.

Книги я любил всегда. Мать постоянно читала мне что-нибудь занимательное. Мальчишкой, конечно, увлекался приключениями. Но самое любимое – «Кортик» и «Бронзовая птица», «Старая крепость» и «Записки о Шерлоке Холмсе» Конан Дойля. Их знал почти наизусть.

В нашей семье очень почитается праздник «со слезами на глазах» – День Победы. Всегда ездили к деду на кладбище, дома перед его портретом традиционно ставили гвоздики, устраивали небольшое застолье.

И однажды в такой день мать положила передо мной книгу: старое издание – еще 1961 года, потерянная, когда-то черная. На обложке – колючая проволока и название: «Море бьется о скалы». Название – яркими синими буквами, как морские волны.

Прочитал ее в один присест. Потом перечитывал и медленно, и внимательно. Мать сказала, что главный персонаж Степан – это и есть мой дед. Да я бы и сам это понял.

Для меня эта книга – полудокумент. Я знал, что дед все описанное пережил, что у него на левой ягодице выжжен номер 306...

Это для меня он дед. Для моей мамы – отец, для бабушки – муж. Для кого-то он был просто номером 306.

По рассказам матери я знал, что до войны дед был веселый, шуточный. В плен он попал в 24 года. Совсем молодой – как я сейчас. И в 24 года на него свалился весь этот кошмар – война. И война в самом страшном проявлении – плен, концлагерь: унижение, издева-

тельства, побои, голод, изнурительный труд. Когда ты не человек – ты просто номер.

По окончании войны в стране было сложно: после немецких концлагерей многих ждали лагеря сталинские.

Деду умные люди посоветовали уехать подальше с глаз – в Сибирь. Думаю, это его и спасло. Но на работу устроиться было трудно. Мешало клеймо – бывший пленный. Долго мыкался то там, то сям.

Постепенно жизнь налаживалась. Устроился на подходящую работу, начал писать, женился. Родилась моя мать (а значит, где-то в перспективе замаячил и я).

Судьба сводила меня с людьми, которые где-то когда-то воевали: в Афгане, Чечне, даже во Вьетнаме. У них одна общая черта: все они искореженные в большей или меньшей степени. Они продолжают воевать до последнего своего вздоха: во сне, в воспоминаниях, за бутылкой водки. Память не сотрешь.

Так же, думаю, было и с дедом. Пережитое в далекой Норвегии болело, не давало мира и покоя душе, рвалось на бумагу. Дед решил: пусть меня посадят, но я все равно расскажу о кошмаре плена, о моих товарищах, о тех, кто остался навеки лежать в чужой земле и кто победил, покажу обстоятельства и себя.

Так родилось «Море бьется о скалы».

И душа деда не то что освободилась, но ей стало легче, просторнее, светлей. Ей стало возможно жить дальше. И уже могли через какое-то время появиться такие вещи, как «Друзья жданные и нежданные» и другие дорогие мне рассказы.

Я их полюбил и оценил, когда увлекся художественной фотографией. Сначала приобрел с рук недорогой «Зенит». Фотоаппарат старый, но снимки получились хорошие: Горный Алтай, пригороды Барнаула, наш домочадец кот Багир...

Потом я заработал деньги и выписал одну из последних моделей японских фотоаппаратов. Фотографии получились классные: удивительные краски рассветного и закатного неба, капля росы на листке тополя – как кусочек горного хрусталя, нежные полевые цветы и разнотравье предгорий Алтая, пенное цветение яблонь в старом саду деда...

И так бесконечно...

У меня такое ощущение: есть грандиозное мироздание, чье-то величественное творение. И человек может только слегка прикоснуться к этому чуду своим слабым ограниченным умом и попытаться хоть как-то передать это через творчество: книги, музыку, картины, фотографию...

Вот мне и стали близки некоторые рассказы деда – тонкие, акварельные, светлые: «Августовские ночи», «Сибирская зима», «Друзья жданные и нежданные»...

Мне кажется, я даже могу фотографиями передать ночное августовское небо (жаль, не смогу показать движение звезды).

Или могу попробовать серией фотографий приблизить зрителя к рассказу «Сибирская зима»:

- «бабье лето» – легкая грусть, тихое солнечное тепло;
- печальная хлюпкая слякоть осени;
- белая живая сетка грациозных крупных снежинок;
- хмурый ветреный день с белыми мухами.

Но как передать хрупкий и тонкий шорох и шелест падающих снежинок?..

Татьяна ГУЩИНА

(Публ. по: Гущина Т. Прикосновение – Алтай – 2007 – № 6)

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Светлой памяти отца Николая Дворцова

Уже более тридцати лет как тебя нет. Но ты рядом.

Ты приходишь рассветным небом, каплями дождя на лице, весенним гвалтом скворцов, церковным перезвоном колоколов, неожиданной стихотворной строкой...

Это прикосновение теперь не обжигает нестерпимой болью, а наполняет душу грустью и Светом, отрадой и печалью.

Помнишь, в одной из своих повестей ты писал, что, оглядываясь назад, «отрадно было оживлять в памяти давнее, снова и по-новому общаться...»

Я прикрываю глаза, и прошлое сказочно легко оживает. Прошлое – как будто это было вчера и в то же время как будто никогда этого не было: приснилось...

Мы сидим на старой деревянной скамье в твоём любимом саду, любуясь закатом солнца и наслаждаясь расслабляющей благодатью тихого вечера.

После изнуряющего летнего дня каждый листочек, каждая травинка, обожженные раскаленным светилом, умывались целительной вечерней прохладой, будто освежающим душем, смывая усталость, обретая вновь сочные зеленые краски. Таким спокойствием и умиротворением, такой гармонией дышало все вокруг, что она, как в сообщающихся сосудах, переливалась и в нас, настраивая на одну волну, даря радость чувствовать каждое душевное движение друг друга, угадывать и продолжать мысль, будто мы не разные особи, а единое существо без всяких мучительных раздирающих противоречий и непониманий.

Ты сидишь усталый и довольный тем, что все запланированное на день реализовал: подкормил пионы, полил викторию и малину, порыхлил яблоньки, натянул шпагат вокруг веранды для вьюнов. Теперь я понимаю, каким влюбленным в природу тружеником был ты:

сам мог вовремя не поесть, но чтобы не подкормить и не полить свой сад – такого не случалось.

В стареньком шкафу ты держал массу справочников по садоводству и цветоводству. Ты был очень увлекающийся человек. Одно время участок заполонили пионы и яблони: на нем почти ничего не росло – только они. Но зато какие!

В июне бушевали пионы: розовые, белые, бордовые – целая плантация – глаз не отвести. «Уж слишком хороши, только на выставку», – говорила мать. Мы с сестрой огромными охапками возили эти неженки домой, пряча от раскаленного солнца в прохладе городских квартир, раздаривая потом друзьям и знакомым.

Мы ворчали: неразумно, нецелесообразно держать такое количество цветов, лучше посадить помидоры, лук, огурцы, морковь. Ты согласно кивал, но не решался выкорчевать цветы, радуясь их аристократической красоте и своеобразному, с тонкой кислинкой аромату, воспринимая их как маленькое волшебство природы.

Осенью наступала пора яблонь – боровинки, мелбы, белого налива, пепинки, горноалтайской, сибирского золотого, алтайской сладкой.

Яблоки лежали на подоконнике, на шкафу, под кроватью, под столом, на веранде под топчаном – круглые, крупные, желто-зеленые; овально-конические, помельче, с густым пурпурным румянцем; бледно-желтые, «медовые» с рыхлой, рассыпчатой, тающей во рту мякотью и просвечивающими темно-коричневыми зернами. Все матовые, с восковым налетом, будто припудренные, а чуть коснешься полотенцем – и они радостно блестят, сверкают... будто прошлись по ним свежим «полиролем».

Ты ждал, чтобы яблоки вылежались, дошли. И они долго блаженно отдыхали, пропитывая садовый домик чудесным ароматом. И яблоки были для тебя не просто плоды, которые подлежат варке и консервированию, а результат великого таинства, произведение мастерства ее величества Природы.

«...Снова и по-новому общаться...»

Где-то в эту же далекую счастливую пору ты увлекся... скворцами. Вооружился справочником «Птицы СССР», добытым случайно в книжном магазине, и принялся изучать повадки скворчиного племени.

Приедешь в сад, а ты либо за столом над рукописью, либо сидишь на скамейке и наблюдаешь за пернатыми, думаешь. А справочник – рядом. Чуть какие сомнения – туда.

Мы, нарушая творческое уединение, привозили городскую суету и ворох новостей. Ты слушал, согласно кивал, а сам был далеко-далеко: в который раз мысленно переделывал скворечник и лазил прибавать его по осенней дождливой погоде; сопровождал скворцов в их далеком полете, полном трудностей и опасностей, из теплых мест в родные края; волновался за подросших скворчат в ответственную, торжественную минуту, когда их выводили из гнезда и ставили «на крыло».

Тем летом ты долго, чуть не до конца сентября жил в саду. Готовил его к зиме и продолжал изучать скворцов, работал над новым циклом рассказов.

Пришла пора тоскливых осенних дождей и пронизывающих ветров, и скворцы вместе со словарем переселились в нашу просторную городскую квартиру.

Ты часто работал ночами, когда город, утомленный дневными хлопотами, крепко засыпал, и ничто не нарушало твоего тихого ночного блаженства. По несколько раз заваривал свой любимый индийский чай, заботливо присланный другом из Москвы, и лишь под утро в кабинете гасла настольная лампа.

Иногда ты работал в первой половине дня, и мы старательно ограждали тебя от телефонных звонков и неожиданных посетителей.

Отрешенный, сосредоточенный, заходил на кухню, заваривал любимый «индийский» и сразу же уходил, боясь расплескать свой весенний солнечный мир.

Временами ты приходил к нам, читал написанное, и в темноватую из-за метелей и замерзших окон комнату врывались весна, кудлатое солнце, свежий весенний ветерок, скворчиные тревоги и страсти, слабый писк птенцов.

Да, ты был очень увлеченным человеком, и если бы не эта увлеченность, даже одержимость, не было бы «Друзей жданных и неожиданных» – моего любимого произведения. Да и ничего бы не было.

Перед глазами всплывают другие картины. Последняя осень, последняя зима. Во время болезни ты редко выходил на улицу, полуле-

жал на диване, много, как всегда, читал, смотрел телевизор. А в квартире еще один большой любитель телевизора – озорной двухлеток Ванюшка. Он по-хозяйски заходит в кабинет, бесцеремонно хлопает дверью и со словами: «Деда, кутуй кино» вскарабкивается на старое кресло и барственно разваливается в нем. Ты покорно «кутуешь кино» (как устоять против любимого внучонка), глядя его головку, забираешь Ванюшку к себе на диван.

Так вы и сидите рядом: начало и конец. Вступающий на дорогу жизни и завершающий ее. Резвый упругий мячик, маленький несмышленыш, полный нерастраченных жизненных соков, бесстрашно начавший осваивать мир (настолько бесстрашно, что синяки и ссадины не успевают заживать на нем). И усталый путник, мудрый, молчаливый, изболевший, угасающий на глазах, прошагавший отмеренный ему более чем тернистый путь, прошедший войну и ад фашистского концлагеря, не раз оказывающийся на краю смерти; познавший цену всему: преданности и предательству, любви и одиночеству, «души прекрасным порывам» и жестокости.

...Почему же, почему лишь теряя, человек начинает глубже и точнее понимать того, кто долгие годы жил рядом, заботился, пытался оградить от ошибок и бед?

Что имеем – не храним, потерявши – плачем? А может быть, потому, что уходит все второстепенное, наносное, суетное, что порой возникает и заслоняет суть?

«...Снова и по-новому общаться...»

Перед глазами проходят незабытые картины детства, которое уплывает бумажным корабликом к горизонту все дальше и дальше, становясь щемяще дорогим и почти нереальным. От него веет той защищенностью и беззаботностью, которые возможны только в детстве, в нем живет такой молодой и веселый отец. Как в детском фильмоскопе, я останавливаю отдельные кадры и, окаменев, сижу перед ними.

Зима обрядила в белые уютные шубки деревянные дома каких-то Прудских, где прошел первый десяток лет моей жизни, застелила искрящимся на солнце толстым пушистым паласом дорогу. И по этой дороге я шагаю счастливая, сияющая, крепко держась за твою руку и прижимая к груди картонную коробку с только что купленным

серым плюшевым зайцем.

Отцовские сильные руки бережно натирают болеющую дочурку скипидарной мазью, приготовленной дома по старому бабушкиному рецепту, и укутывают большой вязаной шалью. До сих пор запах скипидара воскрешает в памяти бесчисленные детские простуды и твои сильные заботливые руки.

Уже восемнадцатилетней студенткой я делаю доклад о «Стихотворениях в прозе» И.С. Тургенева на научной конференции, посвященной творчеству писателя. Выступление признано одним из лучших. Как забыть радость и гордость в твоих глазах – своим взрослым удачам ты так не радовался, как моей маленькой победе.

Почему же так прочно укоренилась в человеческой натуре привычка оценивать все задним числом, неумение жить полно и распахнуто настоящим, ценить сиюминутность сегодняшнего дня, который канет в бездонную Лету и никогда не вернется? Будут еще дни, и хорошие тоже, и лучше этого, сегодняшнего, но его-то, единственного в своем роде, уже никогда-никогда не будет.

И я тоже суетилась, спешила, задыхаясь в веренице накопившихся дел, откладывая на завтра: непрочитанную книгу, ненаписанное письмо, встречу с давно не-виденным другом и... какой-то большой важный разговор с отцом.

А он, пожалуй, и не нужен был – большой разговор. Дочь не успела сказать такие простые, лаконичные слова: «Я очень люблю тебя, папа».

Как опавшие грустные осенние листья, я ворошила в памяти воспоминания последних дней твоей жизни.

Каждый вечер мы с Ванюшкой заходили в твой кабинет и смотрели «Спокойной ночи, малыши». Заканчивалась передача, заканчивались мои комментарии сыну и, почти ни на минуту не задерживаясь, я шла на кухню варить обед на следующий день или в ванную – стирать детские вещи. Шла суетиться, оставляя тебя с горькими мыслями и с одиночеством.

Однажды приснилось: ты, скорбно склонив седую голову, прошептал: «Мне страшно». Я разрыдалась, говорила, что ты не можешь, не смеешь умереть, говорила, как люблю тебя, как много из задуманного тобой еще не сделано. Я проснулась на мокрой от слез

подушке... и вновь нырнула в суету дня.

Я не поверила, что сон может стать явью.

Когда тебя не стало, твердая почва ушла из-под ног, многоцветный звонкий мир утратил все свои краски и звуки, стал похож на унылую черно-белую ленту немого кино.

Впервые в жизни я ощутила полынный вкус сиротства. Никто и никогда не сможет так безоглядно и бескорыстно любить и понимать меня, как любил и понимал ты, как могут любить только родители свое, годами пестуемое дите, свое творение и продолжение. Никто и никогда не сможет так полно и искренне обрадоваться моей радостью и огорчиться моей печалью.

Жизнь резко отчеркнула все прошлое, впереди было другое измерение, надо было научиться жить в нем.

Неосознанно, инстинктивно я бросилась к твоим книгам, не уставала перечитывать одно и то же, находила новые краски, удивлялась неожиданным образам. Давние романы «Дороги в горах» и «Море бьется о скалы», повесть «Двое в палате», рассказы, очерки, просто заметки, беглые записи в старых пожелтевших блокнотах.

«... Снова и по-новому общаться...»

И явственно слышала такой знакомый, такой родной голос. Казалось, со страниц своих книг ты обращаешься только и именно ко мне: «Я все понимаю, но будь сильной. Жизнь продолжается. Посмотри, как она хороша: весеннее небо и рвущиеся к солнцу скворцы, кипенно-белый зимний наряд земли и мягкое золотое свечение бабьего лета, умное доброе лицо зрелого человека и детская улыбка. Живи и будь счастлива! А я... я всегда рядом».

Уже более тридцати лет как тебя нет. Но ты рядом.

Ты приходишь зимней метельной круговертью, шорохом осенней листвы под ногами, порывистым летним ветром, обрывком забытой песни, глазами Николая-Чудотворца в храме, сорвавшейся звездой в ночном небе...

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Н. Г. ДВОРЦОВА

Отдельные издания

Мы живем на Алтае: повесть. Рассказы / [худож. А. Хмылев, В. Заборский]. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1953. – 165 с.: ил.

Наше счастье: повесть / [худож. В. Заборский]. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1954. – 120 с.: ил.

В долине Урсула: очерк [о колхозе «12 лет Октября» Онгудайского р-на]. – Горно-Алтайск: кн. изд-во, 1955. – 44 с. – В соавт. с А. А. Сотниковым.

Дружба: [повесть и рассказы] / [худож. В. Заборский]. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1955. – 111 с.: ил.

Родная семья: рассказы / [худож. В. Заборский]. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1955. – 59 с.: ил.

Повести / [худож. В. Заборский]. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1956. – 156 с.: ил. – Содерж.: Наше счастье; Пуговицы.

Дороги в горах: роман. Кн. 1 / [худож. В. К. Чебанов]. – Новосибирск: кн. изд-во, 1959. – 284 с.: ил.

То же // Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1959. – 268 с.

Море бьется о скалы / [послесл. И. Казанцева; худож. А. Дерявский]. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1961. – 311 с.: ил.

То же. – Изд. 2-е, доп. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1963. – 304 с., [1] л. портр.: ил.

То же. – Изд. 3-е. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1964. – 304 с.: ил.

Дороги в горах: роман / [худож. В. Т. Чапля]. – М.: Совет. Россия, 1964. – 328 с.: ил.

То же / [худож. В. Туманов]. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1965. – 332 с.: ил.

То же / [худож. С. Гужин]. – Барнаул, 1981. – 320 с.: ил.

Опасный шаг: повести / [худож. В. Туманов]. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1966. – 454 с.: ил. – Содерж.: Опасный шаг; Наше счастье; Пуговицы.

Дороги в горах; Опасный шаг; Двое в палате; Родная семья: роман, повести, рассказы / [вступ. ст. М. Юдалевича; худож. В. Туманов]. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1968. – 631 с.: портр.

Два дня и три ночи: повести / [худож. В. Туманов]. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1971. – 183 с.: ил. – Содерж.: Два дня и три ночи; Опасный шаг.

Море бьется о скалы: роман; Двое в палате: повесть / [худож. А. Дерявский]. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1972. – 384 с.: ил.

Дважды жить не дано: повести, рассказы, драма. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1974. – 288 с. – Содерж.: повести: Два дня и три ночи; Нужны энтузиасты; Двое в палате; Дважды жить не дано: драма; рассказы: Бурадан ачмалы; Старый мерин, кумовья и художники; Августовские ночи.

Друзья жданные и нежданные: рассказы / [худож. В. Раменский]. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1975. – 143 с.: ил. – Содерж.: Сибирская зима; Друзья жданные и нежданные; Загадка; Сладкоежки; «Всеночник»; Природа, люди и варвары; Посрамление; Инстинкт противоположного свойства.

Августовские ночи: рассказы / худож. Г. Сухогозов. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1976. – 174 с.: ил. – Содерж.: рассказы: Августовские ночи; Святая простота, или Телега семейной жизни; Бурадан ачмалы; Боль души; Старый мерин, кумовья и художники; Суть: (очерк).

Река времен: [роман, повести, рассказы] / [послесл. Г. Кондакова; худож. А. Дерявский]. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1977. – 720 с.: ил. – Содерж.: Море бьется о скалы: роман; повести: Святая простота, или Телега семейной жизни; Двое в палате; Друзья жданные и неожиданные; рассказы: Бурадан ачмалы; Боль души; Старый мерин, кумовья и художники; Посрамление; Сибирская зима; Августовские ночи и др.

Человек большого сердца: повести / [послесл. В. Сергеева; худож. А. Курдюмов]. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. – 342 с.: ил. – Содерж.: Двое в палате; Святая простота, или Телега семейной жизни; Друзья жданные и неожиданные; Нужны энтузиасты.

Святая простота, или Телега семейной жизни [Электронный ресурс]: повесть: [аудиокнига]/ читает Ольга Бурилова; Алт. краев. спец. б-ка для незрячих и слабовидящих. – Электрон. дан. – Барнаул: Алт. краев. спец. б-ка для незрячих и слабовидящих, 2013. – 1 эл. опт. диск (CD-DA): зв. компакт-диск, 1.4 м/сек (290 мин.), 12 см, цифр. – Систем. требования: Windows 98 ; Pentium 100 Mhz ; CD-ROM ; Sound ; card mouse. – Загл. с этикетки диска.

Публикации в периодических изданиях и сборниках

Друзья: рассказ //Родная природа: сб. статей, рассказов и стихов о природе Алтая. – Барнаул, 1979. – С. 56 – 66: фот.

Целинный урожай: [отрывок из романа «Дороги в горах»]//Родная природа: сб. статей, рассказов и стихов о природе Алтая. – Барнаул, 1983. – С. 17 – 26.

Глава из романа «Дороги в горах» // Библиотека «Писатели Алтая». – Барнаул, 1998. – Т. 1: Справочный том. – С. 132 – 142. – (Крат. биогр. справка).

Весенние трели: [отрывок из повести «Друзья жданные и неожиданные»] // Алтай. – 2001. – № 4. – С. 56 – 62.

«Нас всех война своим крылом коснулась...»: из личного фонда Николая Григорьевича Дворцова (1917-1985) / [вступ. ст. Н. И. Разгон] // Судьбы: воспоминания, дневники, письма, стихи, материалы экспедиций, докл., протоколы допросов. – Барнаул, 2001. – С. 62 – 93: портр.

Публикуются несколько личных документов Н. Г. Дворцова, а также воспоминания писателя и главного героя его романа «Море бьется о скалы» Н. В. Садовникова о событиях в Норвегии 1945 и 1967 гг.

Норвежские фиорды: [гл. из романа «Море бьется о скалы»] // Барнаул. – 2005. – № 2. – С. 48 – 59: портр. – (Крат.биогр. справка).

Два дня и три ночи: повесть // Барнаул. – 2006. – № 2. – С. 20 – 43.

Два рассказа//Алтай. – 2007. – № 6. – С. 109 – 113. – Содерж.:Бурадан Ачмалы; Сибирская зима. – (Крат. биогр. справка).

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ

Сотников А. Любовь к людям [к 50-летию Н. Г. Дворцова] // Алтайская правда. – 1967. – 19 дек. (№294).

Юдалевич М. И. Писатель. Труд. Время [к 50-летию Н. Г. Дворцова] // Молодежь Алтая. – 1967. – 19 дек.

Юдалевич Б. М. Литература // Энциклопедия Алтайского края: в 2 т. – Барнаул, 1995. – Т. 1. – С. 258 – 281. – Из содерж.: Н. Г. Дворцов. – С. 275.

Вальбрит Л. К. Дворцов Николай Григорьевич (1917-1985)//Энциклопедия Алтайского края: в 2 т.– Барнаул, 1996. – Т. 2. – С. 120 – 121: портр.

Яновский Н. Н. Дворцов Николай Григорьевич // Яновский Н. Н. Материалы к словарю «Русские писатели Сибири XX века»: библиогр. сведения. – Новосибирск, 1997. – С. 55.

Акимова И. А. Фонды личного происхождения в государственном архиве Алтайского края: [в т. ч. писателя Н. Г. Дворцова]//Гуляевские чтения: [материалы 1-й, 2-й, и 3-й ист.-арх. конф.] / Упр. арх. дела адм. Алт. края, Лаб. ист. краеведения Барнаул. гос. пед. ун-та, Гос. арх. служба Респ. Алтай. – Барнаул, 1998. – Вып. 1. – С. 6 – 10.

Портрет писателя Николая Дворцова / худож. Н. Иванов // Алтай. – 1998. – № 1. – 3-я с. обл.

Кудинов И. П. Год жизни: повесть в дневниках // Кудинов И. Избранное. – Барнаул, 2000. – С. 323 – 416. – Из содерж.: [Н. Г. Дворцов]. – С. 335, 337 – 339. – (Библиотека «Писатели Алтая»; т. 4).

То же // Барнаул. – 1999. – № 2. – С. 5 – 65. – Из содерж.: [Н. Г. Дворцов]. – С. 8, 12, 14, 15.

Соколова Г. И. Дворцов Николай Григорьевич // Барнаул: энциклопедия. – Барнаул, 2000. – С. 96 – 97: портр.

Кудинов И. П. Литературное Беловодье: история писат. орг. Алтая / И. Кудинов, В. Свинцов, М. Юдалевич. – Барнаул: Алт. полигр. комбинат, 2001. – 96 с. – Из содерж.: [Н. Г. Дворцов]. – С. 12, 14, 17, 26, 27, 30 – 32, 36 – 37, 63.

То же// Барнаул. – 2001. – № 3. – С. 8 – 31. – Из содерж.: [Н. Дворцов]. – С. 10 – 12, 14 – 17.

Юдалевич М. Прошлое литературы Алтая // Барнаул. – 2004. – № 3. – С. 142 – 149; № 4. – С. 110 – 117. – Из содерж.: [Н. Г. Дворцов]. – № 4. – С. 110.

Боронин О. Будет память о войне вечной...: [о творч. вечере памяти писателей-фронтовиков Н. Г. Дворцова и Г. В. Егорова в Алт. краев. универс. науч. б-ке им. В. Я. Шишкова] / фот. Ю. Черепанова // Деловой курьер Алтая. – 2005. – 19 мая. – С. 7: фот.

Кладова В. П. Личные книжные коллекции. Проблемы выявления, сохранности и использования:[в числе других о коллекции

Н. Г. Дворцова в Алт. краев.универс. науч. б-ке им. В. Я. Шишкова] // Алтай библиотечный. – Барнаул, 2005. – С. 90 – 93.

Дворцов Николай Григорьевич // Литературный Алтай (конец XIX – начало XXI вв.): [справочник]/ сост. Н. Т. Герцен, В. А. Шнайдер. – Барнаул, 2006. – С. 49 – 52: портр. – Библиогр.: 38 назв.

Ответственные секретари АКПО Союза писателей России и годы их работы: [в т.ч. Н. Дворцов, 1967-71 гг.] // Барнаул. – 2006. – № 2. – 2-я с. обл.: портр.

Хронология книжных фарватеров: год вступления в Союз писателей СССР – России: (постановка на учет в Алт. краев.писат. орг.) и даты жизни поэтов, прозаиков, драматургов [в т. ч. Н. Г. Дворцова] / сост. О. Овсянникова // Барнаул. – 2006. – № 3. – С. 142 – 143.

Гущина Т. Н. Прикосновение: [воспоминания об отце, писателе Н. Г. Дворцове]//Алтай. – 2007. – № 6. – С. 114 – 117.

Овсянникова О. Алтайское Беловодье / О. Овсянникова, В. Свинцов. – Барнаул: А.Р.Т., 2007.– 71 с. – Из содерж.: [Н. Г. Дворцов]. – С. 6, 67, 71.

Слюсарева А. Ю. Алтайские писатели в годы Великой Отечественной войны/ рук. работы Л. А. Марьина //Молодежь и культура: духовное возрождение России. – Барнаул, 2008. – С. 27 – 31.

Слюсарева А. Ю. Писатели Барнаула в годы Великой Отечественной войны/ рук. работы Л. А. Марьина //Молодежь – Барнаулу. – Барнаул, 2008. – Т. 1. – С. 105 – 106.

Ишутина Е. Н. Личный фонд Николая Григорьевича Дворцова (1917-1985)//Путеводитель по фондам и собраниям Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая. – Барнаул, 2009. – С. 40 – 41.

Открытие мемориальной доски [писателю Н. Г. Дворцову в г. Барнауле] //Профсоюзы Алтая. – Барнаул, 2011. – 4 февр.

Серебряный В. Николай Дворцов. Упорство: (к 50-летию со дня рождения) // «Я оставлю мой голос...»: жизнь и творчество Виктора Серебряного: [сборник]/ [ред.-сост. Е. И. Балакина]. – Барнаул, 2011. – С. 163 – 171.

Нам не забыть: [к 95-летию со дня рождения писателя Н. Дворцова] // Алтайская правда. – 2012. – 20 дек.: портр.

Алешина Т. К. Они любили Алтай: [о писателях-фронтовиках Алт. края, в т. ч. о Н. Г. Дворцове] // Звездочка наша. – Барнаул, 2015. – Май (№ 5). – С. 14 – 15.

Испытание временем: альм. о жизни и творчестве писателей-фронтовиков Алтайского края/ Упр. Алт. края по культуре и арх. делу, Алт. краев. дет. б-ка им. Н. К. Крупской; [ред.-сост.: Л. Н. Зинченко, Э. П. Хомич; отв. ред. Т. Н. Кушвид]. – Барнаул, 2015. – 219 с.: ил., портр. – Библиогр. в конце разд.

Ишутина Е. Н. 100 лет со дня рождения писателя Н. Г. Дворцова (1917-1985) // Алтайский край, 2017: календарь знаменательных и памятных дат. – Барнаул, 2016. – С. 105 – 109: фот. – Библиогр.: с. 108 – 109 (28 назв.).

Коржов В. М. А память священна...: очерки и статьи о литераторах. Воспоминания. – Барнаул: [б. и.], 2017. – 158 с.: ил., портр. – Библиогр.: с. 157. – (Городская библиотека).

Коржов В. М. За чаем с Дворцовым // Культура Алтайского края. – Барнаул, 2017. – Дек. (№ 4). – С. 54 – 55: фот.

Коржов В. М. За чашкой чая: [из воспоминаний о писателе Н. Г. Дворцове] // Вечерний Барнаул. – 2017. – 13 янв. (№ 4). – С. 24: цв. фот.

Кудинов И. П. Мы живем на Алтае: [к 100-летию писателя Н. Дворцова] // Алтай. – 2017. – № 4. – С. 169 – 201: портр.

Литература об отдельных произведениях и сборниках

Два дня и три ночи

Буханцев Н. Характер современника // Алтай. – 1972. – № 2 (61). – С. 76 – 77.

Буханцев Н. Человек на земле. Раздумья о современной повести // В мире книг. – 1972. – № 3. – С. 25 – 27.

Двое в палате

Бакланов М. // Алтайская правда. – 1966. – 29 янв.

Дороги в горах

Плотников А. // Алтайская правда. – 1957. – 21 нояб.

Бакланов М. Характеры раскрываются в труде // Алтайская правда. – 1958. – 20 дек.

Ершов Г. В атмосфере творческого беспокойства: (о соврем. прозе писателей Алт. края) // Москва. – 1959. – № 3. – С. 195 – 201.

Аленчев А. Пути-дороги // Звезда Алтая. – Горно-Алтайск, 1959. – 8 авг.

Чебаевский Н. // Алтайская правда. – 1959. – 11 авг.

Казанцев И. // Алтай. – 1959. – № 12. – С. 128 – 130.

Демина М. Игоря нельзя полюбить // Молодежь Алтая. – 1963. – 30 нояб.

Дмитриев А. Остается загадкой // Молодежь Алтая. – 1963. – 30 нояб.

Никитин С. Быть человеком // Алтайская правда. – 1964. – 22 авг.

Друзья жданные и нежданные

Кондаков Г. Поэзия прозы // Алтайская правда. – 1976. – 4 июля.

Кондаков Г. Друзья жданные и нежданные // Сибирские огни. – 1976. – № 12. – С. 182 – 183.

Море бьется о скалы

Казанцев И. Во имя Родины // Алтай. – 1961. – № 19. – С. 143 – 146.

Иосько М. Берзинская эпопея: (о романе и его герое Н. В. Садов-

никове) // Ленинский путь. – Самарканд, 1961. – 15, 19, 22 дек.; 1962. – 3, 5, 13, 16 янв.

Владимиров П. Роман о мужестве и героизме // Алтайская правда. – 1962. – 28 янв.

Макарова Т. О победе человека // Алтайская правда. – 1962. – 9 июня.

Иосько М. Герои не умирают // Ленинский путь. – Самарканд, 1962. – 10 июня.

Бакланов И. Книга о мужестве // Алтайская правда. – 1962. – 7 июля.

Габова Л. С любовью к Родине // Алтайская правда. – 1962. – 7 июля.

Осипов Г. Родина не забудет: (о герое романа Н. В. Садовникова) // Алтайская правда. – 1962. – 30 авг.

Макарова Т. На обложке книги – колючая проволока // Алтай. – 1963. – № 3. – С. 80 – 85.

Огнев А. Неиспользованные возможности // Сибирские огни. – 1963. – № 6. – С. 187 – 188.

Осипов Г. Победивший смерть // Литературная Россия. – 1963. – 23 авг. – С. 4.

Чукреев В. // Октябрь. – 1964. – № 6. – С. 222 – 223.

Шишов В. Родное, близкое, свое. – Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, Ом. отд-ние, 1969. – 106 с. – Из содерж.: [о романе «Море бьется о скалы»]. – С. 13.

Мы живем на Алтае

Кинелев Г. О новом номере альманаха «Алтай» // Алтайская правда. – 1952. – 23 нояб.

Леваковская Е. Альманах «Алтай» // Октябрь. – 1953. – № 6. – С. 170 – 174.

Красноперов Е. // Сталинская смена. – Барнаул, 1953. – 19 авг.

Константинов Ю. Детская литература в альманахах // Литературная газета. – 1953. – 1 сент.

Хавкин О. Под одной обложкой // Литературная газета. – 1955. – 12 марта.

Наше счастье

Банькин В. На прежнем уровне // Комсомольская правда. – 1955. – 26 июля.

Кинелев Г. О новой повести Н. Дворцова // Алтай. – 1955. – № 9. – С. 227 – 230.

Соколова Н. Испытание характера // Литературная газета. – 1955. – 22 нояб.

Казанцев И. Путь к мастерству // Алтай. – 1959. – № 13. – С. 129 – 136.

Опасный шаг

Максимова Е. Любовь, брак, семья: размышления по поводу одной повести // Алтай. – 1976. – № 4. – С. 77-79.

Река времен

Дворцова-Гущина Т. // Алтай. – 1987. – № 4. – С. 66: портр.

Родная семья

Казанцев И. Во имя Родины // Алтай. – 1961. – № 19. – С. 141 – 143.

Казанцев И. О молодом солдате // Советский воин. – 1961. – 22 дек.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ

Дворцов Николай Григорьевич // Писатели Алтая: биобиблиогр. справ. / Алт. краев.б-ка; сост. М. Г. Вохрышева, Л. С. Панкратова. – Барнаул, 1967. – С. 21 – 26: портр.

Дворцов Николай Григорьевич // Писатели Алтая: биобиблиогр. справ. / Алт. краев.б-ка; сост. М. Г. Вохрышева, Л. С. Панкратова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Барнаул, 1974. – С. 20 – 26: портр.

Дворцов Николай Григорьевич // Русская литература Сибири, 1917-1970 гг.: библиогр. указ.: [в 2 ч.]. – Новосибирск, 1977. – Ч. 2. – С. 92 – 94.

Дворцов Николай Григорьевич // Писатели Алтая: биобиблиогр. справ. / Алт. краев.универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова; сост. Н. Борисова и др. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Барнаул, 1990. – С. 41 – 45: портр.

Дворцов Н. Г. // Художники Алтайского края: биобиблиогр словарь: [в 2 т.]. – Барнаул, 2006. – Т. 2: М-Я. – Именной указ.: [писатель Н. Дворцов в работах художников А. К. Дерявского, Н. П. Иванова, М. А. Кульгачева, Б. Н. Лупачева, В. А. Раменского].

Дворцов Николай Григорьевич // Писатели Алтайского края: биобиблиогр. словарь/ Алт. краев.универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова; [сост. А. М. Ковалева и др.; отв. ред. В. С. Олейник]. – Барнаул, 2007. – С. 140 – 144: фот.

ИНТЕРВЬЮ

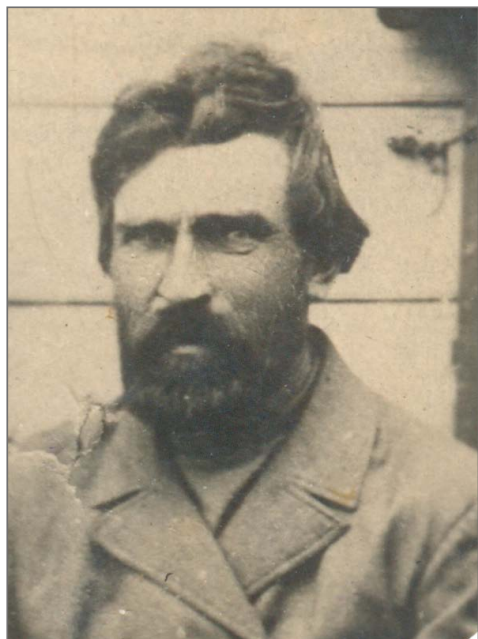
«Жизнь, как учитель...» [беседа с Н. Г. Дворцовым, вел Н. С. Байбуза] // Алтайская правда. – 1973. – 12 мая (№ 110).

Главная тема [беседа с Н. Г. Дворцовым, вела Л. Г. Кошкарлова] // Алтайская правда. – 1977. – 17 дек. (№ 294).

Сергеев В. А. «Пятьдесят – это все же печальная дата...» / Поэтическая рубрика// Алтайская правда. – 1974. – № 10. – 12 янв.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК) ФР. 1368. Оп. 2. Д. 17. ЛЛ. 14-18.
2. ГААК. ГААК. ФР. 1368. Оп. 2. Д.16. ЛЛ. 10-13.
3. ГААК. ФР. 1368. Оп.2. Д.17. ЛЛ. 22-25.
4. ГААК. ФР. 1368. Оп. 2. Д. 16. ЛЛ. 14 – 22
5. ГААК. ФР. 1368. Оп. 2. Д. 17. ЛЛ. 26 - 36
6. ГААК. ФР. 1368. ОП. 2. Д. 17. ЛЛ. 3, 5, 6, 12, 13
7. ГААК. ФР. 1368. Оп.2. Д.154. Л. 10
8. ГААК. ФР. 1368. Оп. 2. Д. 154. Л. 26
9. ГААК. ФР. 1368. Оп. 2. Д.154. Л. 19
10. ГААК. ФР. 1368. Оп.2. Д.118. Л.1
11. ГААК. ФР. 1368. Оп.2. Д. 154. Л. 19
12. ГААК. ФР. 1368. Оп. 2. Д. 117. Л. 3-4
13. ГААК. ФР. 1368. Оп. 2. Д. 117. ЛЛ. 22-23
14. ГААК. ФР. 1368. Оп. 2. Д. 117. Л. 1
15. ГААК. ФР. 1368. Оп. 2. Д. 117. ЛЛ. 9-10
16. ГААК. ФР. 1368. Оп. 2. Д. 117. ЛЛ. 2-8
17. ГААК. ФР. 1368. Оп. 2. Д. 117. ЛЛ. 5-6
18. ГААК. ФР. 1368. Оп. 2. Д. 117. Л. 19
19. ГААК. ФР. 1368. Оп. 2. Д.137. Л. 25
20. ГААК. ФР. 1368. Оп. 2. Д. 137. Л. 7
21. ГААК. ФР. 1368. Оп. 2. Д. 136. ЛЛ. 3-5
22. ГААК. ФР. 1368. Оп. 2. Д. 136. ЛЛ. 7-8
23. ГААК. ФР. 1368. Оп. 2. Д. 136. Л. 12
24. ГААК. ФР. 1368. Оп. 2. д. 155. Л. 37
25. ГААК. ФР. 1368. Оп.2. Д.155. Л. 38-39
26. ГААК. ФР. 1368. Оп. 2. Д. 155. Л. 40-41
27. ГААК. ФР. 1368. ОП.2. Д.155. Л. 21
28. ГААК. ФР. 1368. Оп. 2. Д. 123. Л. 1.
29. Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая (ГМИЛИКА) ОФ 895/46
30. ГМИЛИКА. ОФ 15820
31. ГМИЛИКА. ОФ 350/37

Григорий Епифанович Дворцов,
отец Н. Г. Дворцова, с. Куриловка
Саратовской губернии, начало XX в.

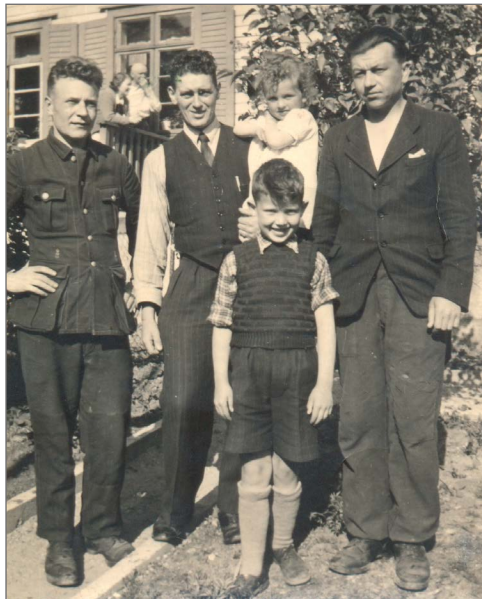
Николай Дворцов, г. Саратов, 1935 г.

Николай Дворцов (*справа*) с другом, г. Саратов, 1938 г.

У могилы расстрелянных советских военнопленных, Норвегия, май 1945 г.

Николай Дворцов (*крайний слева*), Свен Твед Кнудсен и Иван Сучков, Норвегия, местечко Лаксевог близ г. Бергена, май 1945 г.

В своем рабочем кабинете, г. Барнаул, февраль 1953 г.

Барнаул, 1955 г.

Писатели (слева направо) М. И. Юдалевич, Н. Г. Дворцов и старший редактор Алтайского книжного издательства А.С. Тресков, 1955 г.

Николай Дворцов (в центре) и Иван Кудинов (справа) во время творческой командировки по Алтайскому краю, 1956 г.

Николай Дворцов с супругой Паной Ивановной, г. Белокуриха, 1956 г.

Николай Дворцов (*крайний справа в верхнем ряду*)
с сотрудниками газеты «Молодежь Алтая».
В центре – аргентинский поэт Хуан Хельман, г. Барнаул, 1957 г.

*Слева направо: Н. Дворцов, Н. Павлов, М. Юдалевич, Л. Квин
на детском новогоднем празднике, г. Барнаул, 1958 г.*

*Справа налево: Николай Дворцов и Георгий Егоров –
делегаты III съезда Союза писателей СССР, г. Москва, 1959 г.*

Дочери (слева направо) Ирина, Вера и Татьяна, г. Барнаул, ноябрь 1961 г.

С семьей на природе, 1962 г.

Николай Дворцов (*крайний слева*), Николай Садовников (*крайний справа*)
с супругами и брат Николая Дворцова Петр, г. Барнаул, 1962 г.

Слева направо: Николай Дворцов, Григорий Люшнин и Виктор Сидоров, 1962 г.

Автографы курсантам спецшколы МВД СССР,
г. Барнаул. 1963 г.

Н. Г. Дворцов (*слева*) и прототип героя романа «Море бьется о скалы»
Н. В. Садовников, г. Джизак Казахской ССР, 1964 г.

Николай Дворцов (*крайний слева*) среди земляков,
с. Куриловка Саратовской области, 1966 г.

Николай Дворцов (*четвертый слева в нижнем ряду*) среди земляков,
с. Куриловка Саратовской области, 1966 г.

Писатели Лев Квин и Николай Дворцов (*справа*), г. Барнаул, 1967 г.

Барнаул, 1967 г.

Барнаул, 1967 г.

Книги Н. Г. Дворцова

«Русская мама» Мария Эстрем с Николаем Дворцовым (в центре)
на перроне вокзала г. Бергена (Норвегия), 1967 г.

Н. Г. Дворцов на могиле своих товарищей. Кладбище военнопленных в местечке Лаксевог близ г. Бергена (Норвегия), июль 1967 г.

Во время поездки в Норвегию, 1967 г.

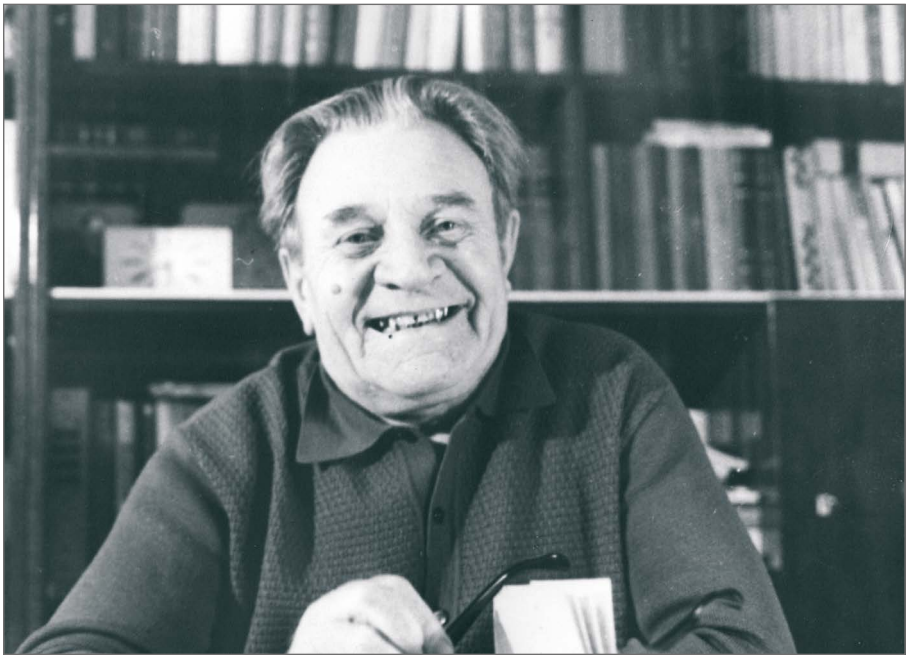
На встрече
с читателями,
с. Залесово Алтайского
края, 1968 г.

Николай Дворцов (*справа*) с другом художником
Алексеем Бородиным, г. Волгоград, Мамаев курган,
1976 г.

В минуты отдыха. 1978 г.

Дорогие мои!

Я вас всегда любил и люблю.
Знайте об этом. А если что было
не так, прощайте.
Мы все друзья, уважайте друг
друга

12.VII 84 Н. Дворцов

P.S За час до операции.

За час до операции. Написано рукой Николая Дворцова, 1984 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Татьяна Гущина. Память сердца 5

СЛОВО – ДВОРЦОВУ

Николай Дворцов. О времени, о жизни, о себе.....	17
Николай Дворцов. Бить точно, прицельно!.....	20
Николай Дворцов. Рабочий стол писателя.....	24
Николай Дворцов. Новая книга «Дороги в горах».....	33
Николай Дворцов. О романе «Море бьется о скалы».....	35
Николай Дворцов.«Параллели и меридианы».....	40
Николай Дворцов. «О книгах и о себе».....	44
Партийность, правдивость, глубина – главное в творчестве писателя (телепередача «За круглым столом»).....	46
Писатель. Труд. Время (интервью с Б. Юдаевича).....	50
Жизнь как учитель (интервью Н. Байбузы).....	53
Главная тема (интервью Л. Кошкарёвой).....	56
Обратная связь: письма читателей.....	59

ЛЮБОВЬ МОЯ, ЛИТЕРАТУРА

Марк Юдаевич. Судьбы людские.....	75
Георгий Кондаков. Пути и судьбы.....	83
Иван Казанцев. О творчестве Н. Г. Дворцова.....	96
Владимир Сергеев. Николай Дворцов и его герои.....	113
Виктор Серебряный. Николай Дворцов.....	133
Алексей Сотников. Любовь к людям.....	141
Каролина Саранча. О книгах Н. Г. Дворцова (Обзор творчества).....	146
Геннадий Осипов. Родина не забудет.....	165

ОСТАНОВИТЬСЯ, ОГЛЯНУТЬСЯ

Иван Кудинов... «Мы живем на Алтае».....	173
Виталий Сафронов. Поездка в Норвегию.....	198

Ольга Баранова. «Я вспоминаю, сердцем посветлев...»	203
Владимир Коржов. За чаем с Дворцовым	208
Владимир Смирнов. «Минувшее проходит предо мною...».....	212
Валентина Новичихина. Однажды летом	216
Тамара Слибченко. «Жизни моей прохожие».....	218
Ольга Нечунаева. Нити судьбы	221
Владимир Шнайдер, Герман Шнайдер. Писатель вне времени	223
Василий Нечунаев. Остался в памяти	226
Михаил Кульгачев. Мой Дворцов.....	228
Юрий Кабанов. «Глаголом жечь сердца людей...»	231
Алексей Дрилёв. Я всегда учусь	234
Борис Лупачёв. Рядом с чудом	238
Оксана Сидорова. Певцы природы	243
Валентина Зинченко. Дороги, которые мы выбираем	248
Юрий Громов. Дядя Коля	253
Иван Дворцов. Встреча	256
Татьяна Гущина. Прикосновение	259
БИБЛИОГРАФИЯ	265

Татьяна Николаевна Гущина

Николай Дворцов: жизнь и творчество писателя
в воспоминаниях, статьях и документах

Дизайнер: К. М. Паршина
Редактор: И. С. Малышева
Корректор: Т. А. Дубовская
Верстка: Е. К. Метякова

Подписано в печать 03.12.2018 г.
Формат 84x108/32. Тираж 500 экз. Заказ № 1644.

Отпечатано в ООО «Технопринт».
650004, Российская Федерация, Кемеровская обл.,
г. Кемерово, ул. Сибирская, 35а. Тел. (3842) 35-21-19.

Издание посвящено судьбе одного из самых известных и популярных писателей Алтайского края 1960–1970 гг., члена Союза писателей СССР, заслуженного работника культуры РСФСР Николая Григорьевича Дворцова (1917–1985), творческая и общественная деятельность которого оставила глубокий след в истории культуры Алтая.

Книга повествует о сложной и наполненной глубоким содержанием судьбе человека, всецело посвятившего себя литературе, в творчестве которого нашли отражение трагические и героические страницы нашей истории, судьбы его земляков, все, что было пройдено и пережито самим писателем.

Николай Дворцов является автором многих известных произведений, в т.ч. романов «Море бьется о скалы», «Дороги в горах», многократно переизданных массовыми тиражами.

Н.Г. Дворцов работал заместителем редактора краевой газеты «Молодежь Алтая», редактором альманаха «Алтай». Он дважды избирался ответственным секретарем Алтайской краевой писательской организации, являлся делегатом двух писательских съездов и членом правления Союза писателей СССР.

